

АНАТОЛИЙ
АФАНАСЬЕВ

ЮРИЙ
БАРАНОВ

Одиссея
генерала
ЯХОНТОВА

В. А. Яхонтов. 1976 г.

АНАТОЛИЙ АФАНАСЬЕВ

ЮРИЙ БАРАНОВ

Одиссея генерала ЯХОНТОВА

Москва
«Советская Россия»
1988

Рецензент
доктор исторических наук
К. Ф. Шацилло

Художник **В. И. Харламов**

Афанасьев А. Л., Баранов Ю. К.

А94 Одиссея генерала Яхонтова.— М.: Сов. Россия, 1988.— 272с.; 1 л. портр.

Героя этой документальной повести Виктора Александровича Яхонтова (1881—1978) Великий Октябрь застал на посту заместителя военного министра Временного правительства России. Генерал Яхонтов не понял и не принял революции, но и не стал участвовать в борьбе «за белое дело». Он уехал за границу и в конце концов осел в США. В результате мучительной переоценки ценностей он пришел к признанию великой правоты Октября. В. А. Яхонтов был одним из тех, кто нес американцам правду о Стране Советов. Несколько десятилетий отдал он делу улучшения американско-советских отношений на всех этапах их непростой истории. В конце жизни генерал Яхонтов вернулся на Родину.

А 4702010200—126 147—88

М-105(03)88

9(С)2

ISBN 5—268—00524—3

**Анатолий Леонидович Афанасьев
Юрий Константинович Баранов**

Одиссея генерала Яхонтова

Редактор **Т. П. Зыкова**
Художественный редактор **А. С. Кулемин**
Технический редактор **Г. О. Нефедова**
Корректоры **М. Е. Козлова, Т. Б. Лысенко**

ИБ № 7277

Слано в набор 27.08.87. Подп. в печ. 25.03.88. А08569. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. На вкл. офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,39. (в т. ч. вкл. 0,11). Усл. кр.-отт. 14,39. Уч.-изд. л. 14,79 (в т. ч. вкл. 0,02). Тираж 100 000 экз. Заказ № 298. Цена 1 р. Изд. инд. ХД-150. Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012. Москва, пр. Сапунова, 13/15. Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

Роковые решения

Точка отсчета

Ему бы сказаться тогда больным и никуда не поехать, вернее всего на месяц оттянуть отъезд — и вся жизнь могла бы сложиться иначе, пройти проще, легче, да что там проще — нормальной, коли на то пошло. Не раз в долгие годы чужбины, особенно по ночам, в вагоне, когда спалось — не спалось и сон мешался с явью, приходила эта мысль — эх, сказаться бы тогда больным и не поехать. Оттянуть на месяц. Тогда он бы оказался вдали от октябрьского водоворота, а там, глядишь, всмотрелся бы, разобрался... Но каждый раз, по привычке додумывая до конца, он отвечал сам себе — нет, иначе поступить он не мог. Он должен был выполнить свой долг.

Со временем ему стало казаться, что были у него в те дни предчувствия больших перемен. Почему-то ведь запомнились подробности того дня накануне его отъезда из Токио в Петроград.

В тот день обедали без Олечки, ей нездоровилось, должен был приехать доктор Джонсон из английского посольства. Мальвина Витольдовна, отказавшись от десерта, поспешила к дочери. А он распорядился подать чай в кабинет. Пожалуй, он был даже рад тому, что можно будет посидеть в одиночестве, подумать. Нет, предчувствия все-таки были. Виктор Александрович отчетливо помнил, как он почему-то все оглядывал и оглядывал знакомую комнату, как бы стараясь намертво закрепить в памяти ее привычный, до мелочей продуманный уют. И все же это было — почему-то мелькнула тогда мысль, что приходит конец устойчивости быта, прочности, укорененности. Хотя о какой укорененности может идти речь у военного, тем более дипломата. Впрочем, именно военный умеет быстро прирастать к месту. Здесь, в Токио, Яхонтовы только год,

но давно уже живут налаженным домом. В этом, конечно, главная заслуга Мальвины Витольдовны. Наверное, наследственность — дочь подполковника, жена полковника... Весь токийский дипкорпус восхищается домом русского военного агента (так в те далекие годы официально назывались военные атташе) полковника Яхонтова.

В свое время, служа на Кавказе, Виктор Александрович собрал изрядную коллекцию восточных ковров, брони и оружия. А здесь текинские ковры и кубачинские кувшины кажутся необычайно экзотичными и европейцам и японцам. Французский посол как-то сказал Виктору Александровичу:

— Если вам, полковник, когда-нибудь наскучит ваш интерьер и вы захотите сменить его, устройте аукцион и увидите, что я обойду всех конкурентов.

Разумеется, это была шутка. Какой там аукцион. Ну, а все же (Яхонтов любил доводить любую мысль до конца), если бы пришлось вдруг почему-то уезжать налегке, что бы ты взял с собой, Виктор Александрович? Конечно, письменный стол — чертовски удобен, за ним так хорошо работается. Ну, и конечно, вот эту грамоту, что висит над столом в рамке уже восемь лет. Это благодарность его солдат из святого Александра Невского полка. Когда провожали его на новое место службы, солдаты благодарили своего ротного за то, что он видел в них людей, что по-человечески обращался с ними, учил читать и писать, рассказывал о началах наук. Никогда не забыть ему спазму, сжавшую горло, когда солдаты поднесли ему эту грамоту. Что ж, вот она — истинная ценность, а ковры — дело наживное. Но все равно аукциона не будет, господин посол Французской Республики.

И все же, скорее всего, не было никаких предчувствий, они нафантазировались потом. А было очень просто объяснимое удовлетворение от мысли, что скоро он будет в Петрограде и все узнает сам. Потому что тогда, в сентябре тысяча девятьсот семнадцатого, находясь за рубежом, было очень трудно понять, что происходит.

Профессиональный военный, давно уже занятый на военно-дипломатическом поприще, Яхонтов неплохо ориентировался в сложном мире внешнеполитических отношений. Россия и Германия, Россия и Франция, Россия и Англия, наконец, самое для него профессионально близкое, Россия и страны Дальнего Востока — Япония, Китай, Корея. Но вот что касается событий в самой России, тут Яхонтов честно признавался себе самому, что он многого

не знает и не понимает. Как многие военные, он воспринимал свою страну как нечто цельное, как априорно родное, свое, интересы которой следует охранять, бдительно следя за происками врагов. В сущности, внутрироссийские дела он не считал входящими в круг своей компетенции. Ему и не разрешалось иметь политических убеждений. Ведь в известном приказе по военному ведомству № 804 от 16 декабря 1905 года всем военным чинам воспрещалось входить в состав и принимать участие в каких бы то ни было союзах, группах, организациях, партиях и т. п., образуемых с политической целью, а равно присутствовать в разного рода собраниях, обсуждающих политические вопросы. Он был согласен с этим приказом внутренне, приказ соответствовал его убеждениям. Яхонтов считал, что его забота — Россия в целом. Видимо, поэтому он сравнительно спокойно принял известие о Февральской революции, об отстранении царя от власти. Яхонтов не имел ничего против Николая II, пожалуй, он даже удивился своему равнодушию. Конечно, вспомнились встречи с царем, их было несколько, не так давно ему даже случилось обедать с государем. «Слуга царю, отец солдатам» — этой лермонтовской формулой мыслилось Яхонтову его будущее, когда он учился в кадетском корпусе. И вот царя нет, а в его, Яхонтова, жизни ничего не изменилось.

Но так казалось недолго. Скоро страну как будто затрясло. И это было удивительно. Яхонтов склонен был скорее рассчитывать на улучшения — ведь ушла в прошлое позорная распутинщина и связанная с ней (если уж додумывать до конца, то не только с ней, но и с царским произволом) министерская чехарда, неоправданные перестановки в командовании армии. Но нет, неустойчивость и нестабильность не только не пошли на убыль, но даже стали угрожающе расти, значит, дело было не только в Распутине и прогерманских симпатиях императрицы. Газеты писали о нежелании русских солдат воевать, о дезертирстве, развале фронта.

Совсем недавно Яхонтов сам воевал, он был начальником оперативного отдела штаба 10-й армии. В сущности, это не столь уж высокая должность, и Виктору Александровичу приходилось достаточно близко наблюдать армейский быт. Он видел, знал, что солдат да и офицеров возмущали безобразия в снабжении, постоянная нехватка то одного, то другого. Об этих безобразиях с возмущением говорили и в столице, в Думе, те самые деятели, которые, отстранив Романовых, взяли власть в свои руки. А что

толку? Правда, в прошлом месяце, в августе, мелькнула надежда. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов взял было под уздцы Россию, как взбрыкнувшего жеребца, но... слишком многие воспрепятствовали спасению державы. Слишком многие повисли на руках у генерала, в том числе и те, кто, казалось бы, должен был стать с ним под одно знамя. И прежде всего — командующий Московским военным округом полковник Верховский.

Яхонтов знал и уважал этого молодого офицера (Верховский, помнится, на пять лет моложе Яхонтова, значит, ему сейчас тридцать один). Совершенно непонятно, почему Верховский не поддержал Корнилова. Яхонтов не верил развязным статьям в западной печати, которые толковали события так, будто шустрый молодой полковник сохранил верность Временному правительству, чтобы обрести генеральские погоны, должность военного министра и членство в этой малопонятной Директории, взявшей в свои руки всю власть в стране. Яхонтов был убежден — здесь что-то не то. Верховский — патриот и порядочный человек. Вдруг Яхонтову пришла в голову простая мысль, странно даже, что он не подумал об этом раньше: ведь Верховскому сейчас чертовски трудно и... невероятно одиноко. Да, большинство видных генералов поддержали Корнилова. К Верховскому симпатии они не испытывают, не говоря уже о том, что назначение военным министром тридцатилетнего полковника наверняка ударило по амбициям, самолюбию и надеждам очень многих. И вот министр А. И. Верховский предписывает военному агенту В. А. Яхонтову незамедлительно прибыть в Петроград.

Да, скорее в Петроград, только там можно уяснить, что происходит с Верховским, с армией, с Россией...

Зарево на горизонте

...Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели!

Виктор Александрович всегда вспоминал эти поразительно точные и емкие блоковские строки, когда ему случалось ехать по России, особенно из конца в конец страны. Яхонтову, конечно, никогда не приходилось ездить в зеле-

¹ Синими были вагоны первого класса, желтыми — второго, зелеными — третьего.

ных. А сейчас, прохаживаясь по коридору международного вагона, чтобы размять ноги, он почему-то подумал, что из окна зеленых вагонов проплывающие за окном пейзажи наверняка кажутся иными. Возможно, вон та деревенька, мелькнувшая в разрыве необъятного леса, — родина тех угрюмых новобранцев, которых грузили в их поезд на последней остановке. Вот было бы любопытно поговорить с этими мужиками, послушать их мнение о затянувшейся войне, спросить об их отношении к дезертирам, о которых настойчиво, изо дня в день пишут газеты. Но то, что возможно в казарме или в окопе, невозможно в обыденной жизни.

«Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели». Здесь, в международном вагоне, новобранцев не повезут. Здесь едет франтоватый румынский дипломат, знакомый по Токио (он тоже для чего-то направляется в Петроград), какой-то карикатурный профессор не то с гербариями, не то с коллекциями бабочек (Яхонтова, озабоченного судьбами отечества, уже раздражал безмятежно-спокойный ученый), какие-то коммерсанты, видимо богатые, да американец — специалист по железнодорожному делу. По-американски лишенный чопорности, он уже познакомился с Яхонтовым. С этими людьми о проблемах дезертирства из русской армии говорить не будешь.

Между тем американец, легкий на помине, высунулся в коридор и, увидев Яхонтова, радостно оскалил зубы. Виктор Александрович сдержанно поклонился вновь испеченному союзнику (в апреле Америка наконец-то вступила в войну), но мистер Парсонс не ограничился поклоном. Он стал настойчиво приглашать русского дипломата в свое купе. Виктор Александрович после минутного колебания принял приглашение. Американцев он знал мало и считал это недостатком. Северо-Американские Соединенные Штаты набирали силу не по дням, а по часам, и Яхонтов понимал, что в мировой политике молодая держава будет играть все большую и большую роль.

Виктор Александрович не пожалел, что принял приглашение соседа. Мистер Парсонс рассказал ему удивительные вещи. Тыча сигарой в окно, он уверенно вещал:

— Скоро все это изменится. Наконец-то Россия обрела достойное правительство. Не обижайтесь, вы офицер и, наверное, монархист, а я американец, а значит, сторонник республики. Но дело даже не в этом. Нам нравятся ваши новые лидеры. Они идут навстречу американскому бизнесу. Я еду в Россию по вызову моего босса, мистера Сти-

венса. Вы, несомненно, знаете, что он назначен советником мистера Ливеровского. Это достойный человек прогрессивных взглядов, он понимает, какие силы стоят за мистером Стивенсом...

— Ливеровский, Ливеровский,— мучительно вспоминал Яхонтов.— Ах, да, это, кажется, министр путей сообщения...

Парсонс по-своему прочел колебания, отразившиеся на лице собеседника, и почти с испугом спросил, а знает ли вообще русский полковник, кто такой мистер Стивенс. Яхонтов признался, что не знает.

— Но вы, конечно, знаете,— пылко воскликнул американец,— что мы прорыли Панамский канал.

Это Яхонтов знал.

— Ну так вот. А строил канал мистер Стивенс. Он получил на этом колоссальные деньги! А здесь он сделает такие деньги, что весь мир ахнет. Россия для него — та же Панама, только гораздо большего размера.

— Как это понять?— сравнение полковнику не понравилось.

— Мистер Стивенс,— американец торжественно поднял сигару,— привез в Россию колоссальный проект. Мы возьмем у вас в концессию вот эту железную дорогу и двадцать четыре мили прилегающей к ней земли. Скоро вы не узнаете здешних мест,— Парсонс энергично перечеркнул сигарой окно.— Мы уничтожим все эти деревни, создадим образцовые поселки, сведем леса, построим заводы. Ваша земля сказочно богата, вы не умеете работать, но мы вас научим. Не обижайтесь, конечно...

Яхонтов имел смутное представление о концессиях, да и вообще об экономике, но стратегическое значение Транссибирской магистрали ему было ясно. Поэтому он с недоверием воспринял слова мистера Парсонса, подумал даже, что не вполне его понял из-за резкого американского акцента. И Виктор Александрович попросил уточнить, какой участок дороги имеет в виду его спутник.

— Всю дорогу, всю!— воскликнул Парсонс.— От Владивостока до... лично мое мнение — надо брать только до Екатеринбурга, хотя другие наши бизнесмены считают, что имело бы смысл размахнуться до самой Балтики.

Информация, полученная от Парсонса, встревожила не столько настырностью американской стороны, сколько податливостью российской. Что-то уж очень Керенский благосклонен к Америке. Виктор Александрович на-

сторожился, услышав от разболтавшегося Парсонса, что янки могли бы взять в качестве оплаты военных поставок некоторые русские дальневосточные территории — Чукотку, Камчатку, остров Врангеля, оставшуюся северную часть Сахалина. «Есть прекрасный прецедент в истории русско-американских отношений,— восклицал Парсонс,— продажа Аляски! Давайте же продолжим эту традицию! Вам с вашей, простите, ленью не освоить эти территории. Кстати, господин полковник, мы там уже успешно закрепляемся, и ваши власти смотрят на это сквозь пальцы. Видимо, дело идет к продаже...»

Виктору Александровичу было неприятно, что такого рода сведения он получает от чужеземца. Неужели и правда, что правительство Керенского пойдет на территориальные потери? Недальновидно это, ох недальновидно!

— У нас в Штатах многие, в том числе и я, считают,— заключил Парсонс,— что сама судьба предоставляет нам для освоения восток России. Посмотрите на карту — Сибирь тяготеет к Тихому океану, а на Тихом океане хозяйником должна быть и будет Америка. Таким образом, ваш восток с чисто научной точки зрения входит в американскую орбиту...

От разговоров с Парсонсом (а их было много, пока ехали до Екатеринбурга, где американец сошел «принимать дела», как он выразился) остался у Яхонтова неприятный осадок. Как будто пожар в доме, хозяева борются с огнем, а с черного хода лезут нахальные соседи и тащат все, что поближе лежит... Но когда перевалили Урал, когда поехали к Волге, Яхонтов забыл об американском железнодорожнике. Даже в отгороженный от всех неудобств международный вагон врывались тревоги окружающего мира. Яхонтов видел возбужденные толпы на станциях, бросалось в глаза обилие солдат и каких-то странных личностей — полувоенных-полуштатских. На одной станции, когда Виктор Александрович вышел немного пройтись, несколько пьяных солдат осыпали его оскорбительными замечаниями.

— Их высокоблагородие едут вшей кормить на фронт,— «пошутил» один.

— Нет,— возразил другой,— у них там под немцем имение осталось, так они Расею продадут, лишь бы имение вернуть, или в германскую веру перекрестятся.

— Им что,— заключил третий,— с той стороны фон Гинденбург, а с нашей фон Ренненкампф. Измена...

— Да брось ты, Тихон, про измену,— вдруг разъярил-

ся первый.— Спроси-ка у их высокоблагородия, за-ради чего мы с германскими мужиками три года друг друга смертным боем били... Грамотные небось, объяснят!

Виктор Александрович, стараясь сохранять хладнокровие, поднялся в вагон. И не сразу сообразил, что инцидент не привлек ничьего внимания. Боже мой, Россия, куда ты катишься?

Он долго не мог уснуть. В отличие от непроглядных ночей Сибири здесь время от времени мелькали огоньки и — зарево. Проводник услужливо объяснил: «Имения жгут-с. Революция». Было непонятно, злорадствует он или осуждает.

Виктор Александрович с тоской подумал о том, сколько культурных ценностей гибнет сейчас по России — архитектурных шедевров, библиотек, собраний живописи... У самого-то Яхонтова никогда не было никакого имения, но в глазах тех пьяных солдат (возможно — дезертиров) он все равно — барин.

«Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели». О чем плачут сейчас в зеленых, Виктор Александрович? О кормильце, убитом под Танненбергом из-за нераспорядительности назначенных Распутиным министров, из-за интриг «Гессенской мухи» — государыни? Впрочем, на войне всегда убивают, даже в гениальном брусиловском прорыве погибли тысячи и тысячи. Иначе нельзя. Война. А зачем? Что бы ты ответил тому солдату, если бы довелось побеседовать спокойно, как он не раз беседовал со своими браво-ребятушками? По-солдатски выражаясь, на хрена ему проливы, о которых не устает говорить Милюков?

Политграмма по Рябцеву и Верховскому

На последнем перегоне перед Белокаменной настроение у Яхонтова улучшилось. Может быть, брал свое природный оптимизм в сочетании с молодостью и здоровьем (в конце концов ему всего-то тридцать шесть!), а может быть, повлиял чудный день золотой русской осени, сквозь которую мчался экспресс.

Поезд едва остановился, как в купе Яхонтова появились два ладных прапорщика, козырнули, белозубо заулыбались, взяли багаж: «Командующий приехал встретить вас, господин полковник». Виктор Александрович не сразу сообразил, что это командующий войсками Московского округа его старый друг подполковник Рябцев.

Вечером на редкого гостя из далекой экзотической Япо-

нии собралась у Рябцева большая компания, но как-то само собой получилось, что о Стране восходящего солнца с ее гейшами, Фудзиямой, фарфором, лаком, чайными церемониями и микадо поговорили наскоро, а в центре внимания оказались события, происходящие в России, прежде всего — в Петрограде.

Этот первый в Москве политический разговор оказал сильное влияние на Яхонтова. Прежде всего он поразился, услышав, как здесь говорят об эсерах. В представлении Яхонтова это были бросавшие бомбы террористы, которых ловили и никак не могли переловить жандармы. Теперь же эсеры стали, скорее, золотой серединой. Кроме хозяина, эсеровской ориентации придерживались еще несколько человек из собравшихся — вполне приличные, интеллигентные люди. С уважением называли они фамилию своего лидера Авксентьева, который сейчас в Петрограде должен был возглавить так называемый Предпарламент. Предполагалось, что это будет некий временный паллиатив, так сказать, квазипарламент, который будет действовать до тех пор, пока Учредительное собрание (его выберут в конце года) не решит, каким быть в России формам государственного бытия.

Другой партией золотой середины, по словам просвещавших его москвичей, были кадеты во главе с известным историком профессором Милюковым — они больше ориентируются на торгово-промышленные круги. Яхонтов уловил, что эсеры, кадеты и еще несколько более мелких партий образуют приемлемую часть политической радуги, разумную середину. А слева и справа находятся опасные экстремисты. Оказывается, именно правым экстремистом считали в этом кружке генерала Корнилова, почему и не поддержали его выступление.

Яхонтову рассказали и о левых экстремистах, большевиках. Относительно них мнение всех собравшихся было единодушным: это опасные, преступные демагоги, играющие на склонности толпы к погромам и полной анархии. Но и это не все: вожди большевиков во главе с Лениным — законспирированные немецкие агенты. Тот же Ленин доставлен из Германии в plombированном вагоне! С таким политическим «багажом» через несколько дней Яхонтов прибыл в Петроград.

Военное министерство сняло для Яхонтова апартамент в «Астории». Подойдя к окну, полковник увидел до боли знакомый купол Исаакия, тускло золотившийся на сером фоне осеннего петроградского неба. Хорошо приезжать на

родину! Виктор Александрович родился в Варшаве, но еще во младенчестве, после смерти родителей, его привезли в столицу; и он считал себя коренным петербуржцем. Хорошо, все хорошо, и номер славный. Впрочем, любоваться собором и памятником Николаю I было некогда. Внизу в автомобиле ждал дежурный офицер: военный министр Александр Иванович Верховский просил прибыть незамедлительно.

Разговор с министром сначала пошел в том направлении, которое Яхонтов предвидел. Действительно, Александр Иванович предполагал включить его в состав делегации, направляемой в Париж. Но далее последовало совершенно неожиданное предложение — принять должность товарища (по-нынешнему — заместителя) министра с производством в генералы. Яхонтов не страдал ложной скромностью, но в данном случае речь шла о скромности вовсе не ложной — в Петрограде полно более старших и более заслуженных генералов...

Верховский прервал его нетерпеливым движением руки:

— Другие времена, Виктор Александрович, и другие задачи. Я же не предлагаю вам командование армиями фронта. Но в том-то и весь вопрос, что судьбы фронтов будут решаться прежде всего здесь. В политических, так сказать, сферах.

Яхонтов резонно возразил, что уж он-то как раз мало разбирается в политике, и рассказал о вечере у Рябцева в Москве. Верховский вздохнул, снял пенсне, устало потер глаза.

— Любезный Виктор Александрович, как раз ваша, простите, политическая невинность и может сослужить хорошую службу. Не принимайте за истину в конечной инстанции болтовню тех московских интеллигентов, которым вы, я вижу, столь почтительно внимали. Дорогой мой, поймите главное: отечество в опасности. Без твердой власти Россия погибнет. Она уже стоит над пропастью, уже изготовился палач, готовый ее туда столкнуть, — это большевики. Вот чем был страшен Корнилов — большевиками! И этого не могут понять наши генералы. Когда поднимает голову, как теперь выражаются, гидра контрреволюции, раздаются вопли, что Ленин прав, и число его сторонников растет.

— Значит, Корнилов...

— Да, да, — перехватил его мысль Верховский. — Лавр Георгиевич все испортил. Вообразите — в его прок-

ламациях не упоминалось слово «революция». Каково? И это в России в августе семнадцатого? Гидра налицо! Если бы я не знал Лавра Георгиевича, я бы сказал, что он — агент Ленина.

— А значит, и кайзера, — вставил Яхонтов.

Верховский подергал усы, покачал головой:

— Не думаю, что Ленин чей-то агент. Конечно, это расхожее мнение нам на пользу, но я полагаю, что это вздор. Видите ли, Виктор Александрович, я запросил досье на Ленина и не пожалел времени изучить его. Это серьезно, очень серьезно.

— Не понимаю, Александр Иванович, вы же только что сказали, что большевики готовы столкнуть Россию в пропасть...

— Одно другому не противоречит. Ленин безусловно весьма ученый человек, интересен его анализ российской экономики, есть у него и философские труды, но Ленин делает из своих научных изысканий абсурдные выводы. Ну, лозунг большевиков: «землю — крестьянам» понятен. Но остальные? Как рабочие будут управлять государством? Слесарь придет в министерство финансов, извозчик станет во главе дипломатического ведомства? А в армии? Какой-нибудь вахмистр заменит Деникина? Брусилов будет козырять фельдфебелю?! Вздор! Большевицское восстание может привести только к анархии. Смотрите на вещи трезво. Кто такие большевики? Мастеровщина, матросня, солдаты. Где гарантия, что они будут действовать по ученым рецептам господина Ульянова?

— Кто это — Ульянов?

Верховский засмеялся:

— Вы действительно невинны в политике, Виктор Александрович! Ульянов — это подлинная фамилия Ленина. Теперь посмотрите на внешнеполитическую сторону программы большевиков. Они требуют немедленного выхода из войны, то есть сепаратного мира. Они толкают Россию к предательству общего дела Антанты. Представьте себе чисто теоретически. Вот они взяли власть. Естественно, она существовать не сможет, через день-два обнаружится, что самый чумазый кочегар не способен быть министром путей сообщения... Но во что обойдется эта авантюра стране? Во сколько жизней, миллионов рублей, в какой дипломатический ущерб? И уверяю вас, ни немцы, ни турки не будут джентльменски ждать, когда кончится наша смута.

Несколько раз подолгу беседовал Яхонтов с Верхов-

ским. Виктор Александрович после некоторых колебаний принял предложение и вскоре был представлен Временному правительству как новый товарищ военного министра. Но Яхонтов оговорил себе одно условие, которому было суждено сыграть важную роль в его судьбе: он оставил за собой должность русского военного агента в Японии и в этом качестве остался подчиненным начальнику Генштаба.

Яхонтов занялся отношениями с союзниками и подготовкой к поездке в Париж.

В правительстве Керенского

По прошествии многих лет человек может сказать: «Помню, за три дня до начала войны...» или: «Не забыть, как всего за неделю до революции...» Но это он сейчас знает, когда вспыхнула революция и началась война. Тогда он этого не знал. В этом корень неосознанных ошибок многих мемуаристов. Не избежал ее и Яхонтов.

Со временем ему стало казаться, что чуть ли не все свое пребывание в России осенью 1917 года, особенно после того, как он принял должность товарища военного министра Временного правительства, он вместе со своим шефом Верховским ясно осознавал, что Россия воевать уже не может, что необходимо немедленно заключить мир и что они с Верховским доказывали это Керенскому и другим членам правительства. Между тем документы, изыскания историков, восстановивших хронику того времени день за днем и час за часом, говорят об ином. Говорят о том, что еще 13 октября 1917 года Верховский считал, что армию, режим, существующий порядок (если то, что тогда происходило, называть порядком) еще можно спасти. А Яхонтов был лоялен Верховскому до конца. И есть возможность проследить и понять, как Виктор Александрович воспринимал события в те дни, которые потрясли мир. И начать надо с того, что тогда Яхонтов отнюдь не считал, как Джон Рид, что происходит потрясение мира. Это он осознал гораздо позднее.

А тогда в центре его внимания оказывались события, которые теперь интересуют разве что историков; и напротив — самое главное (повторим — самое главное, как стало известно потом) он пропустил. Вот как это происходило.

7 октября 1917 года в Петрограде торжественно от-

крылся Предпарламент, как для краткости называли Временный совет Российской республики. «Парламентское» звучание сего органа обманчиво. Туда никто никого не выбирал, члены этой «говорильни» милостиво приглашались бонапартистской кликой Керенского, как насмешливо писала большевистская газета «Рабочий путь». Известно, что Керенский весьма цинично относился к бессильному Предпарламенту, который не имел никаких прав. С другой стороны, известно, что Верховский воспринял «говорильню» всерьез. «Говорильне» отвели место в белом зале Мариинского дворца, где при царе заседал Государственный совет. Выдули из помещения монархический дух, то есть убрали бюст Николая II и сняли со стены картину Репина «Заседание Государственного совета». На первое заседание Предпарламента пришли иностранные дипломаты, журналисты, гости. Поактерствовал вступительной речью Керенский и закончил тем, что попросил на председательское место «бабушку русской революции» эсерку Брешко-Брешковскую. Та, в свою очередь, предложила избрать председателем эсера Авксентьева.

Яхонтов вспомнил, что о нем с уважением говорили московские знакомые. Эсеровский лидер ему понравился. Понравилось и то, что Предпарламент отвергли крайне правые и крайне левые. Монархист Шульгин вернул выделенный ему билет, а представитель большевиков хотя и явился на заседание, но только затем, чтобы объявить об отрицательном отношении своей партии к «говорильне». Яхонтов впервые видел большевика и смотрел с любопытством. Это был председатель Петроградского Совета Троцкий. Виктор Александрович отметил, что он хорошо держится на трибуне. Фамилия оратора показалось ему знакомой, и он спросил сидящего рядом управляющего военным министерством Маниковского, где он мог ее слышать.

— Не знаю, не знаю,— ответил тот.— Это партийный псевдоним. Подлинная фамилия этого господина Бронштейн. Кстати, он совсем недавно в большевиках, раньше занимал более умеренные позиции. Заметьте: родом — из богатых коммерсантов.

Наутро Яхонтов просмотрел газеты и сделал вывод, что нынешняя пресса только затемняет предмет. Все писали по-разному о дебюте Предпарламента, выхватывая по своему вкусу то те, то другие куски из речей. Поэтому Виктор Александрович твердо решил пойти на второе заседание. Тем более предстояло обсуждение военных вопросов.

Оно состоялось 10 октября. Верховский, военно-морской министр адмирал Вердеревский и сам министр-председатель Керенский сделали доклады.

Сейчас, по прошествии десятилетий, когда мы знаем о событиях, последовавших вскоре, речь Верховского производит странное впечатление. Архивы сохранили документы, массами поступавшие военному министру в предшествующие дни и говорившие об одном: в армии полный развал. Процесс перестал быть управляемым, стихия вышла из берегов, проявляясь в разнообразных формах: начиная от сущей дикости, когда толпы пьяных солдат громили винные магазины и убивали случайных людей, и кончая трагедиями, как, например, самоубийство командира дивизии генерала Койчева, оставившего записку: «Перестал верить в светлое будущее России».

А 10 октября Верховский уверял Предпарламент, что немцы не имеют шансы на успех наступления — русская, мол, армия не дрогнет, отстаивая родную землю. Он требовал санкций на жесткие меры, рассказывал о своих планах прекращения анархии и наведения порядка. Нет оснований сомневаться в его искренности. Очевидно, он еще верил в силу своих приказов. Он и еще раз — 13 октября — выступил в Предпарламенте как лояльный член кабинета Керенского, еще надеясь, что можно спасти правительство, армию, режим. И все это время верный Яхонтов был со своим шефом.

А затем, как это нередко бывает, наступил жестокий душевный кризис, и Александр Иванович Верховский понял, что он шел по неверному пути. Но он не пустил себе пулю в висок, как генерал Койчев. И не сбежал из Петрограда. Он мучительно искал выход и, как он искренне считал, нашел его. Чтобы уберечь Россию от большевизма, решил Верховский, надо перехватить у Ленина лозунг немедленного мира и выйти из войны. Бог с ними, с проливками! Не до жиру — быть бы живу.

В те дни, 14, 15, 16 октября, когда в душе Верховского происходили мучительные поиски спасения, министр-председатель Керенский иначе истолковал замеченную им замкнутость своего военного министра. Александр Федорович панически боялся потерять власть. Лавируя между сциллой большевизма и харибдой корниловщины, он готов был на любые маневры — лишь бы не выпустить из рук вожаемое кормило. Верховский со своими недавними призывами к необходимости жестокого подавления анархии мнился ему без пяти минут вторым Корниловым. Ке-

ренский страшно боялся быть свергнутым военными — Корнилова ему не простят. Свое спасение премьер видел в том, чтобы не допустить единства военных. Поэтому Керенский обрадовался, когда начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Духонин представил ему — минуя Верховского — проект создания принципиально новой армии. По мысли Духонина, старую армию спасти уже было нельзя, и он предлагал махнуть на нее рукой и за зиму 1917/18 года собрать Русскую народную армию, построенную на добровольческом принципе, но и на жесткой дисциплине. Финансовую основу этой армии предполагалось создать с помощью взносов земств и частных лиц, а также Англии и Америки. 16 октября Керенский принял проект и оповестил о нем союзных послов. Военный министр Верховский узнал об этом постфактум.

Рассказав Яхонтову об этой затее, которую он не без основания считал интригой против себя, Александр Иванович спросил, как он оценивает внешнеполитическую сторону проекта, особенно его финансовый аспект. Ведь именно военные агенты занимались оплатой военных поставок в Россию.

Виктор Александрович вспомнил своего попутчика мистера Парсонса и рассказал Верховскому о разговорах с ним. «Полагаю,— заключил Яхонтов,— что под кредиты на новую армию американцы потребуют весьма выгодных для себя концессий. Платить нечем. Мы и так уже должны союзникам 20 миллиардов...»

— От нас им нужно одно — пушечное мясо,— с горечью сказал Верховский.— Свое они берегут. И не потому, что так любят своего солдата. Они боятся большевизма у себя... Но все равно в затею Духонина и Керенского я не верю. Все дело в том, Виктор Александрович, что у нас уже нет зимы семнадцатого-восемнадцатого года. Даже если бы нам простили все долги и дали еще кучу миллиардов, это бы ничего не изменило. Кончилось время.

17 октября на заседании кабинета военный министр Верховский объявил, что с большевизмом справиться он не сможет, что у него нет сил для защиты правительства и что он просит отставки. Как ни странно, его выступление не оказалось в центре внимания. Сохранившийся протокол этого заседания дает основания считать, что от него просто отмахнулись, посчитав его речь каким-то маневром.

На следующий день Верховский выступил снова — на этот раз решительней. Теперь он более развернуто изложил свой тезис о необходимости вырвать из рук Ленина

лозунг о немедленном заключении мира, провести его в жизнь и тем самым спасти страну, лишив силы большевиков. Но министр иностранных дел Терещенко и заместитель премьера Коновалов продолжали твердить, что Россия может продолжать войну и отстаивать общее дело Антанты. Все ждали, что скажет министр-председатель, но он против обыкновения был малоразговорчив. Яхонтов заметил, что при словах Верховского о ленинском лозунге щека у Александра Федоровича нервно задрожала. Он не знал, что два часа назад к Керенскому приходил американский представитель Томпсон и настоятельно советовал украсть у Ленина лозунг о немедленном разделе помещичьей земли. Цель американца была ясной — Россию надо удержать в войне. Любой ценой: Реализация Временным правительством большевистского лозунга о земле в глазах Томпсона была ценой очень низкой. Его мало заботили нюансы российского землевладения. Керенский это понимал, понимал и то, что Томпсону, в сущности, безразлично, кто будет в России премьером — лишь бы она таскала из огня каштаны для Америки. Но самому Александру Федоровичу было далеко не все равно, кто будет у власти. А без поддержки правых, буржуазных партий, прежде всего кадетов, Керенскому в седле не удержаться. Он еле отбилсЯ от Томпсона, и вот, пожалуйста, теперь Верховский предлагает взять у Ленина другой лозунг. Керенский, как шахматист, просчитывал в уме комбинации, ради которых, по его мнению, Верховский вел свою игру. Как заигравшийся игрок, он уже не верил никому и за каждым словом видел политические комбинации, направленные на то, чтобы отстранить его, Керенского, от власти...

Вслух Александр Федорович сухо сказал, что отставка военного министра принимается, но что он просит Александра Ивановича остаться на своем посту, пока ему не будет найден преемник. Члены правительства поддерживали это предложение, и Верховский согласился. Договорились также о том, что пока об отставке военного министра объявлено не будет. Было также утверждено производство Яхонтова в генерал-майоры.

Министерский час

Получив согласие на свою отставку, Александр Иванович Верховский не перестал мучительно размышлять о судьбе отечества, не перестал действовать. С каждым ча-

сом ему становилось все яснее и яснее, что государство накануне развала. Он стучался во все двери, переступая те пороги, которые совсем недавно ни за что бы не переступил, он говорил, доказывал — напрасно.

19 октября по его просьбе Яхонтов пригласил к министру военных атташе союзных стран. Они еще не знали об отставке Верховского — или во всяком случае делали вид, что не знали. Александр Иванович подробно, тщательно аргументируя, изложил им свое понимание военной ситуации. Он рассчитывал на то, что военные специалисты согласятся с ним в том, что Россия больше воевать не может. Но чем дольше генерал говорил, тем отчужденнее делались лица гостей. Яхонтов понял, что затея была напрасной, что сейчас Верховского начнут ловить на противоречиях формальной логики. Так и получилось. Англичанин Нокс, демонстрируя свою блестящую память, процитировал министру его же речь недельной давности — ту самую речь, в которой Верховский заверял, что немцы не смогут наступать, что русские герои не дрогнут, защищая родную землю. Сейчас это звучало как насмешка, как будто министра уличали во лжи, в лучшем случае, в некомпетентности. Головы с безупречными проборами согласно кивали Ноксу, и Верховский понял, что ни его драма, ни трагедия России этим чужакам неинтересна. А потом француз Ниссель на пределе приличия дал присутствующим русским генералам совет: если солдатня начнет болтать о мире, расстреливать каждого десятого. Так поступают во французской армии, усмехнулся атташе, благодаря чему Франция достойно выполняет свои союзнические обязательства. Все иностранцы горячо поддерживали французского коллегу. Верховский сухо поблагодарил гостей и закрыл совещание.

На следующий день, двадцатого, Александр Иванович предпринял попытку сговориться с руководством кадетов и отправился на Морскую, к Владимиру Дмитриевичу Набокову, где собрались лидеры партии. Известно было, что Набоков, Аджемов, Нольде и ряд других видных кадетов стоят за выход из войны. Разумеется, мотивы и цели у них были совершенно иные, чем у большевиков, но вывод они сделали тот же. Верховский рассчитывал, что ему удастся доказать кадетским лидерам, что лишь немедленное заключение мира может спасти государство. Но куда было тягаться генералу Верховскому с профессором Милюковым в искусстве полемики! Известный историк, блистательный лектор, опытнейший думский оратор, политик

до мозга костей, Милюков легко переговорил Верховского, который был в его глазах калифом на час, дилетантом, попавшим в большую политику благодаря чистой случайности. Милюков ораторствовал, Шингарев ему поддакивал, а «миротворцы» Набоков с Аджемовым молчали «из партийной солидарности». В ярости покинул генерал квартиру Набокова.

Когда за ним захлопнулась дверь, Милюков удовлетворенно потер руки:

— Сегодня вечером с любезнейшим Александром Ивановичем есть шанс покончить навсегда.

Он имел в виду предстоящее в 21.30 закрытое заседание Предпарламента. Павел Николаевич всегда испытывал удовлетворение, когда удавалось в пух и прах разделать оппонента.

Тем временем Верховский продолжал свой путь на голгофу. Он сделал еще одну отчаянную попытку вразумить политиков, на этот раз — эсеров. Но лидеры социалистов-революционеров Дан и Скобелев отклонили протянутую Верховским руку. Александр Иванович понял, что воздействовать на главу правительства они не смогут. Да и не захотят. Его визит эсеровские вожди так же, как и кадетские, воспринимали как очередную министерско-парламентскую комбинацию. Для него же речь шла о самом существовании государства.

Вернувшись в министерство, Александр Иванович собрал ближайших сотрудников и поведал о провале своих надежд на кадетов и эсеров. В это время министра срочно попросил принять его генерал Неслуховский. Крайне возбужденный, генерал информировал министра о возмутительном инциденте, который только что произошел в «Европейской» гостинице. Два американских разведчика Томпсон и Робинс, действующие «под крышей» миссии Красного Креста, собрали Нокса, Нисселя, своего соотечественника военного атташе Джадсона и двух российских представителей: Соскиса (секретаря Керенского) — как бы от правительства и Неслуховского — от военного ведомства. Не получив четкого ответа от самого премьера два дня назад, Томпсон продолжал давление, предлагая Временному правительству перехватить популярный большевистский лозунг и от своего имени осуществить раздел помещичьей земли. Генералу не понравилось уже это — он расценил «рекомендации союзников» как вмешательство в российские дела. Но дальше произошла ссора между иностранцами. Нокс обвинил Томпсона в покушении на

принцип частной собственности! Томпсон в ответ заявил, что он сам крупный капиталист и что раздел помещичьей земли между крестьянами увеличит в России число частных собственников.

— Да, господа американцы ведут себя уж совсем по-американски: кладут ноги на стол,— заметил Верховский.

— Кабы только это!— воскликнул Неслуховский.— Послушайте, что было дальше. Полковник Робинс заявил: без раздела земли правительству не удержаться, потому что восемьдесят процентов русского народа тяготеет к Ленину.

— Это тоже по-американски,— усмехнулся товарищ министра князь Туманов.— Ишь, с точностью до процента подсчитали. А мы, господа, все повторяем вслед за Тютчевым: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» Измерили. Восемьдесят процентов — за Ленина. С ума сойти! Сделать такое заявление именно сегодня! Это прямо-таки демонстрация со стороны господина Робинса.

И князь Туманов помахал газетой. В тот день, 20 октября, за подписью Керенского и министра юстиции Малинникова было опубликовано распоряжение об аресте Ленина.

— Господа, господа, позвольте же договорить! — видно было, что Неслуховский не может успокоиться.— А дальше началось уже не смешное, а форменное безобразие. Нокс и Ниссель позволили себе резко отзываться о правительстве, о русском народе. Ниссель распоясался окончательно и назвал русских солдат трусливыми собаками. Я заявил протест и ушел.

— Так,— Верховский подергал усы,— а как вел себя господин Соскис?

— Ушел вслед за мной, хотя, по-моему, весьма неохотно.

— Ну что ж, и на том спасибо.— Никто из присутствующих не жаловал секретаря премьера.

Начавшись в половине десятого вечера двадцатого, заседание Предпарламента окончилось в половине первого ночи 21 октября. Верховский проиграл по всем статьям. Милюков, Кускова, Терещенко, Мартов, Струве (совершивший к этим дням эволюцию от легального марксиста до корниловца) и другие недруги беспокойного генерала торжествовали. Яхонтов уходил с заседания с тревогой. Хорошо еще, что хоть заседание было секрет-

ным и отчета об избииении Верховского не будет в газетах.

Но утром двадцать первого Виктор Александрович поразился, увидев отчет о «совершенно секретном заседании» в газете знаменитого «разоблачителя-профессионала» Бурцева «Общее дело». Газета ещё и поднаврала, сообщив, что Верховский якобы предложил заключить мир втайне от союзников. Скандал принял международную окраску. Керенский был в бешенстве. 21 октября отставка Верховского была объявлена официально. Более того — Александру Ивановичу предложено было удалиться на остров Валаам в отпуск для поправки здоровья. Обязанности министра возлагались на генерала Маниковского.

Серым воскресным днем 22 октября к пристани близ Троицкого моста подошел военный катер. Свергнутый министр уходил, как казалось его недругам, да и не только недругам, в политическое небытие.

Яхонтов проводил своего друга и руководителя до трапа. На прощание Верховский сказал:

— И все же пойдите завтра, выскажите нашу точку зрения.

— Твердо вам это обещаю, — ответил Яхонтов. (Речь шла о предстоящем завтра очередном заседании Предпарламента.) — А по возвращении, Александр Иванович, сразу дайте о себе знать. Если не будет возможности найти меня на службе (Яхонтов из деликатности не хотел говорить, что теперь вполне могут удалить из министерства и его самого), позвоните домой. Но не в «Асторию», а на квартиру моей тещи. Просила, знаете, перебраться к ней. Время беспокойное...

— Да, генерал в доме не помешает, — улыбнулся Верховский. — Ну, до встречи!

Яхонтов взял под козырек, а потом долго стоял, глядя вслед удаляющемуся катеру.

Он сразу ощутил какую-то пустоту вокруг себя. Месяц назад появился он в Петрограде по вызову Верховского. Все его связи «в верхах» строились через Александра Ивановича. Теперь он лишился опоры. Как будет он ориентироваться в политической путанице Петрограда? Надо продержаться две недели, утешил себя Виктор Александрович, а там вернется «из отпуска» (или из ссылки — как понимать?) Александр Иванович и, конечно, никогда не откажет в добром совете.

Яхонтов не мог, разумеется, и представить себе, что он увидит Александра Ивановича только через 20 лет,

когда, ненадолго приехав в Ленинград, он столкнется с комбригом Красной Армии Верховским в фойе Кировского театра.

А пока, воспользовавшись воскресной свободой, Виктор Александрович отправился к теще — пообедать по-домашнему и обсудить детали предстоящего переезда к ней. Назавтра он снова погрузился в министерскую круговерть, а вечером, как обещал Верховскому, отправился в Предпарламент. К началу заседания он опоздал. На трибуне красовался Милюков, который говорил почему-то о солдатских котелках и ремнях — надо или не надо включать их в обязательную экипировку солдата. Хотя тема непосредственно касалась военного ведомства, Виктор Александрович слушал вполуха, мысленно выстраивая аргументацию своего «парламентского дебюта», оказавшегося и финалом. Когда Яхонтов закончил свою речь, Милюков раздраженно и пренебрежительно бросил:

— Это самое мы уже слышали пару дней назад!

«Говорильня» отказалась вслушаться в те истины, которые вслед за Верховским пытался внушить ей Яхонтов. Причина была, конечно, не в недостатке его красноречия, как не без кокетства объяснил Яхонтов в мемуарах свой неудачный «парламентский дебют». Он обращался к глухарям, которые, кроме собственного токования, ничего не слышали. Через три дня их разогнали красногвардейцы, и российский Предпарламент канул в Лету. Таким образом, Временный совет Российской республики оказался совсем уж кратковременным — история отвела ему всего две недели...

А утром Яхонтов отправился на службу. Колеса министерской машины крутились безостановочно, незаметно прошел и вечер. Нехорошо — ведь он обещал теще переехать. По телефону условились, что — на этот раз уж точно! — переедет завтра. Последний раз Виктор Александрович переночевал в «Астории» и в среду вечером, 25-го, поспешил в гостиницу. Его уже дожидался молодой человек, кузен жены. Вдвоем они быстро запаковали неприхотливый багаж генерала и понесли чемоданы на квартиру тещи. По пути им попались несколько раз какие-то вооруженные отряды, но, занятые беседой (родственник расспрашивал Виктора Александровича о Японии), они не обращали на них внимания. А это большевики шли на штурм Зимнего. Началась Великая Октябрьская социалистическая революция.

Бегство

Утром 26 октября (8 ноября) 1917 года Виктор Александрович Яхонтов, как всегда, отправился на работу. Он спокойно прошел по городу в своей генеральской шинели, не заметив ничего особенного. Пожалуй, как ему показалось, на улицах было спокойнее, чем в предыдущие дни. Но в министерстве его ждали новости, попросту не укладывающиеся в голову. Оказывается, ночью большевики захватили Зимний дворец, арестовали Временное правительство, в том числе генерала Маниковского, отвели в Петропавловскую крепость и рассадили по камерам, то есть поступили точно так же, как сами «временные» в феврале по отношению к царскому кабинету. Кроме того, большевики заняли все стратегические точки города. Власть перешла в руки Советов. Временное правительство объявлено низложенным. Керенский скрылся. И еще одна потрясающая новость: только что убит князь Туманов. Как и Яхонтов, он тоже шел на работу — естественно, в своей генеральской форме. На него напали матросы, убили и бросили тело в канал. Таким образом, во главе военного министерства России волею обстоятельств становится генерал Яхонтов. Доложив об этом, адъютант почтительно поклонился, ожидая распоряжений.

Но Яхонтов не успел отдать ни одного распоряжения. Зазвонил телефон, и офицер, дежуривший в вестибюле министерства, предупредил, что к Яхонтову направляется большевистский комиссар. Виктор Александрович не допускал и мысли подчиниться новому режиму. В то же время он со всей остротой осознал, что отказ может повлечь за собой арест и смерть. Судьба князя Туманова его не прельщала. Поэтому Яхонтов, как он сформулировал позднее в мемуарах, покинул свой кабинет, чтобы никогда уже туда не вернуться. Ему удалось добраться до дома, и первое, что он сделал, закрыв за собой дверь, это снял генеральскую форму.

На следующий день, уже, разумеется, в штатском, Яхонтов пришел в Генеральный штаб, где один из отделов был в его юрисдикции. Собрав офицеров, он держал с ними совет. Уже стало известно, что все министерства приняли тактику саботажа. Чиновный Петроград не подчинится узурпаторам власти! Это было прекрасно, но не подходило военному министерству. Ведь шла война, и армия должна была обеспечиваться боеприпасами, снаряжением, продовольствием. Посовещавшись с офицерами и почувствовав

их поддержку, Яхонтов отдал приказ: к тактике саботажа не прибегать, работу продолжать, ходить (временно, до падения большевиков) в штатском. Собственно, это был единственный приказ, который отдал Яхонтов. Он не думал тогда, что власть уже не в его руках, что колеса министерской машины крутятся лишь по инерции. Виктора Александровича беспокоило другое — его явная непригодность к министерской роли. В то же время мысль о том, чтобы просто уйти, не могла прийти ему в голову — это было бы дезертирством. А Яхонтов в свои 36 лет вовсе не собирался уходить со службы. Он пытался изыскать возможность, не теряя лица, переждать беспокойное время. Ему казалось, что выход нашелся.

Ведь соглашаясь на должность товарища министра, Яхонтов настоял на том, чтобы и его старая должность в Японии осталась за ним. Можно сказать, как в воду глядел! И теперь начальник Генштаба, согласившись с тем, что Яхонтов не та фигура, чтобы взять на себя обязанности министра в столь сложной ситуации, официально предписал ему выехать в Токио и вернуться к исполнению обязанностей русского военного агента. Быстро были подготовлены соответствующие бумаги. Получив их, Яхонтов спустился по лестнице в вестибюль. И тут произошла сцена из тех, о которых говорится «прямо как в кино». Яхонтова догнал запыхавшийся секретарь:

— Погодите, ваше превосходительство. Тут еще несколько бумаг на подпись...

Возвращаться в кабинет не хотелось, и Яхонтов пристроился здесь же, за столиком вахтера, стоявшего у окна. Вахтер предупредительно опустил штору. Вдруг дверь распахнулась от удара ногой, и в вестибюль вошли «братишечки», то есть матросы с красными бантами, увешанные оружием и настроенные, очевидно, на то, чтобы как следует прочистить это гнездо контрреволюции. Яхонтов спрятался за шторой, как любовник в водевильной сцене, и сумел незаметно выскользнуть на улицу. Штатская одежда уберегла его от излишнего любопытства со стороны простодушных матросов...

Теперь Яхонтов отправился прямо к генералу, ведавшему перевозками. Он рассчитывал, как обычно, получить без задержек билет на владивостокский экспресс и как можно скорее покинуть Петроград. Но, увы! Транспортный генерал уже убедился, что его приказы потеряли силу. И пришлось Виктору Александровичу самому пойти в железнодорожные кассы. Издали увидел он огромную

очередь и ужаснулся. Но выхода не было, и он покорно стал в хвост. Мужчина, стоявший за два человека вперед, обернулся, и Яхонтов узнал румынского дипломата, с которым в сентябре они ехали сюда из Токио. Но не сговариваясь, недавние попутчики решили не обнаруживать своего знакомства. Оба боялись.

Отстояв очередь, в которой все-таки соблюдался порядок, Яхонтов купил билет на 1 (14) ноября. До поезда оставалось шесть дней. Он прожил их у тещи, стараясь как можно меньше показываться кому бы то ни было.

И снова дорога через всю Россию. Но на этот раз стихи Блока «молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели» вспоминались разве что по контрасту с происходящим. Зеленые и синие смешались. В первый раз коридор вагона, где ехал Виктор Александрович, был набит людьми, которые не только «плакали и пели», но курили махру, пили самогон, смачно плевались и рыгали, перематывали портянки, отчаянно сквернословили и не давали никому прохода в прямом и переносном смысле. Так же забиты были тамбуры, площадки, служебные купе. Более того, когда дорога изгибалась, из окна можно было увидеть, что едут и на крышах. И это в Сибири в середине ноября!

Среди этой публики преобладали люди в шинелях. Они многословно рассказывали о себе, о своих семьях, о своих деревнях, дружно ругали войну. Внимательно прислушиваясь к их разговорам, Яхонтов сделал неутешительный вывод. Эти люди всерьез восприняли утопические лозунги большевиков. Малограмотные (в чем, конечно, была их беда, а не вина), они не понимали, что режим Ленина рухнет не сегодня, так завтра, они свято верили, что отныне и навсегда власть в их руках. Толковали они это весьма упрощенно, и нетрудно было предсказать, что по их возвращении в родные места произойдет немало кровавых драм.

Были, однако, и другие пассажиры, которые старались говорить как можно меньше. К их числу относился и Яхонтов, и его старый знакомый — румынский дипломат, который с женой и дочерьми занимал все соседнее купе. Среди молчаливой части пассажиров опытным взглядом профессионального военного Яхонтов угадывал многих переодетых офицеров. Впрочем, солдаты тоже без труда их всех распознавали. Атмосфера в этом ковчеге на колесах была крайне напряженной. Тем более, подъезжая к очередной остановке, никто не мог предвидеть, какая здесь власть. И чем дальше на восток, тем реже догоняли поезд вести из Петрограда.

Наконец связь полностью прекратилась: телеграфные провода на каком-то перегоне оказались срезанными. Напряжение все возрастало, конфликты вспыхивали все чаще, и, несмотря на свои намерения мириться с чем угодно, лишь бы добраться до цели, Яхонтов вмешался в один из них. Напротив его купе, в коридоре, уже долгое время ехал бойкий солдат. Чем дальше на восток, тем нетерпимее делалось его поведение. Объектом своего хамского остроумия он избрал румынскую семью. Вызывая смех окружающих, солдат предлагал дочери дипломата ехать с ним в деревню. Земли у нас теперича много, дурачился солдат, так мы с тобой нарожаем детишек цельную кучу. Лежащие рядом покатались от хохота, когда солдат предложил ехать к нему в деревню и супруге дипломата. Румын сделал попытку уладить дело дипломатическими методами. Сдержанно, достойно, корректно он попросил солдата оставить в покое его семью, показал свой дипломатический паспорт, тщательно подбирая русские слова, сказал, что по международным законам дипломаты и члены их семей неприкосновенны.

— Законы? — насмешливо переспросил солдат и сплюнул. — Это ваши буржуйские законы. И паспорт у тебя буржуйский. Мы тебя не звали. Вот когда будет у вас в Румынии советская власть, тогда и приезжай. Только хрен тебя тогда пошлют, придет к нам в Питер мужик румынский навроде меня...

Лежавшие рядом мужики загоготали. И тут Яхонтов не выдержал:

— Молчать! — крикнул он. — Прекратить! Прекратить безобразничать! Это женщины, иностранки, им нет дела до наших переворотов. Ясно?

Но солдат не сробел.

— Вот ты и заговорил, ваше благородие, — усмехнулся он. — А то все молчишь да молчишь, я уж думал — профессор какой с университета или духовного звания. А как заорал, так враз и обнаружился — ваше благородие. Постой, а может, и превосходительство? А то благородия теперича с нами одним классом едут. Вон, глянь-ка, у сортира курит.

Солдат указал на молодого человека с нервным интеллигентным лицом, одетого в рваную австрийскую шинель. Тот сделал вид, что ничего не слышит. А остряк все не унимался.

— погоди, погоди, — пригрозил он. — Я на станции до Петрухи доберусь. Он говорил, что твоя личность ему вроде как знакомая.

Кто такой был Петруха, Виктор Александрович так и не узнал, но после стоянки беспокойный сосед вернулся на свое место и забарабанил в дверь купе:

— Эй, генерал!— кричал он.— Генерал Яхонтов, подь сюды, потолкуем.

Однако беспокойный солдат опоздал со своими разоблачениями. Поезд прибыл на пограничную станцию. Дальнейший путь до Владивостока пролегал по Китайско-Восточной железной дороге. Еще на российской стороне в купе к Яхонтову пришли представители местных властей. От него как члена Временного правительства они ждали указаний и распоряжений. Виктор Александрович, стараясь выбирать как можно более нейтральные выражения, сказал, что он не является более членом правительства, что оно низложено и никаких указаний он никому давать не уполномочен. Гости потоптались в недоумении и ушли. Поезд дернулся и медленно переполз границу с Маньчжурией.

Бегство

(продолжение)

После переезда через границу настроение в вагоне стало быстро меняться. Все слышали переговоры Яхонтова с посланцами местных властей и сделали вывод, что Советы сюда еще не дошли. Тем меньше оснований было ожидать советских порядков в зоне КВЖД, где, как знали многие из едущих, жесткой рукой правил русский генерал Д. Л. Хорват. Прикусил язык бойкий солдат, без опаски прошла в туалет дочь румынского дипломата. А с самим румыном заговорил по-французски молодой человек в рваной австрийской шинели. Положительно — российская неразбериха кончалась.

Однако не всем, как вскоре оказалось, можно было облегченно вздохнуть. На станции Хайлар в купе к Яхонтову вошел местный русский комендант и сухо осведомился, почему господин генерал едет на восток. Подтекст вопроса был оскорбительно ясен — комендант как бы равнял Яхонтова с заполнявшими поезд дезертирами. Виктор Александрович, сохраняя выдержку и достоинство, предъявил свой дипломатический паспорт и предписание начальника Генерального штаба отбыть в Токио для дальнейшего прохождения службы. Комендант внимательно изучил документы, небрежно козырнул и вышел. Но когда поезд уже тронулся, в вагон вскочили два солдата с винтовками.

— А ну, братцы,— спросил один из них сидевших в проходах людей,— где тут генерал? Приказано караулить.

Так доехали до Харбина. Здесь же, в «столице КВЖД», дело приняло для Яхонтова совсем уж скверный оборот. Едва поезд остановился, в вагон вскочил агент местной русской полиции, за ним следовали два носильщика.

— Господин Яхонтов, вы арестованы,— сухо сказал агент и махнул носильщикам.— Берите вещи, выносите.

— На каком основании,— начал было Яхонтов, но полицейский перебил его: «Приказ коменданта. Я исполняю приказ». Пришлось подчиниться. Яхонтова тронуло, что несколько пассажиров, в том числе румынский дипломат и молодой офицер в рваной шинели, отправились вместе с ним. Но вряд ли помогла бы их поддержка, если бы в зале ожидания Яхонтов не увидел двух знакомых офицеров, с которыми несколько лет назад служил в Хабаровске. Разумеется, они знали коменданта. Яхонтов собрался было и здесь предъявить свой дипломатический паспорт, но комендант — сама любезность — удержал его руку.

— Приношу свои извинения, генерал,— козырнул он.— Соболаговолите считать инцидент исчерпанным. Как вы добрались? Есть ли жалобы на порядки в поезде?

Жалобы были. Яхонтов, горячо поддержанный недавно столь молчаливыми пассажирами, пожаловался на беспокойного солдата, рассказал о его наглых приставаниях к румынским женщинам и попросил арестовать хулигана.

Через несколько минут, подгоняемый уколами штыков, солдат был доставлен в комнату коменданта. Здесь же был франтоватый ротмистр и огромного роста вахмистр.

— Ну вот и наш большевик,— удовлетворенно сказал комендант и повернулся к ротмистру.— Это уж по вашей части, Евгений Илларионович.

— У нас суд скорый и справедливый,— сладко улыбаясь, сказал ротмистр.— Каждому преступлению — свое наказание. Так вы говорите — этот хам приставал к барышне? Предлагал на захваченной земле плодить большевиков? Отлично, отлично... Пилипенко!— крикнул он не оборачиваясь.

— Слушаю, вашбродь!— выпрямил грудь великан вахмистр.

— Бычков холостил?

— Так точно!

— И чудно. Оскопи-ка, братец, этого большевичка — красного бычка, чтоб на барышень не бросался.

Судорога страха прошла по лицу молодого солдата.

— А за большевистскую агитацию,— лениво добавил ротмистр,— вырви ему, Пилипенко, язык.

Солдат рванулся было к двери, но Пилипенко успел ухватить его и выкрутил руку. Сложившись пополам от боли, солдат крикнул с ненавистью в лицо Яхонтову:

— Сволочь ты... а еще генерал!

— Действительно большевик,— хмыкнул комендант, когда дюжий Пилипенко выволок парня из комнаты.— Что делается с Россией, о боже...

Когда они остались вдвоем с Яхонтовым, комендант рассказал о ротмистре Евгении Илларионовиче. Оказалось, что у этого офицера трагическая судьба. Его имение в Саратовской губернии разграбили крестьяне, сожгли старинный дом с уникальной библиотекой, а старика отца и сестру-курсистку, вставших на защиту имущества с оружием в руках, зверски убили. Затем комендант расспросил Яхонтова о петроградских событиях.

В экспресс Петроград — Владивосток Виктор Александрович не вернулся. Ему не хотелось больше никаких приключений. Да и после сцены у коменданта было неловко перед соседями по вагону. Он немало поездил по этим краям и хорошо ориентировался в здешних дорогах. По нынешним временам безопасней и проще было держаться подальше от русских. Вечером того же дня Яхонтов был в Чанчуне. Гостиница «Ямато» была ему хорошо знакома, и после долгих беспокойных ночей он наконец-то мог насладиться комфортом уютного номера с роскошной кроватью. Как хорошо, что, кроме несчастной взбаламученной России, есть страны, где уважается закон и порядок, где не теряют силу такие атрибуты порядка, как дипломатические паспорта, военная форма, билеты на поезд, наконец, деньги. Этого не замечаешь, как не замечаешь воздуха, которым дышишь. Но как нельзя жить без воздуха, так нельзя жить и без порядка. За что убили князя Туманова? Какому-то матросу не понравилось его породистое лицо? Но тут что-то царапнуло по подсознанию, и Яхонтов вспомнил солдата, которого он выдал палачам. А может быть, ротмистр все же шутил, только пугал? Ой, нет, не надо себя обманывать. Виктор Александрович содрогнулся, представив себе, что по его вине сейчас терзают в застенке, в сущности, ни в чем не повинного человека. Ведь ротмистр видит в «большевике» убийцу своего отца и своей сестры, одного из тех, кто разорял и жег его родовое гнездо.

«Сволочь ты... а еще генерал».

Яхонтов вдруг осознал, что ему никогда не будет дано забыть этого солдата.

Вечером следующего дня Виктор Александрович добрался до Мукдена. Бегло просмотрев газеты за те дни, что он ехал из Петрограда, Яхонтов понял, что получить из них какую-то достоверную информацию невозможно. Писали, например, что в Москве убит Рябцев, возглавивший сопротивление большевикам. Так ли это? Ведь рядом сообщалось о том, что в ночь большевистского переворота из Зимнего дворца был препровожден в Петропавловскую крепость Верховский. А ведь Яхонтов лично провожал его на катер за три дня до восстания! Нет, нет, газеты перестали быть источником достоверной информации о России. Теперь придется, подумал Яхонтов, разгадывать статьи, как шарады, подобно судебному следователю докапываться до истины через горы вымыслов и домыслов. Но этим он займется уже дома, в Токио. До дома уже было рукой подать. Без каких-либо осложнений Яхонтов проехал с севера на юг всю Корею, сел в Фузане на пароход и вскоре уже обнимал жену и дочь. Он не видел их два месяца.

По инерции

Весть о неожиданном возвращении Яхонтова, за два месяца успевшего стать генералом, побывать товарищем министра, оказаться свидетелем большевистского переворота, сумевшего избежать участи других членов кабинета Керенского и выбраться из России, — с быстротой молнии облетела русскую колонию в Токио. А она была в те времена уже не маленькой. Офицеры, специалисты из многочисленных миссий, коммерсанты, чиновники самых различных ведомств, предусмотрительные богачи и бог весть какими судьбами попавшие в Японию российские интеллигенты — всех вместе набралось так много, что в посольстве не нашлось помещения, где их можно было бы всех усадить — естественно, с целью послушать Яхонтова. Сняли зал в отеле, построенном недавно в американском вкусе.

И вот Виктор Александрович на трибуне. Со стыдом он вспоминал потом об этой лекции. Чуждые русскому народу узурпаторы — большевики... Ленин, доставленный из Германии в plombированном вагоне для ведения подрывной работы... Поправление законов... Нарушение рыцарской чести Антанты... Естественно, господа, скоро последует неизбежный крах мертворожденного режима, но какими издержками обернется для нашего многострадального отечества этот хаос...

Раздались весьма жидкие аплодисменты. И не потому, что оратор не сказал ничего нового по сравнению с тем, что писали в газетах. Военная часть аудитории стала задавать вопросы. Но не о большевиках. Спрашивали о Корнилове. Спрашивали так, что пришлось если не оправдываться, то хотя бы напомнить, что вызов ему, Яхонтову, пришел уже тогда, когда с выступлением Лавра Георгиевича было покончено. Ответы Яхонтова аудиторию явно не удовлетворили. Он почувствовал, что враждебность большинства офицеров к Верховскому — «воткнувшему нож в спину генералу Корнилову» — переходит и на него. Он пожалел, что рассказал о попытках Верховского найти общий язык с лидерами политических партий. Для его слушателей Керенский, Милюков, Дан, Либер, Винавер, Аджемов и прочие были шайкой злодеев, сбросивших с трона монарха, на верность которому в свое время присягали господа офицеры.

Через несколько дней, как ему мнилось, он обрел возможность восстановить свою репутацию в глазах офицеров. Когда пришло сообщение, что советский режим подписал перемирие с центральными державами и уговорился вскоре начать мирные переговоры в Брест-Литовске, Яхонтов послал в Петроград, в Генштаб, телеграмму. Я протестую, телеграфировал Яхонтов, против переговоров, предпринимаемых группой самозванных лиц и которые не одобрены народом. Я не могу признать и никогда не признаю никакого другого правительства, кроме как назначенного Учредительным собранием, которое вскоре соберется.

Из этого факта ясно, что, хотя после смены режима прошло более месяца, Яхонтов еще считал, что он находится на службе и как военный атташе подчинен Генеральному штабу. Но, видимо, и в Петрограде не спешили списывать Яхонтова со счетов. И вскоре Виктор Александрович получил ответ. Новый начальник Генштаба Потапов (генерал старого режима!) просил Яхонтова «воздержаться от вмешательства в дела, о которых он, видимо, не информирован». О телеграфной перестрелке стало известно всем русским в Токио, но отношения с офицерами не наладились. Возможно, они даже ухудшились: теперь в глазах наиболее твердолобых Яхонтов стал лицом, поддерживающим какие-то отношения с большевистским режимом. Он попадал в какое-то странное межеумочное положение. Ах, если б он знал, что это всего лишь цветочки, за которыми последуют ягодки. Но сейчас его тревожило нынешнее положение.

Он поразился, когда услышал эти же сомнения 'от собственной жены. Новый год по традиции дипкорпус встречал во дворце микадо. Потом разъезжались. Яхонтовых, как и в прошлом году, пригласили в британское посольство. Среди изысканной роскоши дипломатического приема, в блестящем декольтированном платье, с боа на плечах и бокалом шампанского в руке Мальвина вдруг тихо спросила мужа:

— Виктор, а кто мы? Кого мы представляем? А что, если большевики надолго? Что будет с нами?

Яхонтов помедлил с ответом, но тут — так кстати — подошел французский военный атташе, и разговор переключился на светские сплетни. К этой теме Мальвина Витольдовна больше не вернулась — она поняла, что мужу ответить нечего. Раньше у них была традиция — в новогоднюю ночь вспоминать все-все-все события минувшего года. Встречая новый, 1918 год, Яхонтовы по безмолвному уговору решили покончить с этой традицией.

Первые же январские дни показали, что, как и семнадцатый, восемнадцатый год будет богат сюрпризами далеко не приятного свойства. Айвазоглу, помощник, позвонил Яхонтову по внутреннему телефону и сказал, что на прием просится прибывший из Китая ротмистр Тарханов. Фамилия ничего не сказала Яхонтову, но, едва посетитель переступил порог, Виктор Александрович узнал его. Узнал и содрогнулся. Это был тот самый красавчик ротмистр из Харбина, которому Яхонтов выдал на растерзание задиристого солдата. Ну что ж, твоя была инициатива, Виктор Александрович, в знакомстве с этим садистом в облике херувима. «Сволочь ты... а еще генерал!» — вспыхнули в мозгу слова схваченного солдата... Надев на лицо маску радушия (служба есть служба), Яхонтов вышел из-за стола, протянул руку:

— Евгений Илларионович, если не ошибаюсь.

— Восхищен вашей памятью, ваше превосходительство, — почтительно склонил голову гость.

— Какими судьбами, чем могу служить? — Яхонтов был убежден, что сейчас последует просьба пристроиться на работу в атташате или нечто вроде, но ошибся. Перед ним был не дезертир, а борец.

Тарханов прибыл в посольство как эмиссар атамана Семенова, в отряд которого он вступил, желая лично принять участие в очищении отечества от большевиков. В Токио уже доходили вести о том, как Семенов начал свою «освободительную миссию». Источники, далекие от симпа-

тий к большевизму, к революции, к России вообще, сообщали, что деяния Семенова можно описать одним словом: резня. Деревни, население которых объявлялось «сочувствующим большевикам», уничтожали целиком, то есть строения сжигались, а жители предавались смерти самыми варварскими способами.

Собственно, этого не отрицал и ротмистр Тарханов.

— Я демократ,— чуточку грустируя, говорил он.— И поверьте, ваше превосходительство, лишен сословных предрассудков. Я рассуждаю так: основа государства — крепкий хозяин, будь он князь, купец, мужик или даже, простите, жид. Те, кто грабит крепких хозяев — преступники. Мы с ними и поступаем соответственно. Не скрою, мы хотим добиться и некоторого, так сказать, педагогического эффекта. Мы рассчитываем, что рассказы об экзекуциях должны удержать колеблющихся от совершения преступлений. Знаете, когда по деревням идет молва, что такого-то большевика обмазали смолой и подожгли, это действует, действует...

Из рассказа ротмистра Яхонтов понял, что Семенов, так же как Калмыков, Гамов и другие атаманы, действует самостоятельно, они не желают признавать официально существующей в зоне КВЖД власти генерала Хорвата. Японцы признавали его и не хотели с ним ссориться, помогая через голову Хорвата семеновцам. Вот если бы о помощи атаману попросило русское посольство... Японцы хотели придать своему сотрудничеству с бандитом «законный», «дипломатически оговоренный» характер. В этом и состояла миссия ротмистра Тарханова.

Яхонтов как можно мягче объяснил, что не сможет выполнить просьбу гостя. Формально посольство представляет в Японии Временное правительство России, чьим комиссаром в зоне КВЖД является генерал Хорват. Кроме того, ходят слухи, что в Сибири образуется местное правительство, которое будет действовать от имени Временного правительства, временно низложенного большевиками. Тем более на днях «Нью-Йорк таймс» сообщила, что большевистский режим, по-видимому, рухнет в ближайшие 48 часов... Ротмистр Тарханов принял отказ с дипломатической невозмутимостью. Соображения его превосходительства ему безусловно понятны. Он сам перевел разговор на другие темы. Поддерживая беседу, Яхонтов все искал повода спросить о том, что так мучило его последние недели. Но Тарханов сам заговорил об этом:

— Да, кстати,— сказал он,— помните того большевич-

ка, которому я обязан знакомством с вами, ваше превосходительство?

Собрав все душевные силы, Яхонтов кивнул, стараясь не выдать своих чувств.

— Сбежал, каналья!

— Как сбежал?!— воскликнул Яхонтов.

— Сыпанул табаком в глаза Пилипенке — помните, был у меня такой верзила вахмистр, царство ему небесное,— и сбежал. Так и не успели его наказать.

Яхонтов сделал озабоченное лицо:

— А что с вахмистром? Вы сказали...

— Увы, увы,— вздохнул Тарханов.— Убили моего Пилипенку, когда мы в одной деревне порядок наводили. И кто убил? Учитель, мозгляк, вахмистр бы его мизинцем перерубил. Ну что ж, устроили возле учительского дома римскую аллею...

— Что-что?

— А это мы, ваше превосходительство, такое наказание придумали. Берем голого большевика, а еще лучше — большевичку, ставим на морозе и обливаем водой. Получается статуя. И не велим трогать до весны. Так и стоят, канальи!

Расставшись с ротмистром, Яхонтов зашел к послу. Господин Крупенский понимающе вздыхал, слушая о рассказах семеновца, согласно кивал головой. На следующий день Виктор Александрович узнал, что после его ухода Крупенский позвонил в японский МИД и от имени Российской республики просил оказать атаману Семенову максимально возможную помощь.

В дипломатических кругах Токио начали поговаривать, что русская революция чревата угрозой не только для России. Под угрозой все цивилизованные нации. Все громче звучали голоса, что в стране большевиков под угрозой жизнь, достоинство и имущество иностранцев. Говорили о необходимости быть готовым к оказанию им помощи. Яхонтов понимал, что это — «идеологическая артподготовка» перед интервенцией.

Особенно зловеще прозвучал в этом хоре меморандум британского министра иностранных дел Бальфура о том, что союзники должны оказывать содействие «местным правительствам и их армиям». Меморандум был одобрен правительствами стран Антанты. Таким образом, с точки зрения «международной общественности» (из которой, «естественно», исключалась Россия) помощь тех же японцев тому же Семенову выглядела вполне респектабельно. Вы-

ходит, не Яхонтов, а Крупенский действовал «в рамках международного права». Яхонтов вдруг вспомнил «своего» чудом спасшегося солдата из экспресса Петроград — Владивосток, его слова о том, что это буржуйские международные законы и большевики не обязаны их признавать. Звучало чудовищно, но вот конкретный пример: меморандум Бальфура. Разве это, в сущности, не нарушение международного права? Разве его обязано признавать центральное российское правительство, из кого бы оно ни состояло? Но с другой стороны, большевики сами демонстративно нарушают международные законы, чего стоит беспрецедентная акция с публикацией тайных договоров.

А как понять эту дикую политику с сознательным развалом государства? Россия складывалась веками, а большевики ничтоже сумняшеся признают отпад Эстляндии, Финляндии, Украины. До чего дойдут? До княжества Ивана Калиты? Неужели большевикам неясно, что они ослабляют державу, а врагам только того и надо? Неужели они и в самом деле иностранные агенты? Что тогда? Можно ли сделать вывод, что для свержения большевиков хороши все средства? Все — это значит и «римские аллеи» ротмистра-садиста.

И еще одно противоречие: если большевики вот-вот рухнут, зачем все эти усилия? Большая пресса Запада уже не менее десятка раз сообщала о падении нового режима. А если они продержатся, скажем, целый год? Что будет с посольством, с самим Яхонтовым? Формально они уже никого не представляют. Еще 5 декабря большевики разослали по всем российским посольствам телеграммы с требованием подчиниться новой власти, а в случае отказа — устранились от работы. Естественно, все послы игнорировали это требование узурпаторов. Стало, правда, известно, что нашлось двое малодушных: Унгерн-Штейнберг в Португалии и Соловьев в Испании. К счастью, местные власти перехватили их телеграммы. Господин Бронштейн, он же товарищ Троцкий, оказался генералом без армии — его как главу дипломатического ведомства не признал никто. Смешно и подумать, что этого никому не ведомого субъекта признает князь Кудашев или Бахметьев, Маклаков или тот же Крупенский. Но закономерен вопрос: кому подчиняется посол Крупенский? Министру иностранных дел Терещенко? Но Терещенко сидит в тюрьме. Впрочем, о судьбе его толком ничего не известно, во всяком случае МИДом он не руководит, ибо МИДа уже нет. Есть НКВД во главе с Троцким, которому не подчи-

няются послы. Чьи же они послы? Что же делать? Сидеть сложа руки, ожидая падения большевиков?

— ...Меня поражает, сколь много русских офицеров у нас в Иокогаме и, видимо, у вас в Токио сидят сложа руки и ждут падения большевиков,— так говорил вице-адмирал А. В. Колчак, приехавший в посольство проститься. Александр Васильевич пару месяцев назад прибыл в Японию из США, где он возглавлял русскую морскую миссию. Жил он в Иокогаме, русских сторонился, общался больше с японскими и английскими военными. Рассказывали, что вице-адмирал ударился в восточную мистику, изучает дзэнбуддизм, часами сидит у камина с обнаженной самурайской саблей в руках, улавливает в бликах на стали какие-то вещие знаки. Яхонтову было интересно встретиться и поговорить с этим странным, но во всяком случае последовательным человеком. Известно было, что Колчак резко настроен против революции.

Поговаривали, что Керенскому сумрачный вице-адмирал внушал страх, и он с охотой сплавил его в длительную командировку к союзникам. А среди офицеров уже ходила, обрастая подробностями, легенда о том, как Александр Васильевич Колчак в ответ на требование революционных матросов сдать оружие бросил за борт свой адмиральский кортик (по другой версии — парадную «Георгиевскую» саблю). И вот они сидят в яхонтовском кабинете, и Колчак, любуясь кавказским кинжалом, говорит о том, что надо действовать.

— Я предпочел стать кондотьером,— говорил Колчак,— зачислен на службу его величеству английскому королю. Меня направляют на месопотамский фронт. Правда, там, ходят слухи, сейчас свирепствует холера, но, ей-богу, почетней погибнуть от холеры, чем от руки какого-нибудь сознательного пролетария.

Термин «кондотьер» Яхонтову показался не совсем достойным, хотя, в сущности, он и сам подумывал о том, чтобы вступить в одну из союзных армий. Но Яхонтов имел в виду победоносное завершение войны против Германии и ее союзников, а Колчак — «исцеление России», пусть даже с помощью чужеземных докторов. Вот это-то и пугало Яхонтова. Он не склонен был идеализировать «докторов» и опасался, как бы они не впали в соблазн пограбить в доме тяжелобольного. Смutilо его также принципиальное неприятие Колчаком чего-либо позитивного в революции. Яхонтову казалось, что легкость, с которой Россия рассталась с монархией,— доказательство того, что самодер-

жавне изжило себя. Колчак смотрел на проблему иначе. Если и была ошибка у старого режима, считал он, то лишь одна — неоправданный либерализм. Надо было бить, расстреливать, вешать. Мы сами, сказал он, распустили народ. Мне, морскому офицеру, стыдно, что матросики — ударная сила большевизма.

Расстались с «кондотьером» не то чтобы сухо, но как-то даже и с облегчением. Контакта не получилось. Больше они не встречались никогда, но Колчаку было суждено, самому о том не зная, сыграть немалую роль в жизни Яхонтова.

Отставка

Два этих визита — ротмистра Тарханова и вице-адмирала Колчака — каждый по-своему укрепили Яхонтова во мнении, что с его службой надо кончать. Посол Крупенский уже открыто высказывался за интервенцию. Уже на Владивостокском рейде маячили японские и британские военные корабли. Уже слали консулы телеграммы со слезными просьбами о защите иностранцев в России. Росло число отрядов, разбойничающих в Сибири и на Дальнем Востоке. Ни для кого не было секретом, что барон Унгерн, барон Тирбах, равно как Семенов, Калмыков и другие атаманы и атаманчики, получают вооружение и снаряжение отнюдь не из русских источников. Но формально дело обставлялось так, якобы средства поступали через русское посольство в Японии, через военного атташе Яхонтова. Виктора Александровича, принципиального противника иностранной интервенции, роль, которая отводилась ему в этой комедии, совершенно не устраивала.

Боевому офицеру место на фронте — ведь война далеко не кончена. Нет возможности сражаться в Галиции — будем сражаться во Фландрии или в Ломбардии. Был, конечно, еще один путь — вернуться в Россию, добраться, например, до старого приятеля Дутова, поднявшего в оренбургских степях знамя антибольшевистского мятежа, и принять участие в разгорающейся гражданской войне, но Яхонтов отверг его для себя. Он не хотел участвовать в братоубийстве. Он еще надеялся на какое-то сравнительно бескровное разрешение конфликта внутри России. Но надежды рушились одна за другой. Большевики так и не исчезали, хотя, по расчетам самых уважаемых авторитетов, они должны были уже давным-давно сгинуть. Не сбылись надежды на Учредительное собрание, которое, как казалось Яхонтову, могло повести Россию путем зо-

лотой середины. Не особо заботясь о своей международной репутации, большевики разогнали «учредилку».

Но окончательно подтолкнул Яхонтова к решению об уходе со службы страшный день 4 марта. Это был по истине день плача на реках вавилонских. Если все другие сообщения из России и о России не всегда получали в посольстве одинаковую оценку (были там, например, монархисты, для которых разогнанные учредилковцы были такими же врагами, как и большевики), то 4 марта взрыв негодования был совершенно единодушным.

В этот день все телеграфные агентства мира оповестили, что накануне в Брест-Литовске Советская Россия подписала мирный договор с немцами. Ранее доходили какие-то странные известия о распрях в большевистском руководстве, о том, что, посылая делегацию для ведения внешнеполитических переговоров, они сами толком не знали, что хотят. То они чуть было не приняли немецких условий, но потом Бронштейн-Троцкий понес какую-то околесицу «ни мира, ни войны» (что это, никто не мог понять). Воспользовавшись дипломатической малограмотностью узурпаторов, немцы пошли в наступление и чуть было не взяли Петроград. Тут большевики спохватились и срочно стали создавать армию (по принципу «на охоту ехать — собак кормить»). И вот он, плачевный итог четырехмесячного большевистского правления, перечеркнувший века собирания державы. От России отторгались Польша, Лифляндия, Литва, Эстляндия, Курляндия, часть Белоруссии; к Германии отходили Рижский залив с Ригой и Моонзундские острова; Финляндия и Украина объявлялись самостоятельными государствами; к Турции отходила Восточная Анатолия... Всего Россия теряла миллион квадратных километров территории с населением в 46 миллионов человек. На этой территории производилось три четверти железа, добывалось девять десятых каменного угля... Но и это не все. Немцы временно оккупировали многие земли восточнее указанной в договоре линии. Надлежало немедленно закончить демобилизацию русской армии и распустить вновь образованные отряды Красной Армии... Военные корабли требовалось привести в русские порты и интернировать до общего мира или разоружить. На Россию накладывалась также огромная контрибуция.

Столпившись у карты России, дипломаты с ужасом осознавали случившееся.

— Ну вот, «товарищи» и доигрались,— сдержанно сказал Крупенский, но другие не могли удержать себя в руках.

— С какой стати большевики продают Россию?

— Вот кухарки и управились с государством...

Заместитель Яхонтова полковник Подтягин плакал, не стыдясь слез. А Виктор Александрович вспоминал, как всего пять месяцев тому назад в Таврическом дворце он слушал выступление Троцкого. Он четко помнил его ладную, чуть полноватую фигуру, театрально встрепанные волосы, блеск пенсне, белоснежный платок, которым оратор промокал лоб, его по-актерски отточенные жесты, безусловно эффектное красноречие и задавал себе тот же вопрос: почему, кто дал право этому субъекту ревизовать многовековую российскую историю? Кто дал ему право зачеркивать результаты ратных и государственных трудов Петра, Екатерины, Богдана Хмельницкого, Румянцева, Суворова, Ермолова, кто дал ему власть сделать бессмысленным подвиг Брусилова, кто? Ответа Виктор Александрович не находил.

Понимая бессмысленность своего жеста, Яхонтов все же собрал офицеров и предложил послать в Петроград протест. Как и в декабре, Петроград откликнулся оперативно. Яхонтову предлагалось прибыть на берега Невы и предстать перед революционным трибуналом. В тот же день поступила вторая телеграмма. Всем офицерам старше 37 лет разрешалось уйти со службы, более молодым — по болезни. Яхонтов тут же отправил прошение об отставке в связи с состоянием здоровья. Из Петрограда сообщили, что на его место назначается гражданин Будберг, которого Яхонтов хорошо знал как генерала и барона. Сейчас эти его переговоры с властями, которые он не признавал, могут показаться странными, но именно так все это и происходило. Советская власть старалась сохранить на службе специалистов из всех министерств. Увы, немногие откликнулись на этот зов. Не откликнулся и Яхонтов...

Крупенский с облегчением узнал об уходе Яхонтова. Военный атташе, не склонный заниматься организацией интервенции, был послу не нужен. Но дипломат есть дипломат — он, конечно, изобразил искреннее сожаление.

— Виктор Александрович, — сказал посол на прощание, — хоть вы теперь и частное лицо, сделайте милость, неволить не могу, прошу, очень прошу, когда прибудет этот большевистский барон, встретьте его и скажите, что мы его не примем.

И вздохнул:

— Наверное, вы правы. В это сумасшедшее время от российских дел лучше держаться подальше.

В лабиринте

«Намерен задержаться в Америке и Европе»

Бывший барон, а ныне гражданин Будберг беззаботно рассмеялся, когда встретивший его Яхонтов предупредил старого знакомого, что Крупенский откажется от сотрудничества с большевистским посланцем.

— Разумеется, разумеется, генерал,— изящно грассировал барон.— Но надо было как-то вырваться из этого кошмара. Вот и весь секрет моей службы у «товарищей»...

— Вы намерены обосноваться в Японии, барон?

— О, сначала надо осмотреться, отоспаться, простите, отмыться, а потом решать.

— А я уезжаю, барон. В Америку. И спросил я о ваших планах не случайно. Сегодня распродажа моего имущества, и если вас что-то интересует...

— О, премного благодарен. Но вряд ли есть смысл устраиваться где-то надолго. Большевики обречены. На юге против них грозная сила — Корнилов остается знаменем порядка. С севера нависают финны, на Урале — Дутов, Сибирь практически не связана с Европейской Россией. Уверяю вас, генерал, большевистский анекдот скоро будет досказан. Буду молить бога, чтобы они не успели разграбить мою петербургскую квартиру.

На распродажу яхонтовской коллекции восточных ковров, бронзы, фарфора, парчи и оружия собрался весь токийский бомонд. В скудной развлеченности жизни дипломатического корпуса аукционы всегда вызвали большой интерес. Но на «свой» аукцион Яхонтовы не пошли. Что ни говори, а было грустно. Кстати, посол Французской Республики так и не смог купить коллекцию ковров, о которой он мечтал. Его переиграл доктор Джонсон из британского посольства, оказавшийся хорошо осведомленным о яхонтовских коврах. Аукцион прошел весьма успешно, и Яхонто-

вы получили изрядную сумму. Даже подержанный автомобиль удалось продать за двойную цену — во время войны импорт авто был практически прекращен. Продал Яхонтов и письменный стол из кабинета, за которым так чертовски удобно было работать. Не ехать же в Америку со столом! Из всего кабинета в дорожный чемодан была уложена только тщательно завернутая в рисовую бумагу благодарственная солдатская грамота в рамке...

Отъезд Яхонтовых вызвал в кругах дипкорпуса оживленные пересуды. Назывались самые фантастические планы русского генерала, говорили даже, что он решил помириться с большевиками и вернуться в Россию. Виктору Александровичу стало известно, что о нем активно наводит справки сам шеф полиции. Это было неприятно. И Яхонтов решил положить конец пересудам, рассказав о своих планах через газету. Он выбрал «Джапан адвертайзер». Из выходивших на английском языке она была самой читаемой.

«Я действительно собираюсь в Россию, — писал Яхонтов, — так как всякий русский человек, искренне любящий свою Родину, рано или поздно возвращается домой и старается сделать для своей страны все, что в его силах. Однако до возвращения домой я намерен задержаться в Америке и Европе. Я намерен предложить союзникам, общему делу Антанты свое воинское умение и даже свою жизнь. Я докажу, что русские верны своему слову, что далеко не все они — предатели, изменяющие слову и общему делу союзников».

Намек на «коварство» большевиков был более чем прозрачный. Рассказав о своих личных планах, Яхонтов дальше дал свою оценку происходящих с Россией бедствий. Он писал, что страна не впервые за свою долгую историю оказалась на краю пропасти и перед угрозой расчленения. Но из всех кризисов в минувшие века Россия выходила успешно, опираясь лишь на свои силы, причем выходила каждый раз обновленной, с еще большей жизненной силой. Редактор предложил заголовок «Нынешний кризис выявит подлинных друзей России». Автор согласился. Статья, однако, не привела к восстановлению отношений с офицерами.

Они, правда, явились на проводы Яхонтовых, но лишь потому, что Мальвина Витольдовна была дамой-патронессой русского военного санатория в Токио. И 20 марта, в час прощания, на борту русские офицеры поднесли Мальвине Витольдовне роскошный букет. «Члена шайки Керен-

ского» они игнорировали. Но в общей толчее проводов это прошло не особенно заметно.

И вот на борту японского судна «Карно-мару» Яхонтов впервые в жизни пересекает океан. По нынешним понятиям скорости тогда были невысокие. Но переход не казался мучительно долгим. Яхонтов был рад возможности отдохнуть и поразмыслить. Среди пассажиров было много американских миссионеров, возвращавшихся из Китая с семьями. Олечка целыми днями играла с американскими ровесницами. С Яхонтовыми плыли их друзья — две семейные русские пары, которые решили попытать счастья в Америке. Рассуждая о кисельных берегах, молочных реках, которые ожидали их в стране демократии и равных возможностей, они склонялись к мысли о том, чтобы купить всем вместе ферму в Калифорнии. Подразумевалось, что в сем предприятии примут участие и Яхонтовы. Виктор Александрович не препятствовал Мальвине Витольдовне обсуждать эти маниловские планы. Его спутники, казалось, совсем позабыли, что еще идет война. И если, как он писал в «Джапан адвертайзер», для него отпала возможность сражаться на Восточном фронте, он скрестит свою шпагу с неприятельской на Западном. Слава богу, у него блестящее военное образование, разносторонний опыт, в том числе фронтовой. Такие специалисты на дороге не валяются, тем более в САСШ (так русские тогда называли США).

Оставив семью в Сан-Франциско, который всем сразу как-то очень понравился, Яхонтов с легким сердцем сел в поезд, идущий на восток. Впервые был он в США, впервые пересекал Американский континент, каждый миг приносил новые и неожиданные впечатления. Яхонтову доводилось быть в Германии, Франции, Англии, Норвегии, не говоря уж о восточных странах. Америка сразу пленила его красотой пейзажей и простором, размахом, которого он не встречал нигде, за исключением, разумеется, России.

Видимо, Яхонтов попал действительно на другой край земли. То, чем он жил, было бесконечно далеко и мало кого интересовало. Попутчиком Яхонтова оказался профессор Гарвардского университета. Яхонтов знал, что это один из лучших университетов мира, и с должным почтением внимал своему спутнику. Тот очень подробно доказывал, что Нью-Йорк — «не Америка» (это потом Яхонтов слышал тысячи раз), а что «истинный вкус Америки» имеет только Бостон. Яхонтов узнал много интересного о Бостоне, но его не то что укололо — удивило, что профессор ни

о чем не расспрашивал его самого. Когда же Виктор Александрович что-то сказал об архитектуре Петрограда, профессор невозмутимо заметил, что Россия не входит в круг его интересов. По доброте душевной Яхонтов сделал вывод, что он встретил ученого-чудака. Он еще не знал тогда, что это чисто американская черта, свойственная миллионам жителей этой страны.

Как и всех европейцев, впервые попадающих сюда, его ошарашил Нью-Йорк. Ошарашил и очаровал. Ему сразу понравился этот город — размахом, динамизмом, тем, что Виктор Александрович назвал для себя дерзостью. В Нью-Йорке его встретил русский генеральный консул Михаил Михайлович Устинов. Он помог Яхонтову устроиться в недорогой, но приличной гостинице, отвез в «Утюг» («Фла-тайрон») — так из-за его формы называлось здание, которое занимала русская военная закупочная комиссия. Яхонтова поразил огромный штат офицеров, который набился в этот далекий от фронтов «Утюг». Поразило и то, что офицеры учинили ему форменный допрос о его позиции, взглядах на те или иные стороны событий в России. Поразил тон, какой они взяли в разговоре с ним, боевым офицером, два года проводившим на фронте, пусть и с ушедшим в отставку, но генералом! Яхонтов был не из тех, кого можно «взять на испуг». Отвечал резко, сам в свою очередь ставил вопросы в лоб. Ему очень быстро стало ясно, что перед ним — сбитые с толку люди, политически не то что наивные — инфантильные. Ему показалось, что вся Россия для них персонифицировалась в личности царя, что без царя Россия, народ, страна для них нечто пугающее, непонятное и им гораздо легче думать, что такого вовсе и нет, «потому что не может быть никогда».

Консул Устинов только рассмеялся, когда при прощании Яхонтов поделился с ним своим мнением о нью-йоркском офицерском обществе.

— Ах, дорогой Виктор Александрович! Не судите да не судимы будете. Смотрели сегодняшнюю «Таймс», нет, не лондонскую, а здешнюю, «Нью-Йорк таймс»? Опять сенсация — падение большевиков. Ей-богу, это уже раз в двадцатый. Я — не верю, пытаюсь сопоставлением различных источников вылущивать истину, как ядро из орешка. Знаете, я сразу не поверил даже тогда, когда они написали о гибели генерала Корнилова...

— Лавр Георгиевич?!

— А вы не знали? Погиб. В бою под Екатеринодаром. Так вот, я пришел к убеждению, что наша несчастная ро-

дина вышла за пределы исторической логики. Что вы удивляетесь этим молодым людям из «Флатайрона»? А как реагировать мне? Вот фотокопия одного прелюбопытнейшего, во всяком случае для меня, документа.

Устинов достал из бумажника фотографию. Яхонтов прочел:

«Российский народный Комиссариат иностранных дел имеет честь уведомить Американское посольство в Петрограде, что русский консул в Нью-Йорке господин Устинов отстраняется от исполнения должности и что консулом Российской республики в Нью-Йорке назначается гражданин Джон Рид. Подпись — Чичерин».

— Кто такой Чичерин и кто такой Джон Рид?

Устинов аккуратно уложил фотографию в бумажник, вздохнул:

— Простите, это моя вина. Как консул или, вернее (он усмехнулся), как бывший консул я должен был ввести вас в курс не только здешних, но и российских дел. Когда господин... вернее, э-э-э... товарищ Чичерин подписывал мою — как бы это выразиться? — отставку, он был заместителем Троцкого. Сейчас он сам министр, то есть народный комиссар иностранных дел.

— А Троцкий?

— Не падайте в обморок, господин генерал. Троцкий теперь командует Красной Армией...

— Они с ума сошли? — воскликнул Яхонтов.

— Кто — они?

— Большевики. Против таких генералов, как Деникин, Краснов, Юденич, поставить... э-э-э... я ведь видел его своими глазами, Михаил Михайлович.

И Яхонтов рассказал о выступлении Троцкого в Предпарламенте.

— Забавно, забавно. А я здесь встретился с людьми, которые знавали господина Бронштейна по Нью-Йорку. Да-с, он здесь был в эмиграции, как многие из большевиков. Но Троцкий вовсе не был большевиком. И якшался он, по данным моих информаторов, с публикой совсем не социал-демократического толка... Но мы отвлеклись, генерал.

— Да-да, господин Чичерин...

— Товарищ, Виктор Александрович, товарищ... Фигура какая-то странная. Я располагаю достоверной информацией, что он из хорошей семьи, образован, начитан и... прекрасно играет на фортепьянах. Представьте: большевик — знаток Моцарта. Звучит невероятно, но это так.

Вот я и говорю: наша несчастная Россия выпала из исторической логики.

— Ну, а господин Джон Рид?

— Тоже какой-то нонсенс. Это американский журналист, говорят, очень талантливый, но экстравагантный. То ли по чудачеству, то ли в погоне за сенсацией проявляет большой интерес к радикалам, экстремистам. Был, так сказать, хроникером мексиканской революции, брал интервью у Панчо Вильи (это мексиканский вариант Стеньки Разина), ну и все в таком духе. В прошлом году отправился в Россию, был свидетелем большевистского переворота, говорят, без ума от Ленина, да, так говорят...

Яхонтов учтиво поблагодарил консула за помощь в знакомом городе.

— Рад был познакомиться,— поклонился Устинов.— Всегда к вашим услугам, если, конечно, сюда не приплывет отряд революционных матросов и не выгонит меня штыком из моего офиса...

Шпага Лафайета

В один из прекрасных дней вашингтонской весны 1918 года военный министр Бейкер пригласил к себе начальника штаба генерала Пертона Марча и генерала Уильяма Грейвса, которому вскоре предстояло отправиться в Россию во главе американского экспедиционного корпуса.

— Русский военный атташе полковник Николаев,— сказал министр,— обратился ко мне с личной просьбой. Подчеркиваю, джентльмены, не с официальной, а с личной. Он просит принять русского генерала по фамилии, ах эти русские фамилии,— генерал заглянул в блокнот,— генерала Яхонтова. Он только что приехал в Штаты и, кажется, ожидает, что мы пошлем его командовать американскими парнями во Францию.

Генералы рассмеялись. Министр продолжал:

— Я бы не побеспокоил вас, джентльмены, но, судя по всему, чем дальше, тем больше нам придется заниматься русскими делами. Поэтому я счел целесообразным откликнуться на просьбу русского атташе. Я запросил разведывательное управление. Сейчас я приглашу полковника Ричарда Смайли, и он доложит нам об этом русском. Кто знает, может быть, он в какой-то степени окажется перспективным.

Министр пригласил Смайли, и разведчик начал доклад.

— Виктору А. Яхонтову 36 лет. Родился в 1881 году в Варшаве. Отец — генерал, военный юрист, сэлф-мэйд-мэн (дословно — человек, сделавший себя сам, то есть добившийся успеха благодаря лишь собственным усилиям). Мать, урожденная Дегай, из знатной семьи, в числе ее предков известные в России военные и государственные деятели. Ее брак с генералом Яхонтовым-старшим считался мезальянсом. И отец и мать умерли, когда Виктор Яхонтов был ребенком. Его воспитывали родственники и в десятилетнем возрасте отдали в Первый кадетский корпус в Петербурге. Это привилегированное военное учебное заведение. В 1899 году Яхонтов поступил в Павловское пехотное военное училище, окончил его в 1901 году и был назначен в Куринский полк в Кутаис. (Это на Кавказе, пояснил Смайли, и правильно сделал, потому что его начальники плохо разбирались в географии далекой экзотической страны.) В 1904 году поступил и в 1907 году окончил Академию Генерального штаба. Затем служил в другой части — в полку святого Александра Невского...

— Это что за святой?— спросил министр.— Не знаю такого.

— У русских ведь своя церковь, сэр,— ответил знаток России из разведуправления.— Кого царь захочет, того и объявляет святым.

— Ясно, Дик, валяйте дальше.

— В 1909 году в карьере Яхонтова происходит резкий поворот. Он переходит служить в штаб Приамурского военного округа в город Хабаровск на Дальнем Востоке. Самая граница с Китаем. Он начинает профессионально изучать проблемы Дальнего Востока. 1910, 1911, 1912 годы проводит в основном в Японии, изучает язык и проблемы страны.

— Им бы раньше лет на десять всерьез заняться Японией,— хохотнул генерал Марч.

— Трудно выбрать, джентльмены,— вставил генерал Грейвс,— что нам хуже: сильная Япония или сильная Россия...

— Дискуссии потом, сначала дайте договорить полковнику.

— С вашего разрешения, продолжаю, джентльмены,— учтиво наклонил голову Смайли.— Итак, после всех этих трудов в 1912 году Виктор Яхонтов сдает экзамен и назначается заместителем начальника разведывательного отде-

ла округа. У русских это называется отделом военной статистики. Редактирует журнал штаба округа «Китай и Япония». Несколько раз ездил в командировки по дальневосточным странам — Китай, Маньчжурия, Корея и снова Япония. В 1913 году становится начальником разведотдела. В том же году в отпуске путешествовал по Европе — Норвегия, Германия, Бельгия, Франция. В 1914 году там же в Хабаровске начинает работу над переводом «Истории русско-японской войны». Это 20-томное издание японского Генштаба. В связи с этим дважды ездит в Японию. Именно там, в Японии, узнает о начале войны и срочно едет через Хабаровск в Петербург. Два года в действующей армии — начальник оперативного отдела штаба 10-й армии. Отзывы исключительно хорошие. Я, джентльмены, для краткости пропускал повышения в чинах. Так он дошел до полковника. В 1916 году ездил с ответственной миссией во Францию и в Англию. Встречался с Фошем, Китченером... Кстати, случайность спасла его от гибели вместе с Китченером — они должны были плыть на одном корабле. Возвращается в свою 10-ю армию, но в августе 1916 года его отзывают с фронта и назначают военным атташе в Японию.

— Ну что ж, назначение логичное, — кивнул головой генерал Марч. — Я бы сказал, зря таким специалистом два года рисковали на фронте.

— Но зато каков послужной список! — воскликнул министр. — Продолжайте, Дик.

— Именно в Японии его застает весть о революции в России. Это было, смею напомнить, в феврале. В сентябре Яхонтова отзывают в Петроград — русская столица была переименована в начале войны. Яхонтов производится в генералы и назначается заместителем военного министра.

— Министром был в это время... — начал Бейкер.

— Генерал Верховский, Яхонтов — его протеже. После большевистского переворота бежит из России и оказывается снова в Японии, где с соблюдением всех формальностей возвращается на прежнюю должность военного атташе. В марте уходит со службы и уезжает в Штаты. В настоящее время его семья во Фриско. Семья — жена и дочь.

— Женат давно?

Смайли глянул в досье:

— Женился, еще служа в полку. Жена — дочь его командира...

— Ладно,— махнул рукой Бейкер.— Каковы его политические взгляды?

— По нашим данным, сэр, Виктор Яхонтов, как многие русские, соблюдал запрет царя военным в какой-либо форме заниматься политикой. Но явно просматривается тяготение к либеральным взглядам. Однако есть и другие данные — высказывания в пользу сильной власти военных, вроде генерала Корнилова. Прошу прощения, сэр, но сейчас такие противоречивые данные поступают на многих русских. Они, видимо, и сами не могут разобраться в своем бедламе.

— Есть сведения об отношении генерала к интервенции? — спросил Грейвс.

— Есть, сэр. Совершенно однозначные — он отчетливо против какого бы то ни было иностранного вмешательства в дела России.

— Даже с целью изгнания большевиков?

— Именно так, сэр. Причем как раз об этом (Смайли порылся в папке) есть данные буквально на вчера и на сегодня. Из Нью-Йорка сообщили, что Виктор Яхонтов очень резко поспорил в Обществе русских офицеров, где преобладают монархисты. А он говорил о том, что революция во многом была оправданной и неизбежной и, если сейчас пустить внешние силы на ликвидацию большевиков, будет восстановлена монархия, а это нежелательно. Далее. Сегодня, джентльмены, наш человек в русском посольстве...

— Кто это? — осведомился министр.

— Его фамилия Сукин. Так сегодня мистер Сукин сообщил, что Яхонтов усиленно склонял посла Бахметьева выступить против интервенции, не допустить ее. Яхонтов обрабатывал посла и в офисе, и, как Сукин установил через прислугу, дома у посла.

— Вот какая птичка к нам залетела,— подытожил министр.— Благодарю вас, полковник, вы прекрасно информированы. Вы свободны. Естественно, за этим странным генералом надо понаблюдать.

— Вы думаете, он большевистский шпион? — удивился генерал Марч.

— Нет, не думаю. Он аристократ и, видимо, националист.

— Прошу прощения, сэр,— подал голос Смайли уже от дверей.— Я для краткости опускал подробности. Возможно, это вас интересует. На новогоднем балу во дворце микадо Яхонтов резко отрицательно отзывался

о нашем 100-рублевом плане, допускал, можно сказать, антиамериканские высказывания.

— Вы правы, Смайли, это важная деталь,— кивнул министр.— Видимо, перед нами политически почти нейтральный русский националист. Вот из-за таких и не был принят 100-рублевый план. И это в нищей России с ее-то избытком населения!

Речь шла о предложении американского правительства 28 декабря 1917 года платить по 100 рублей за каждого русского солдата, удержанного на фронте. На следующий день подобное предложение поступило и от англичан. Так отвечали империалисты на призыв большевиков о немедленном прекращении войны. Надо ли говорить, что циничный торгашеский характер «100-рублевого плана» вызвал резко отрицательное отношение не только среди большевиков.

Подводя итоги затянувшейся беседе, Бейкер сказал:

— Не будем пока списывать со счетов этого генерала. Его репутация в России, насколько я понял, ничем не подмочена. Каковы бы ни были его эмоциональные всплески, но он все-таки из группы Керенского. А Керенский, джентльмены, во всей истории России — самая благожелательная для нас фигура. На посла Бахметьева надо посильнее надавить. Просьбу полковника Николаева я выполню и встречу с этим чудачком. А вы, Билл,— обратился министр к Грейвсу,— напишите ему о том, что по закону в нашу армию можно поступить лишь солдатом. Но очень вежливо — кто знает, что станет завтра с этой взбесившейся Россией и кто кем там окажется...

На следующий день министр Бейкер принял Яхонтова, который вручил ему меморандум о перспективах участия русских офицеров в продолжающейся войне. Принял Яхонтова и начальник штаба генерал Марч. Оба были любезны, но Яхонтов понял, что времена Лафайета и Костюшко прошли. Его шпага явно не заинтересовала военных руководителей Америки. Со временем он и сам понял книжную романтичность, если не сказать — комичность своих вашингтонских планов, но тогда, в 1918-м, он был задет всерьез. В письме, подписанном генералом Уильямом С. Грейвсом, Яхонтов уведомлялся, что по американским законам иностранец не может быть принятым в армию Соединенных Штатов в чине генерала; он должен начинать карьеру с солдата. Последним пунктом контактов Яхонтова с американским военным ведомством был ленч, на который его пригласил полковник, занимавшийся, как он

отрекомендовался, паблик рилейшнз — связями с общественностью. Впервые услышал тогда Виктор Александрович этот американский термин. Разговор шел, как вспоминал он много лет спустя, «обо всем и ни о чем». Видимо, Яхонтов, испытавший внезапное крушение надежд, отнесся к этому ленчу как к ненужному проявлению вежливости с американской стороны. А полковник Смайли в этой беседе уточнял некоторые детали досье на Яхонтова...

Неудачно складывались в Вашингтоне и контакты с русскими. Борис Александрович Бахметьев был назначен на пост посла в США при Временном правительстве. До того он был профессором гидравлики в Петроградском политехническом институте, считался человеком весьма либеральных убеждений. Яхонтову показалось, что он сумеет склонить дипломата-новичка к идее принципиального отказа от интервенции. Но наивным оказался он сам. Поддакивая Яхонтову, Бахметьев в то самое время планировал — не без подсказки со стороны госдепартамента — организовать в Вашингтоне секретную конференцию оказавшихся за рубежом русских политических деятелей. Яхонтов сильно ошибался: недавний профессор гидравлики уже вошел во вкус политиканства. Ему интересно было послушать непосредственного очевидца октябрьского переворота, но рассуждения генерала о том, что русские дела следует решать только русским, профессор считал сентиментальной чепухой. Какими угодно варягами: кайзером, микадо, а еще лучше — сапогом демократической Америки, но большевизм должен быть раздавлен! Ну, и конечно, срабатывала старомодная вежливость, которую Виктор Александрович принял за колебания.

Иное дело Сукин. Этот американизированный молодой человек в сверхмодных очках необычно большого размера не считал нужным дипломатически поглаживать по головке собеседника. Сукин был нескрываемо одержим идеей интервенции в свою страну.

Через несколько дней Виктор Александрович покинул американскую столицу, съездил в Сан-Франциско за семьей и перевез ее в Нью-Йорк. Милейший Михаил Михайлович Устинов помог найти квартиру на Риверсайд-драйв, набережной реки Гудзон.

— Мне нравится, — сказала Мальвина Витольдовна, — в сумерках мы будем воображать, что это Нева.

— Ничего, дорогая, потерпи немного, — Яхонтов положил жене руки на плечи. — Когда все кончится, мы еще заведем квартиру с видом на настоящую Неву.

— Когда, Виктор?

— Я не верю тому, что сегодня сообщила «Таймс» («Нью-Йорк таймс» снова преподнесла сенсацию: большевики сожгли Москву и возмущенные москвичи сбросили их власть), но ведь не может же это длиться вечно.

— Не вечна и наша жизнь...

— Мы будем жить долго и счастливо. Я тебе обещаю.

Сибирская авантюра

Воистину фарсом выглядит повторение исторических событий. Таким фарсом было учреждение 8 сентября 1918 года в Уфе «Всероссийской» антисоветской власти. Это было балаганным повторением 7 октября 1917 года, когда, напомним, в Петрограде открылся Предпарламент. Изменились декорации — уже не великолепный Таврический дворец, а провинциальная «Сибирская гостиница» в заштатном городке. Но главные куклы спектакля были точно те же. «Бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская произнесла краткую, но прочувствованную вступительную речь и передала председательское место все тому же Н. Д. Авксентьеву. Ровно одиннадцать месяцев прошло со дня рождения давно уже покойной петроградской «говорильни». Как уже давно подметили газетные остряки, «бабушка русской революции очень невзлюбила свою внучку». Авксентьев успел посидеть в Петропавловке, откуда его великодушно отпустила Советская власть под честное слово не заниматься контрреволюцией. В тюрьме, свидетельствовали сидевшие с ним антисоветские деятели, Авксентьев проявил себя неунывающим рубахой-парнем: всех веселил, пел куплеты, рассказывал еврейские и армянские анекдоты.

В Уфе Авксентьев становился главным героем еще одного ныне забытого исторического анекдота. Но в отличие от анекдотов, рассказываемых на пикниках и в тюремных камерах, анекдоты исторические хоть и смешны, но нередко и страшны, ибо льется в них не бутафорская, а настоящая человеческая кровь. Директория во главе с Авксентьевым, сформированная в сентябре 1918 года в Уфе, была результатом сложнейшей игры закулисных антисоветских сил — от черносотенцев до меньшевиков. Всех их объединяла ненависть к большевизму. Разумеется, в газетах, не считая советских, об этом не писали. Писали о другом:

о том, что в измученной России наконец-то вспыхнул маяк надежды на демократическое разрешение кризиса;

о том, что в Уфе собрались истинные демократы, в том числе многие члены разогнанного большевиками Учредительного собрания, то есть народные избранники;

о том, что уфимская Директория — это не ярая контрреволюция действующей на юге Добровольческой армии и не экстремизм большевиков, а искомая золотая середина;

о том, что Директорию составили люди безупречной политической репутации, известные борцы за подлинную демократию во главе с самим Н. Д. Авксентьевым;

и наконец, о том, что авторитет Директории растёт в стране не по дням, а по часам, что, подобно магниту, уфимская Всероссийская власть притягивает к себе все здоровые политические силы; поддерживает ее и взбунтовавшийся на железных дорогах России чехословацкий корпус, и Сибирское правительство, и даже монархист, глава Оренбургского правительства А. И. Дутов и — внимание, господа! — говорят, что Директорию вот-вот признают союзники: Англия, Франция, США...

Ну разве этого было мало прекраснодушным российским либералам? Виктору Александровичу Яхонтову во всяком случае этого оказалось вполне достаточно, и, оставив жену и дочь в Нью-Йорке, он сломя голову бросился в Россию. Пока он пересекал Американский континент и Тихий океан, а затем и Японское море, прошло немало времени. В долгом пути, глядя на океанские волны, Яхонтов неотступно думал о России. Он боялся опоздать, нет, не для того, чтобы занять какую-то должность, не отхватить что-либо себе лично, нет, он боялся опоздать к началу нового поворота внутрироссийского конфликта. Яхонтов боялся, что после падения Москвы и ликвидации большевистского режима демократия, то есть уфимская Директория, может подвергнуться удару справа. Офицерский корпус Добровольческой армии, обозленный большевистскими перехлестами революции, может выплеснуть с водой и ребенка. Вряд ли, рассуждал Яхонтов, в чисто военном смысле хрупкая российская демократия справится с вооруженной монархической контрреволюцией. Иными словами, он опасался, как бы генерал Алексеев не свалил Авксентьева, благоразумно выждав, пока Авксентьев свалит Ленина.

Иные политические комбинации видел для России старый знакомый Яхонтова, плывший тем же рейсом. Это

был французский генерал Жаннен. Когда-то он состоял при ставке покойного царя, и там, в Могилеве, Яхонтов с ним и встретился впервые. Сейчас Жаннен плыл во Владивосток, чтобы принять командование над чехословацким корпусом. По его мнению, «революционный абсурд» в России следовало срочно привести к концу. Генерал Жаннен считал, что власть в стране должна оказаться в крепких руках. Интервент из Французской Республики полагал, что наилучшим российским Наполеоном мог бы стать знаменитый террорист Борис Савинков, который уже показал себя зрелым государственным мужем, побывав министром во Временном правительстве, и теперь активно борется с большевиками. Яхонтов не спорил с французом. Он лишь отметил, что генерал Жаннен не испытывает никакой неловкости, рассуждая о методах наведения порядка в России. Впрочем, чего удивляться, если многие русские — взять какого-нибудь Сукина или того же Крупенского, не говоря уж о нью-йоркских офицерах из «Флатайрона», — готовы призвать на родную землю любых «варягов», лишь бы избавиться от большевиков. Так что Яхонтов вынужден был признать, что бесцеремонность Жаннена в разговорах с ним психологически оправданна.

И вот в середине октября 1918 года Яхонтов снова ступил на русскую землю во Владивостоке. Оказалось, что он ничуть не опоздал. Деникин (он возглавил Добровольческую армию после недавней смерти Алексеева) еще не выступил против Авксентьева, ибо Авксентьев еще не свалил Ленина. Вопреки всей логике, вопреки расчетам всех стратегов, политиков и аналитиков, вопреки анафемам всех пророков большевики еще держались. Более того — они теснили Авксентьева. И Директория была уже не уфимской, а омской. Хитрый Ленин воспользовался Брестским миром и повернул все силы против угрозы с Востока.

Вскоре по приезде Яхонтов встретил генерала Флуга, под чьим началом когда-то служил. Флуг представил его генералу Иванову-Ринову, военному министру Омского правительства. Министр напрямик спросил Яхонтова, какого рода положение он бы предпочел. Виктор Александрович ответил уклончиво, мол, я бы хотел иметь время самому во всем разобраться.

Не странно ли? Казалось бы, Яхонтов должен скорее поспешать на Запад, туда, где решаются судьбы отечества. Какой прок ему сидеть в тыловом Владивостоке, под охраной японских и американских войск? В принципе ка-

кая разница между пребыванием здесь и в Нью-Йорке. Но это в принципе. А в реальности «вид на Россию» открывался отсюда совсем иной. Здесь, во Владивостоке, понятие «правительство» вовсе не было четким и однозначным. Было правительство генерала Хорвата, управляющего КВЖД, — он претендовал на власть над всей Россией или во всяком случае над всей Сибирью. Было Сибирское (во Владивостоке) правительство Лаврова и Дербера, правда, совсем недавно вроде бы подчинившееся правительству в Омске (сюда приезжал омский «премьер» Вологодский). В свою очередь, вроде бы Омск подчинился Директории, бежавшей туда из-за Урала. Был еще читинский царек атаман Семенов, который никому не подчинялся, но полностью зависел от японцев. Были и другие атаманы. Причем все власти непрерывно менялись, грызлись, мирились, заключали вечные союзы и втыкали друг другу ножи в спину. Не совсем ясно было, министром какого правительства считался Иванов-Ринов, которому Яхонтов представлялся по прибытии. Дело в том, что этот пост в Омске занял не кто иной, как вице-адмирал Колчак. Он, оказывается, не попал ни в какую Месопотамию, так и остался на Дальнем Востоке и имел дела главным образом с английским генералом Ноксом, которого Яхонтов тоже знал — еще по Петрограду.

Во Владивостоке процветала спекуляция, шныряли русские и китайские уголовники, порядок поддерживался штыками интервентов. Словом, благостные представления Виктора Александровича о золотой середине, о Демократии с большой буквы, воплощенной в Директории, которая, конечно же, доведет дело до Учредительного собрания, столь неделикатно разогнанного большевиками, — все эти почерпнутые из «солидных» газет и рассказов «порядочных» людей представления тускнели с каждым днем.

С каждым днем — это ощущалось буквально физически — политическая атмосфера становилась все более правой. Яхонтов не выдержал и, хотя он был пока еще частным лицом, написал в Вашингтон военному атташе полковнику Николаеву о положении в этой части России.

Ходят слухи, писал он, что может быть предпринята попытка установить военную диктатуру. В письме была характерная фраза: «Широкие массы не доверяют офицерам». Яхонтова очень волновал вопрос о роли офицерства в переживаемом Россией историческом катаклизме. Во Владивостоке офицеры кутили в ресторанах, и почти

каждая попойка заканчивалась пением «Боже, царя храни». Боже царя не уберег, ради чего готовились к бою эти офицеры? За Демократию с большой буквы, воплощенную в Директории? Что-то непохоже, Виктор Александрович.

Сибирская авантюра

(продолжение)

«Широкие массы не доверяют офицерам», — писал Яхонтов. Не погорячился ли он, не слишком ли был категоричен? Нет. Однажды Яхонтов просто так, чтобы убить время, пошел в театр. Пошел и не пожалел. В зале было много военных. Многих он знал.

— Пойдемте, я вас познакомлю с весьма известными лицами, — шепнул Виктору Александровичу знакомый полковник. Он указал глазами на двух молодых офицеров, которые явно пользовались здесь популярностью, судя по тому, как они раскланивались налево и направо.

— Кто это?

— Наши brave атаманы — Семенов и Калмыков.

От знакомства Виктор Александрович уклонился. Но, видя, как сердечно приветствуют офицеры этих двух бандитов, он встревожился. И ведь здесь, в зале, не могло быть человека, кто бы не знал о зверствах того и другого. Неужели ради общей борьбы с большевиками можно подать руку Семенову? Что с тобой, офицерская честь? Впрочем, люди в штатском не лучше. На том же спектакле Яхонтов увидел еще одну символическую сцену. Перед каким-то иностранцем угодливо изгибался молодой человек в больших очках, показавшийся Яхонтову знакомым. Где же он его видел? Ах, да, Вашингтон, посольство, господин Сукин, ярый сторонник американской интервенции. Оказалось, что сей молодой человек уже перебрался в Омск, занимает высокий пост в тамошнем министерстве иностранных дел. Яхонтов поймал себя на мысли, что ему очень не хочется, чтобы Сукин въезжал в Москву на белом коне... Интересно узнать, перед кем так лебезил Сукин. Оказалось, что это советник Омского правительства по транспорту американец мистер Стивенс. Да, да, тот самый Стивенс, который, как рассказывал Яхонтову в прошлом году попутчик-американец, сделал колоссальные деньги на строительстве Панамского канала, а потом был советником у министра путей сообщения Временного правительства — как бишь его? — у Ливеровского. Видно, большевики отказались от

услуг мистера Стивенса или он сам не захотел с ними сотрудничать. Но, как уже знал Яхонтов, Стивенс фактически командовал Транссибирской магистралью от Владивостока до Байкала (правда, не единолично, а на паях с японцами). А от Байкала и до... до ближайших большевиков магистраль держали в своих цепких руках чехи под командованием французского генерала Жаннена. Вот они, варяги. И вот те, кто их призвал. Разве он, Яхонтов, не с теми, кто звал варягов? На прошлой неделе он завтракал у английского консула, вчера он был «с визитом вежливости» у американского генерала Грейвса — того самого, кто предлагал ему, генералу Яхонтову, начать карьеру с чина рядового солдата. Виктор Александрович так и не заметил, какой спектакль давал в тот вечер владивостокский театр. Время шло, а он еще не определился. А ведь прошел целый месяц, как он вернулся на Родину.

Назавтра он получил письмо от своего старого знакомого генерала Будберга. Покинув Японию, барон перебрался в Маньчжурию, в Харбин, где он предпочел жить, как он выразился, «в более нейтральном месте под просвещенным правлением генерала Хорвата». Но связи с российскими кругами Будберг поддерживал очень тесные. Он вел переписку и с генералом Флугом, которого хорошо знал. Флуг стал командующим Дальневосточным военным округом, и Будберг рекомендовал ему пригласить Яхонтова начальником штаба. Виктор Александрович уже склонялся к тому, чтобы поступить в конце концов на службу, тем более речь шла о вполне достойной должности, но события заставили его резко переменить свои планы.

18 ноября 1918 года в Омске произошел государственный переворот — Директория была низложена, и Колчак, произведенный в полные адмиралы, стал военным диктатором, провозгласив себя верховным правителем России. Авксентьев и другие члены хилой Директории были схвачены и поставлены перед выбором — либо тюрьма («со всеми возможными последствиями», как выразился проводивший «акцию» офицер), либо высылка за границу. Естественно, «директоры» предпочли второе, и их через Китай переправили во Францию. Ни для кого не было секретом, что за спиной Колчака стояла Англия. Правда, пошел в ход несколько неожиданный образ «Колчак — русский Вашингтон». Американцы не возражали, не возражали и японцы. Один за другим признавали верховенство Колчака упрямые дальневосточные генералы, и первый из них Иванов-Ринов. Уперся только атаман

Семенов, который по-прежнему, кроме японцев, не признавал никого.

Но в этих подробностях Яхонтов разбирался уже позднее. Ни минуты не колебался он тогда и служить диктатору не захотел. Виктор Александрович действовал в те дни решительно. Он пошел к губернатору, попросил обменять свой дипломатический паспорт на обычный и одновременно разрешения покинуть страну. Ему не препятствовали. Теперь надо было получить разрешение японцев ступить на их землю. Но и здесь Яхонтову повезло — во Владивостоке находился один хорошо знакомый ему японский полковник, который оказался весьма любезным. И Яхонтов отплыл в Японию. Уже на борту он узнал, что в Компьенском лесу под Парижем подписано перемирие и тем самым положен конец мировой войне, которую тогда никто не называл первой, так как никто не думал, что будет и вторая. Одновременно сообщалось, что Советское правительство денонсировало Брестский мир. Иностранцы, окружавшие Яхонтова на борту парохода, ликовали по случаю окончания войны. Он был мрачен — в России говорить о мире еще не приходилось.

А по прибытии в Японию начались сложности, которых Виктор Александрович не предвидел и о которых раньше он, привыкший к привилегированному положению, и понятия не имел. Спустя двадцать лет он так вспоминал об этом:

«Цуруга, где я сошел с корабля ноябрьским утром, была такой же, как и всегда, — а я неоднократно сходил здесь на берег. Но насколько изменилось мое собственное положение! Лишь два года прошло с тех пор, как я прибыл в Японию в качестве военного атташе в посольстве Российской империи и меня по протоколу встречали дипломатические представители. Теперь у меня не было официального статуса. Более того, я был «человеком без страны», без правительства, которое могло бы заступиться за меня. Я теперь был вынужден искать милости любого чиновника, как бы неприязненно он себя ни вел. Быть одиночкой, «просто человеческим существом» звучит весьма красиво, но на практике может оказаться не столь привлекательным в этом мире, где слишком много границ, слишком много ограничений для выходцев из «чуждых» стран и просто иностранцев, слишком много способов дискриминации и слишком много жестокосердных бюрократов, в которых не осталось и следа человечности. Поверьте, это совсем не то, что пылкие сторонники полнейшей

свободы личности захотели бы испытать на себе».

Только сейчас Яхонтов осознал неоднократно слышанную им в старой России поговорку, что человек состоит из трех частей: из тела, души и паспорта. «В Токио я обнаружил,— продолжал дальше Яхонтов в воспоминаниях об этом отрезке своей жизни,— что русская революция уже создала серьезные препятствия для свободы передвижения. Когда в марте я покидал Японию, визы я получал в кратчайший срок, и ставили их мне сами послы. Теперь было иначе. И не только потому, что оставил свой пост и потерял свой статус. Нет, причина была в том, что я был русским».

В этот, первый для него опыт путешествия в качестве обычного пассажира Яхонтов быстро узнал, что его политические взгляды тоже могут стать препятствием. Он вскоре обнаружил, что спор в нью-йоркском Обществе русских офицеров не прошел для него бесследно. Один из его тогдашних оппонентов, связанный с министерством юстиции США, узнал каким-то образом о предстоящем возвращении Яхонтова и попытался этому помешать. Но сохранились еще старые связи, и в конце концов вопрос был решен.

Получив после столь необычных для него хлопот визу, Яхонтов в конце концов взошел на борт японского судна, идущего в Канаду. Оказалось, что тем же рейсом уплывала в Новый Свет окончательно отвергшая свою внучку «бабушка русской революции» Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская. Они много беседовали в долгом пути через Тихий океан.

Естественно, возникал вопрос: почему ветеранка революционного движения уезжает в эмиграцию? Ведь, казалось бы, достигнута главная цель, ради которой эта удивительная женщина, происходившая если не из знати, то уж во всяком случае не из низов, а вернее, как тогда выражались, из «хорошей фамилии», отдала всю свою жизнь. Ведь тридцать лет провела она на каторге и в тюрьмах, тридцать лет! И вот уничтожено самодержавие, крестьянам отдана помещичья земля. Почему же бросает Родину Брешко-Брешковская?

Она объяснила, что против большевиков потому, что они практикуют насилие. Это показалось Яхонтову удивительным: ведь в его представлении эсеры ассоциировались прежде всего с насильственными действиями, с террористическими актами, с метанием бомб и пистолетными выстрелами. О, да, отвечала его спутница, я признаю

индивидуальный террор, когда опасности подвергается лишь жизнь террориста, который идет на это сознательно, но я против массового террора, к которому прибегают большевики.

Яхонтов был, разумеется, не из тех, кто мог бы аргументированно возразить знаменитой «бабушке». Да и могли бы кто ее переубедить? История полна странных эволюций, в том числе и с революционерами. Брешко-Брешковская уезжала умирать в Америку, а в Россию приехал умирать князь Кропоткин, чьи идеи — и это ему было отлично известно — ничуть не разделял Ленин.

В Ванкувере они расстались. Екатерина Константиновна поехала в США, где у нее были друзья, готовые ее приютить, а Виктор Александрович воспользовался случаем проехать по Канаде.

И вот окончено (окончено ли?) сибирское приключение, и Яхонтов снова дома, где ждут его не дождутся жена и дочь. Да, пока это его дом, здесь, на Риверсайд-драйв, на берегу Гудзона, который, как утешает его Мальвина Витольдовна, в сумерках похож на Неву. Совсем недавно он уезжал отсюда, и его путеводной звездой была уфимская Директория. Кто ее теперь вспоминает — в декабре 1918 года? Но все равно Яхонтов настроен оптимистично, жить им здесь недолго.

Аккуратная Мальвина Витольдовна сложила для мужа все номера местных газет за время его отсутствия. Забавно было посмотреть информацию о России. Несколько раз — о падении Петрограда, Москвы, почти ежедневно предсказания о скорой гибели большевизма. Рядом все чаще и чаще тревога по поводу того, что, напротив, большевизм не только не исчезает, но и имеет склонность к распространению. Все это сопровождалось дикой руганью и такими «красочными» деталями, что мало-мальски знакомый с русской жизнью читатель должен был бы подвергнуть сомнению всю статью. А вот одна коротенькая заметка поразила Яхонтова. 7 ноября исполнился год большевистскому режиму. В Москве по этому поводу состоялся военный парад. А ведь Яхонтов был в это время в России, но никто в его владивостокском окружении не вспомнил об этой печальной дате. Конечно, никаких шансов провести парад 7 ноября следующего, 1919 года у большевиков нет, это ясно. Но как бы не устроили там скоро парад соединившиеся в Москве англичане да французы с Запада и американцы да японцы — с Востока. Что лучше, Виктор Александрович? Вернее — что хуже?

Несколько слов о сенсациях

Дотошный читатель этой хроники, возможно, и отметил, что опущено было одно событие того времени, мимо которого не мог пройти Виктор Александрович Яхонтов. Это событие — казнь бывшего царя Николая II и его семьи. Известие об этом, с быстротой молнии облетевшее мир в июле 1918 года, произвело, конечно, колоссальное впечатление. Семью Яхонтовых оно застало на прогулке по центру Нью-Йорка, по фешенебельной Парк-авеню. Они как раз говорили о том, что живавшему в Петербурге или Москве человеку это название должно казаться комичным. Узенькую полоску зелени посреди улицы, застроенной каменными громадами (а тогда перспективу авеню еще не замыкал, как сейчас, небоскреб «Пан-Америкен»), вряд ли в России и бульварчиком бы назвали. А здесь звучит так торжественно: Парк-авеню.

И тут раздался крик мальчишки-газетчика: «Экстренный выпуск! Сенсация! Убийство русского царя». Схватили газету и на первой полосе в траурной рамке увидели портрет Николая. Мальвина Витольдовна лишилась чувств, Виктор Александрович успел подхватить ее и положил на скамейку. Молодая парочка любезно уступила место. Яхонтов побежал в ближайшую аптеку, забылся, стал говорить по-русски, его никак не могли понять, словом... словом, это действительно воспринималось как нечто чудовищное, невероятное, не укладывающееся в сознании. Яхонтов несколько раз видел Николая. Пожимал его руку. Обедал с ним. Вступая на военную службу, присягал ему на верность.

Читатель уже знает, что Яхонтов не был монархистом по партийной принадлежности, но... все-таки царь — это царь. Это не любой другой человек, это царь из династии Романовых, которая худо-бедно, а три столетия возглавляла Россию. В кругах, близких к «верхам», когда Яхонтов был товарищем министра, многие, и Виктор Александрович в том числе, полагали, что свергнутому царю лучше всего тихо-мирно, с семьей, уехать в Англию. Буря чувств, которую возбудила в Яхонтове весть о казни царя, понятна. Исторически понятна реакция на эту новость со стороны не только высших офицеров бывшей императорской армии или бежавших в эмиграцию, как мы привыкли говорить, помещиков и капиталистов. Понятна реакция и простых, малограмотных мужиков, наших дедов и прадедов, которые, конечно же, далеко не

единодушно сделали правильные выводы из этого события.

Но речь не об этом, а о том, что слезы по Николаю Кротову стала проливать — и проливает, заметим, до сих пор! — вся антисоветская рать. Стенали безупречные французские республиканцы в том самом Париже, где казнили Людовика и Марию-Антуанетту. Рыдали польские паны, которые всю историю Романовых боролись с ними. Скорбели белофинны, только-только без всяких осложнений получившие государственную независимость из рук Ленина. Утирали слезы американские бизнесмены — евреи из Одессы, которых еще не так давно таскали за пейсы царские городовые и погромщики из черной сотни, к которой благоволил последний из Романовых.

Но вот что любопытно. Почти не было и нет проклятий или даже возражений по поводу самого свержения Романовых, уничтожения самодержавия в России. Когда это событие произошло, оно было встречено относительно спокойно, и «бури возмущения», как по поводу казни Романовых, не было. Так что же, в основе неистовой всемирной шумихи лежало сострадание к казненным? Так сказать, гуманность? Мол, политика политикой, а людей все равно жалко?

Не будем спешить с ответом. В том же столь богатом событиями 1918 году имела место среди прочих еще одна сенсация — разгон Учредительного собрания. Это тоже до сих пор один из самых любимых коньков антисоветской пропаганды, чувствительная история о том, как злые большевики ликвидировали «учредилку», которая якобы знаменовала собой начало так и не состоявшегося русского парламентаризма и т. д. и т. п. При этом как-то незаметно обходится тема личной судьбы «несчастливых парламентариев». А ведь большевики и пальцем их не тронули.

Часть учредиловцев рассеялась, но часть не пожелала признать свое поражение и сложить политическое оружие. Эта часть весной 1918 года собралась в Самаре, где образовала Комуч (Комитет членов Учредительного собрания). Это была «власть» антибольшевистской направленности, и потому ее до поры до времени терпели явно правые.

Логика антисоветчины повлекла комучевцев на Восток. Они поддержали Директорию, ну а затем Колчак посадил «гнилых демократов» за решетку. В ночь с 22 на 23 декабря 1918 года из Омской тюрьмы офицеры группами забирали учредиловцев и убивали их — саблями, штыка-

ми, выстрелами в упор из пистолета. Трупы сбрасывали в прорубь, в «республику Иртыш». Так обычно острили, расправляясь со своими жертвами, колчаковцы.

И — не последовало никакой сенсации. Не возмущались потомственные французские республиканцы, помалкивала русская эмиграция, бдительно следившая за всеми реальными и вымышленными преступлениями большевиков, не служили по убиенным заупокойных служб ни православные попы, ни ксендзы, ни раввины, хотя среди учредиловцев были приверженцы разных религий, не заходились в истерике газеты «великой заокеанской демократии». Не пишут об этом и по сей день авторы популярных и «очень популярных» книг по истории русской революции.

Что ж за парадокс такой? Свержение царя — шума нет, зато казнь — страшный шум. А с «учредилкой» как раз наоборот: ее политическая кончина вызвала страшный шум, а казнь ее членов — нет. Да, очень легко обнаружить, что не гуманизм и не христианское сострадание к тем или иным лицам, а четкий политический расчет лежит в основе сенсации, организуемой так называемым «общественным мнением», а проще говоря — буржуазной, антисоветской пропагандой.

Что касается Яхонтова, то понимать принципы действия этого механизма он стал гораздо позднее, а тогда, в 1918-м, он еще был среди тех, кем так искусно манипулируют закулисные организаторы сенсаций.

Жить без отчества

Михаил Михайлович Устинов, хотя уже давно официально отстраненный народным комиссаром Чичериным от должности, все еще для «всего Нью-Йорка» был российским генеральным консулом. Он не собирался менять привычный образ жизни из-за каких-то забавных телеграмм этих странных комиссаров. Впрочем, Михаил Михайлович, человек состоятельный, давно переведший капиталы на Запад, и не зависел ни от Петрограда, ни от Москвы. Собственно, ничего бы не изменилось в его жизни, если бы он и сложил с себя обязанности генерального консула. Но, боже мой, зачем это делать? В угоду каким-то большевикам? Сегодня Михаил Михайлович пригласил в свой элитарный нью-йоркский клуб нескольких друзей (и нужных людей), чтобы угостить их обедом и любопытным человеком. Генерал Виктор Яхонтов (именно

так — просто Виктор, без отчества, в Америке приучайся жить без него) — министр в кабинете Керенского, только что из России. Яхонтову еще было непривычно обращение по имени, даже не мистер Устинов, а просто Майкл. После обеда перешли в уютную гостиную, и здесь-то за кофе и развернулся по-настоящему разговор.

Все по разным причинам проявляли живой интерес к делам в России. Русских интересовало, когда закончится смута и можно будет снова наведаться в свои петербургские, московские, киевские особняки, поохотиться в своих тверских, смоленских или нижегородских имениях, — публика была вся из таких слоев. Американцев интересовало, что будет с их собственностью в России, с акциями российских предприятий, что слышно о фантастически масштабных и соответственно выгодных концессиях, которые обещало Временное правительство (а значит, и Виктор или генерал — Яхонтова называли и так, и так). Ну, а молодого человека по имени Билл интересовал адмирал Колчак — завтра он срочно отправлялся на должность представителя США при ставке верховного правителя России. Виктор Александрович не уловил фамилию Билла, но потом, увидев его портрет в газетах, сразу вспомнил — у него была хорошая зрительная память. Портрет же Билла появлялся в прессе не один раз в последовавшие за 1919 годом десятилетия.

Билл Донован сделал отличную карьеру. Он был нью-йоркским юристом в штатской ипостаси, а на военной службе дослужился до генерала. Он стал организатором и первым руководителем УСС — Управления стратегических служб — предшественника ЦРУ.

Но до этого еще было далеко зимой 1918/19 года, когда у камина в нью-йоркском клубе молодой Билл, готовясь к поездке в Омск (далее, надо думать, — в Москву), пытался понять, почему Виктор отказался служить у Колчака. Билл добросовестно пытался разобраться в хитросплетении политических сил и партий в этой странной России. С самонадеянностью молодости ему казалось, что задача-то, в общем, нетрудная. Вроде бы в России все, кроме большевиков, стоят за законность и ее основу основ — соблюдение священного права собственности. Но — дерутся между собой, а этим пользуются большевики. Вывод — надо всего лишь объединить все антибольшевистские силы. Ну, а как все же считает этот странный русский генерал? В этот момент как раз один из русских задал ему вопрос:

— Как вы считаете, что нам делать?

Ответ Яхонтова не понравился ни Биллу, ни, судя по всему, никому из присутствующих:

— Надо стараться понять, что происходит на Родине. Надо стараться, чтобы в России проливалось меньше крови. И конечно, надо стремиться к тому, чтобы русские дела решали только русские.

Улыбался, наслаждаясь сигарой, любезный хозяин — Майкл Устинофф. Яхонтов понял, что здесь он понимания не найдет. Меньше всего его занимала реакция Билла. Он и представить себе не мог, что этот человек еще не раз окажет незримое воздействие на его судьбу.

...От клуба было рукой подать до Центрального парка, и Яхонтов решил прогуляться по свежему воздуху, благо, распогодилось. Виктор Александрович медленно шел по аллее, провожая глазами перебежавших дорогу белок, как вдруг его окликнули:

— Ай бег ёр пардон,— сказал с резким акцентом незнакомый рослый человек в костюме и пальто из магазина готового платья и закончил по-русски:— Извиняюсь, вы будете не господин Яхонтов?

— Да, это я,— ответил Виктор Александрович, всматриваясь в незнакомца.

— Ваше благородие! Виктор Александрович! Ну как я рад вас повидать,— буквально взревел встречный, странно поводя рукой, как будто не знал, можно ли протянуть ее для рукопожатия.— Не признаете? Плотников я, Федор Плотников, из вашей роты... Святого Александра Невского полка... Давно, правда... Не помните, провожали мы вас, грамоту, может, вспомните, вам написали...

Яхонтов обнял солдата, чувствуя, как кровь приливает к голове, и боясь, что сейчас заплачет:

— Федя, браток, это ты извини, что не признал сразу,— такой ты стал иностранец.

— Дак уж седьмой год в Америке, ваше благородие...

— Послушай-ка, Федор, мы в Америке, оба штатские, давай без благородия...

— Спасибо, Виктор Александрович. Извиняйте, но спрошу: а вы-то как, со службы, выходит, ушли?

Яхонтов вкратце рассказал свою историю, и Федор необычайно обрадовался:

— Дык хорошо! Выходит, вы не белый, Виктор Александрович, против своих не пошли.

— Против своих, Федор, я ни с кем и никогда не

пойду,— твердо и серьезно сказал Яхонтов.— Давай-ка присядем, и Расскажи мне, братец, про себя.

Путь этого калужского парня в Америку был точно таким же, как и у тысяч его земляков. Вернувшись из армии в родную деревню, он не захотел делиться со старшим братом, которому к тому времени приходилось кормить уже шесть ртов, и подался за океан, где, по рассказам верных людей, земли и работы хватало на всех. Поначалу, конечно, было тяжело, так тяжело, что думалось Федору — все, шабаш, больше не выдержу. К тому же «ходил как глухой» — штрафы, вычеты, ругань, но силушка, упрямство, ну и, конечно, помощь земляков выручили. В конце концов научился и по-английски. Вкалывают здесь так, что чертям тошно, но и заработать можно — вот какую экономическую оценку Америке дал Федор Плотников. В его устах она звучала в общем-то похвалой. Зато «по душевной части», считал он, здесь как у лихих людей на постоялом дворе, куда полиция не заглядывает. Здесь, по словам этого бывшего русского крестьянина, не то что в деревне, где люди себя уважают, здесь каждый норовит всех остальных надуть, обжулить, обмануть, потому как ни у кого ни стыда ни совести.

Яхонтова такая резкость удивила. Он спросил Федора, какие же у него отношения с товарищами по работе. Федор долго втолковывал своему бывшему ротному, что на фабрике у них мужики, в общем, хорошие, только все-то они народ приезжий — «с Ирландии, с Италии, поляков много, ну наши, русские, само собой», а вот мастера и «все начальство» — американцы. Делают хитро, рассказывал Федор, смену и людей к соседним станкам подбирают нарочно из разных наций, чтоб языками не чесали, не теряли времени. Более того — грекам наговаривают на русских, полякам — на итальянцев. Но мы, рабочие, сказал Федор Плотников и сжал кулак, эту буржуйскую тактику разгадали и перед хозяевами выступаем единым фронтом. Все вступили в юнион (слова «профсоюз» по-русски он, видимо, не знал).

Яхонтов слушал внимательно, но большого интереса к особенностям классовой борьбы в США он тогда не испытывал. Его взволновало другое. Поразила Виктора Александровича чудовищная разница в разговорах с соотечественниками, которые волею случая произошли подряд — в клубе на Пятой авеню и в Центральном парке. Поразительное несовпадение, если не противоположность, интересов, языка, системы ценностей. Яхонтов задал своему быв-

шему солдату несколько вопросов о Родине и узнал поразительные вещи. Оказывается, сразу же после большевистского переворота в Россию стали возвращаться многие такие эмигранты, как Федор. Одни говорили: а чего теперь в России не жить, земля теперь наша, и власть наша — рабоче-крестьянская. А другие говорили: коммуния — это хорошо, образовали коммуны — здесь, в Америке, — и ехали. В клубе у любезного Михаила Михайловича Устинова об этом не говорили! Сам Федор Плотников не прочь был бы вернуться, но он уже, по его собственным словам, от крестьянского дела отошел и работает на таких машинах, которых в России еще нет. Ехать, он считал, ему пока рано.

Да, любопытный, очень любопытный получался разговор. Стемнело, и они зашли в ближайшее кафе, где проголодавшийся Федор съел сосисок и выпил пива, а Яхонтов — апельсинового сока. Именно здесь бывший правофланговый нечаянно подбросил своему бывшему ротному одну идею, оказавшуюся весьма плодотворной.

— Жалею вот, что совсем неучен, — вздохнул он. — Ведь вы меня, Виктор Александрович, читать-писать научили. Все беседы ваши помню, и про недра земные, и про древних славян, и про Пушкина. По правде сказать, с тех пор только и выучил, что по-английски балакать.

— Ну, положим, не только, Федя, — поправил его Яхонтов. — Профессия у тебя. Раньше ты, кроме винтовки, никакого механизма не знал, а теперь сам говоришь — на каких-то необыкновенных машинах работаешь. Да и мир повидал... Но ты прав, Федор, прав. Учиться надо, и знаешь, братец, особенно сейчас, когда у нас в России происходят события, которые без учения не понять. Прежде всего — без знания истории, ибо, не зная прошлого, нельзя правильно оценить сегодняшние поступки людей и тем более предвидеть, что будет завтра... Вот что, Федя, позвони-ка мне по телефону.

И Яхонтов дал ему свою визитную карточку. К его полному изумлению, его бывший солдат дал ему свою. У рабочего — визитная карточка! Воистину Америка — страна чудес. На карточке старый знакомец Яхонтова значился как Фред Карпендер.

— Это по-ихнему Федя Плотников, — пояснил Фред. — Полез в кузов — так и называйся груздем.

Долго не мог заснуть в тот день, столь богатый встречами, Виктор Александрович. Вспомнилось ему, как когда-то, молодым офицером, пришел он к своему полковнику с про-

ектом: за время службы всех солдат поголовно выучивать грамоте. Так можно без дополнительных затрат быстро поднять образовательный ценз в империи. Полковник усмехнулся в усы, ласково тронул молодого человека за плечо:

— Голубчик! Армия — не университет.

Потом он подумал, что, останься Федор Плотников на Родине, он, вполне возможно, стал бы большевиком.

Но главное, что он вынес из сегодняшних разговоров, это было чисто практическое решение: нужно учить этих Плотниковых. Да, да, учить их здесь, в Америке, как когда-то он учил их в полку.

Идеей заняться просвещением трудовой русской эмиграции Яхонтов поделился с несколькими знакомыми интеллигентами, и многие горячо откликнулись на этот призыв. Среди них был авторитетный профессор Йельского университета Петрункевич. Составили программу, распределили обязанности, придумали название для этого учебного заведения. В дореволюционные годы, устраивая подобного рода предприятия, петербургская меценатка графиня Панина назвала его народным университетом. Вспоминая о своем нью-йоркском детище, Яхонтов говорил, что это, в сущности, была школа ликбеза. Но в те времена это слово ему еще не было знакомо. Да и надо было польстить самолюбию взрослых учеников. Потому назвали «Русский академический институт». Яхонтов исполнял в нем обязанности декана и читал лекции по русской истории. Потом он их собрал и издал отдельной книжечкой, так и назвав «Беседы по русской истории». Через два года «Русский академический институт» распался из-за политических расхождений среди преподавателей. Яхонтова к тому времени уже не было в Нью-Йорке. Но это потом, а пока, в 1919-м, Виктор Александрович с жаром отдавался просветительской работе.

Несколько слов о пользе ликбеза

Ни Яхонтов, ни Петрункевич, никто из лекторов «Русского академического института» не мог предвидеть, что старая западная русофобия, которой не в последнюю очередь болела и Америка, соединившись с ненавистью к большевизму, а значит, и к его колыбели, к стране, где он возник, даст очень скоро чудовищный и уродливый приплод — целую рать советологов, кремленологов, всяческих

«экспертов» по русским и советским делам. Для того чтобы объяснить, как ненавистный большевизм мог утвердиться в России, легион ученых мерзавцев занялся — и до сих пор занимается — тем, что клеветает на нашу страну. Отнюдь не с 7 ноября 1917 года мажут эти мерзавцы дегтем нашу историю. Они мажут ее с самого начала, причем начало каждый из них волен у себя на свободном Западе придумать каким угодно. Одни в отцы и деды записывают нам верующих в бога Одина и валькирий полудиких германцев с севера Европы, другие — не менее диких иудеев-хазар с ее юга, третьи так даже и китайцев. Но все единодушны в том, что история России есть непрерывная цепь заимствований со всех концов света за полным отсутствием своего. Все единодушны в том, что Россия ничего не дала миру, что русским нечем и нечем гордиться. Русская дикость, мрак, невежество, грязь и погромы — вот из каких кирпичей складывали архитекторы ненависти постамент для жуткого чучела — фигуры русского большевика. Его не в переносном, а в прямом смысле рисовали тогда с ножом в зубах, да и сейчас рисуют. И кирпичи в постаменте для антисоветского пугала те же.

А что же было в 1919-м? Ведь не случайно шустрый калужанин Федор Плотников сменил свое имя на Фред Карпентер. Дело-то было не только и не столько в трудном произношении его фамилии. Быть русским означало быть подозрительным, если не опасным. И плюс еще диким. Из песни слова не выкинешь. Кое-кто «уходил из русских», стыдясь своего происхождения или боясь его последствий. Комплекс национальной неполноценности — страшная вещь.

Лекции в нью-йоркском ликбезе были профилактическим лекарством от этой болезни. Подавляющее большинство его учеников, думая о Родине, вспоминали только родную деревню. Здесь они узнавали о татарском нашествии, о Смутном времени, о реформах царя Петра, об Александре Невском и Дмитрии Донском, о Ермаке и о том, что когда-то Аляска принадлежала России, о Ломоносове и о декабристах. Здесь усталых после смены рабочих, которые не ходили ни в оперу, ни в симфонические концерты, учили обращать внимание на афиши и замечать, что там очень часто встречаются русские фамилии — Чайковский, Мусоргский, Бородин, Римский-Корсаков, Рахманинов. Надо было дать ученикам сознание того, что они, русские, не лыком шиты. Многим из русских американцев это помогло, вернее сказать — помогало в течение всей жизни.

В многонациональном Нью-Йорке, где, с одной стороны, сплавлениясь из разнообразных элементов американская нация, а с другой — и по сей день сохраняются китайские, итальянские, немецкие и прочие кварталы, национальное самосознание имеет огромное значение. Если сын жаловался, что его в школе дразнят из-за того, что он русский (итальянец, поляк, венгр, японец), то многое в его дальнейшей судьбе зависело от того, сумеет ли отец научить его не стыдиться своих дедов, напротив — гордиться ими самому и заставить других уважать их. Никто ведь не знал тогда, что русских американцев ждут еще тяжкие испытания на этом пути. Еще будут смеяться над тем, что темная Россия решила, видите ли, провести электрификацию. Еще будут улюлюкать, услышав о дерзком пятилетнем плане. Еще будут предвкушать скорый конец России, когда обрушит на нее страшный удар непобедимый германский фюрер... История распорядилась так, что очень полезными оказались те уроки, на которых учили земляков высоко нести честь и достоинство русского имени Яхонтов и другие энтузиасты.

История историей, о ней слушали с интересом, а вот как понять, что делается в России сегодня? И даже те, кто уверенно рассказывали о Периодической системе Менделеева и о Бородинском сражении, терялись и путались. И Петрункевич, и Яхонтов, и все остальные. Почтенные учителя пред грозным ликом живой Истории сами оказались несмышлениками. И трижды ученый военный спец никак не мог понять, почему голодные и плохо вооруженные красные бойцы под командованием вахмистров и прапорщиков обращают в бегство кадровых офицеров, составляющих офицерские полки, которыми командуют опытейшие генералы. Мучительно пытался понять это Яхонтов. И невероятно тяжек и сложен был путь, которым он пытался дойти до истины в том незабываемом девятнадцатом.

Парадоксы — 1919-й

Просвещение земляков занимало не так уж много времени, и Яхонтова томило бездействие. Притом не надо упускать из вида, что тогда он ничуть не сомневался, что он лишь временно, в силу ряда обстоятельств, находится за границей и что не завтра, так послезавтра вернется на Родину. Но раз уж так пока — пока! — складывается,

не надо сидеть сложа руки. Уроки русской истории — хорошо, но они, в сущности, так редки! И когда ему предложили сделать для русской аудитории доклад на тему «Русское офицерство в связи с развитием русской общест-венности», он с радостью согласился. Впоследствии он с удивлением вспоминал, что слушатели «прогрессивного толка» тепло приняли его, и «левые» газеты хорошо ото-звались о докладе, но вот одно «радикальное» издание ус-мотрело в его выступлении призыв к тому, чтобы судьбу России решил «генерал на белом коне». Возможно, конеч-но, что тот корреспондент слушал вполуха и не все понял, но главное, видимо, в другом. Тогда у самого Яхонтова были еще, мягко говоря, сумбурные, неясные и во многом наивные представления и о русском офицерстве, и о Рос-сии вообще. Просвещая малограмотных земляков, он сам еще не прошел своего ликбеза.

Ранней весной 1919 года Виктор Александрович опубликовал серию статей об истории и судьбах Родины под общим заголовком «Вековой разлад». Опубликовала их начавшая выходить в Нью-Йорке на русском языке газета «Русское слово». Тогда это было издание либерального направления; но вскоре оно было куплено сионистами, добавило к названию слово «новое» и стало совсем дру-гим — антисоветским и антирусским. С ним еще предстоя-ло повоевать Яхонтову («Новое русское слово» выходит и поныне), но весной 1919 года именно в «Русское слово» он отнес свои статьи. Спустя два десятилетия Яхонтов так изложил их суть:

«Главная мысль заключалась в том, что пропасть, раз-делившая высшие классы России и ее простой народ, воз-никла оттого, что долгое время отрицалась необходимость его просвещения. В результате, писал я, возникла так называемая интеллигенция, большинство которой, получив образование, потеряло контакт с народом в целом. Интел-лигенты говорили на другом языке, исповедовали идеи, чуждые широким массам, стремились к другим целям. Взаимопонимание сделалось трудным, и родилась подо-зрительность. Из подозрительности выросла враждеб-ность. Две революции, через которые прошла Россия, ясно это продемонстрировали, и настало самое время исправ-лять трагическое положение».

Все, как видите, просто — разошлись фрак и армяк. Излишне искать в этих статьях что-то о системе земле-владения, об экономической эксплуатации и политическом произволе, о развитии капитализма в России и засилье ино-

странного капитала, о народничестве и рабочем движении... Но не для того приведена здесь эта цитата, чтобы указать на политическую наивность Яхонтова в далеком девятнадцатом году. Такая «концепция» русской истории отражала представления значительной (и не худшей!) части эмиграции об истоках всего происходившего в России. Ведь с первого дня революции начались и попытки понять ее. А раз так — начались и споры о ней. Страшным ожесточением отличались эмигрантские споры. Малейшая разница в оценках даже отдельных явлений, не говоря уж об отношении к революции в целом, приводила к резким, а то и грубым ссорам, навеки разводящим старых друзей, к драмам и трагедиям, в том числе и к убийствам. О дикой грызне в белоэмиграции с тревогой и сожалением говорили ее лидеры, тщетно пытавшиеся объединить вчерашних россиян под каким-либо знаменем. С изумлением наблюдали иностранцы, как непрерывно дерутся между собой эти странные русские.

Поначалу Яхонтов не столько сознательно, сколько инстинктивно старался держаться подальше от эмигрантских свар. Но поскольку сам Виктор Александрович был частью эмиграции, полностью отрешиться от воздействия этой среды он не мог. К тому же он начал писать — а в эмиграции ревностно следили за всеми русскими газетами.

Если «Вековой разлад» хоть и вызвал, как все эмигрантские публикации, немалые споры, но особого шума не произвел, то следующее выступление Яхонтова стало форменным скандалом. Это была статья «Чем сильна армия большевиков», опубликованная 5 июня 1919 года в Нью-Йорке в русской «Народной газете». Ее читали не только в США, но и во Франции, в Болгарии, в Китае, везде, где были белоэмигранты. Естественно, с особым вниманием читали ее офицеры. Дикая волна ненависти поднялась тогда против автора. Сейчас, по прошествии десятилетий, интересно понять почему. Ведь заканчивалась статья, как в общем-то и предыдущие яхонтовские публикации, либерально-христианским призывом прекратить кровопролитие и разжигание ненависти, а вместо того обещать широкую амнистию — даже тем, кто и совершил какие-то преступления «в патологической атмосфере революции». Но на этот благодостный финал никто не обращал внимания. И правильно — смысл статьи был в ином. Яхонтов написал, что Красная Армия сильна потому, что она защищает родную страну от вторжения чужеземцев. Что

она выполняет, таким образом, национальную, патристическую задачу. Опровергал Яхонтов и расхожий в эмиграции миф о том, что в Красной Армии «нет русских», а состоит она из наемных латышей, китайцев, венгров и т. д. Россия — многонациональная страна, указывал Яхонтов, и в ее армии всегда были — в том числе и на высших постах — люди с немецкими, польскими, татарскими, кавказскими фамилиями. Яхонтов писал, что патриотизмом, а не каким-то предательством объясняется все увеличивающийся приток в Красную Армию старых офицеров. Он предполагал, что многие из них вовсе не симпатизируют советскому режиму, но они по долгу воина пошли защищать родную землю от внешнего врага. Сегодняшняя Красная Армия, заключал Виктор Александрович, это просто завтрашняя Русская Армия.

Для белоэмигрантов, особенно для офицеров, это было непереносимо. Выходит, красные — за Россию, а они — против? Негодовали и штатские, ведь из статьи напрашивался политический вывод: если Красная Армия — армия национальная, то национальным следует считать и большевистское правительство! Словом, скандал был полнейший.

Ну, а что же виновник сенсации? Казалось бы, он уже стал на путь, ведущий его к примирению с обновленной Россией. Казалось бы, еще немного — и он, сделав усилие над собой, сбросит шоры, еще мешающие ему увидеть правду жизни, и... Но произошло совершенно обратное. Вскоре после выхода своей нашумевшей статьи Виктор Александрович делает попытку поступить на службу к Колчаку.

Логика — никакой. Ведь он отверг в ноябре восемнадцатого служение диктатору, объявившему себя верховным правителем России! Отверг до того, как Колчак чем-то себя проявил. А сейчас, в июне девятнадцатого, Яхонтов не мог не знать о порядках в «Колчакии».

В чем же дело? Говорят, что человеку труднее всего расстаться с иллюзиями. Так и наш герой в те времена еще верил в сказки буржуазного политиканства, и в частности парламентаризма. С первого дня своего правления Колчак добивался признания со стороны иностранных держав. А те все тянули, парламентами выражаясь, «из-за опасений общественности», а попросту говоря — боясь собственных народов, которые требовали: руки прочь от Советской России!

В начале июня 1919 года Колчаку вручили ноту,

подписанную президентом США В. Вильсоном, английским премьером — Д. Ллойд Джорджем, французским — Ж. Клемансо, итальянским — В. Орландо. Союзники сообщали о готовности официально признать Колчака, если он согласен на ряд условий. Говорилось, разумеется, об Учредительном собрании, о свободах, о независимости Польши и Финляндии и т. д. Твердолобые колчаковцы возмутились таким «вмешательством во внутренние дела» и даже пошумели об этом в омских газетках. Но не из Омска узнавал мир о Колчаке. Его «имидж» делался не в России. На союзников по мере сил нажимало «Русское политическое совещание» в Париже, то есть один из белоэмигрантских центров, где заправляли энес Н. Чайковский, вездесущий Б. Савинков и «посол» (назначенный еще Временным правительством) В. Маклаков. Они же подготовили и «Ответ Колчака», на который тот дал согласие, правда, с некоторыми оговорками — изображал «независимость».

Впрочем, не только изображал, но и в самом деле верил. Давая согласие на публичный «демократический» ответ союзникам, Колчак полагал, что на практике все будет иначе, и неофициально не скрывал от западных представителей своих подлинных намерений. Как-то у него собралось несколько близких генералов и речь зашла о ноте союзников и ответе адмирала.

«— Ну, я им ответил, какой я демократ,— сказал Колчак и засмеялся.— Во-первых, я им ответил, что Учредительное собрание или, вернее, Земский собор я собрать намерен, и намерен безусловно, но лишь тогда, когда вся Россия будет очищена от большевиков и в ней настанет правопорядок, а до этого о всяком словоговорении не может быть и речи. Во-вторых, ответил им, что избранное при Керенском Учредительное собрание за такое не признаю и собраться ему не позволю, а если оно соберется самочинно, то я его разгоню, а тех, кто не будет повиноваться, то и повешу! Наконец, при выборе в настоящее Учредительное собрание пропущу в него лишь государственно здоровые элементы. Вот какой я демократ!— И адмирал снова рассмеялся...»

Это не попытка исторической «реставрации». Это — цитата из воспоминаний генерала М. А. Иностранцева, одного из участников того разговора. Они были опубликованы в 1926 году в берлинском журнале «Белое дело». Яхонтов, прочтя эти откровения, понял, что тогда, в девятнадцатом, им всем просто морочили голову. Потому

что официальный ответ Колчака был совсем иной и союзники выразили полное удовлетворение демократическими перспективами, которые намеревался открыть для России ее «верховный правитель». И Яхонтов заглотнул эту блесну. Да к тому же пришло личное письмо от генерала барона Будберга. Тот не усидел в тихом Харбине и теперь служил у Колчака управляющим военным министерством.

И Виктор Александрович через «русское посольство» в Вашингтоне, то есть через «посла» Бахметьева и своего старого приятеля военного атташе полковника Николаева, послал по всей форме прошение о приеме его на службу. Бумага пошла в Омск, но там она была встречена враждебно, и вот почему.

Управляющий военным министерством Будберг дал наилучшую характеристику просителю, но не все разделили его мнение. Управляющий министерством иностранных дел Сукин мгновенно вспомнил, как в Вашингтоне чудаковатый генерал молот какой-то вздор насчет того, что нечего иностранцам совать нос в русские дела. Исповедовать такие взгляды в колчаковском Омске, резонно посчитал Сукин, было бы просто комично. Со своим мнением он обратился к боссу, каковым (не вслух, естественно) считал американского представителя Билла Донована. Билл со своей феноменальной памятью отлично помнил все, что говорил Яхонтов тогда в клубе. Идеалист, не понимающий азов политики; — таким воспринял русского генерала Билл Донован. Сейчас здесь он был бы ему совсем некстати.

Билл считал, что развитие событий позволит вскоре исправить историческую несправедливость и отторгнуть от Московии захваченную ею Сибирь — богатейший край, который эти русские полудикари не сумели освоить за триста лет и никогда этого не сумеют. Донован тщательно готовился к своей нынешней работе и прочел кучу книг по истории. Он пришел к выводу: правы те специалисты, которые считают, что в интересах США и других цивилизованных государств Россию следует расчленить. Пусть будет маленькая бессильная Эстляндия, какая-нибудь жалкая Белоруссия, варварская Хива, опереточная Козакия. Разумеется, он не высказывал таких идей в беседах с Колчаком и другими русскими. Но про себя он часто мечтал о блестящих перспективах, которые откроются, когда Сибирь будет принадлежать Соединенным Штатам. Билл вспоминал также, как в Нью-Йорке

они беседовали на эту тему с умнейшим, глобально мыслящим человеком — молодым талантливым юристом по имени Джон Фостер Даллес.

Одним словом, в свете тех перспектив, которые открывали для России дальновидные поборники исторической справедливости Donovan и Даллес, русским националистам да еще либерального толка здесь делать было нечего. Нельзя брать Яхонтова на службу. Но Билл недаром считался хорошим работником. Как иностранец — пока иностранец, — он останется за кулисами, а на авансцену, то есть к верховному правителю, за которым будет последнее слово, надо выставить русского. Билл подумал и решил, что это мог бы сделать его новый приятель, молодой полковник с невероятно трудной фамилией Панчулидзе. Тут совершенно кстати оказалось, что тот сам знал Яхонтова и терпеть его не может.

— Он же из синагоги Керенского! — взревел полковник. — Из этой иудо-масонской шайки!

Колчак ненавидел масонов и евреев, в которых он с маниакальной убежденностью видел все зло мира. И на доклад Панчулидзева, что к ним на службу просится иудо-масон из шайки Керенского и Верховского, тип, который сейчас в Америке путается с тамошними красными, верховный правитель ответил раздраженно. Тем более он и сам, чего не знали его приближенные, помнил свой визит к Яхонтову в Токио в прошлом году, отчужденный разговор и практически полное несовпадение взглядов.

После обкатки в канцеляриях ставки и посольства отказ принял более вежливую форму. Яхонтову сообщили, что в принципе против его возвращения на службу возражений нет, но предлагали оскорбительно низкую должность, на которую он согласиться не мог. Этот ответ Виктор Александрович получил в конце сентября 1919 года. Он понял, что омская власть никогда не забудет и не простит ему «служение Керенскому» и пути домой нет.

Но история с попыткой поступить на службу к Колчаку имела для Яхонтова другие весьма долговременные последствия. Полковник Смайли, например, незамедлительно приобщил к досье на Яхонтова всю эту историю. И преемники Смайли, которым в дальнейшем приходилось не единожды всматриваться в политический облик странного русского генерала, каждый раз с удовле-

творением отмечали, что Яхонтов хотел примкнуть к Колчаку.

Ну, а полковник Панчулидзе через три десятка лет по рекомендации Билла Донована стал работником ЦРУ...

Без руля и без ветрил

Паутиной обволакивало Яхонтова сознание своей неприкаянности, ненужности, нравственной неустроенности. Кто он? Не белый (он же ни дня не сражался «за белое дело»), но и не красный. Сторонится эмиграции с ее сварами и дразгами, но и не порывает открыто с прошлым, с Россией, не становится на путь ассимиляции, растворения в Америке. Хотел бы на Родину, но его не пустят туда ни белые, ни, надо полагать, красные. Где, с кем, как и сколько ему еще жить с клеймом «сподвижника Керенского»? Он мучился, маялся, метался, хватался за что попало. Занялся вдруг... проблемами кооперативного движения. Тогда за рубежом еще сохранялись остатки дореволюционных российских организаций, порой имевшие деньги на счетах и потому способные функционировать. Действовали в Америке и старые русские кооператоры. Один из них случайно познакомился с Яхонтовым. Но предоставим слово самому Виктору Александровичу. В этом отрывке из его воспоминаний важны и слова, и сама тональность.

«Это было трудное время для меня. Контрреволюционные эмигранты из России (заметьте — это из книги, изданной в 1939 году в США.— Авт.) имели уши в Вашингтоне. Лучше было держаться подальше от русских и американских официальных кругов. Чтобы убить время, я принял приглашение одного представителя старого русского кооператива присоединиться к нему в поездке на Средний Восток, где он хотел наладить сотрудничество с кооперативным движением в Америке. Мы поехали по зерновым элеваторам Миннесоты, в Мичигане посетили ассоциации производителей картофеля, в Висконсине — объединения сыроделов, в Иллинойсе изучали деятельность фруктовых бирж. Благодаря этому мои мысли на время оказались заняты иными проблемами, нежели революция в России и иностранная интервенция. Но ненадолго».

Да и могли ли фруктовые биржи Иллинойса, несмотря на свою блистательную деловитость и организованность,

отвлечь русского генерала от сообщений с Родины, где ситуация непрерывно менялась, причем вопреки всем прогнозам. Еще раз десять или двадцать сообщила «Нью-Йорк таймс» о крахе большевистского режима. А он, режим, как сжатая до предела пружина, начал распрямляться, как бы повторяя в невероятно ускоренном темпе многовековой процесс образования великого Российского государства. Уже весь центр и север Европейской России были в руках большевиков. Откатывался к югу Деникин. На рождество Красная Армия вышибла его из Ростова. Агонизировала «Колчакия», сам верховный правитель был схвачен и расстрелян. В Одессе восстали французские моряки — они отказывались воевать против большевиков. Уходили англичане, которым так и не удалось захватить Баку. Зря сэр Генри Детердинг, нефтяной король, скупил множество акций бакинских нефтепромыслов у русских капиталистов, «временно» обретавшихся в Париже...

Но война еще далеко не кончилась. В Дальний Восток вцепились японцы, в Крыму сидел Врангель, и наконец, на соединение с ним уже весной двадцатого ринулись, захватив Киев, поляки. Советско-польская война вызвала дикий восторг приунывшей было белоэмиграции. Уже чудилось, как в обозе ясновельможных панов въедут наконец-то в свои особняки и поместья их владельцы, засидевшиеся в Париже и Праге, в Харбине и Софии, в Белграде и Нью-Йорке. Яхонтова поразило, как улюлюкали нью-йоркские беженцы от революции. Как желали победы полякам ярые русские националисты, как молили они бога, чтоб скорее пала Москва под ударами польского войска. Господа, взывал Яхонтов, одумайтесь, о чем вы молитесь! Чего вы хотите? Тушинского вора, Гришки Отрепьева, Марины Мнишек себе в императрицы? Но националистам, монархистам, кадетам, либералам было плевать на исторические параллели, они хотели вернуться в свои особняки и имения. Не лучше вели себя и левые. Да, и левые. Бежавшие за океан «борцы за свободу», за революцию («прекрасный лик которой исказили большевики»), они рвали друг у друга газеты, впивались в строчки — когда же, когда же наконец вразумит Польша сбесившуюся Россию, когда подомнет ее, как быдло, когда можно будет им, либералам и левым, вернуться домой. А беглые офицеры чертили на салфетках в нью-йоркских забегаловках кратчайшие пути, которыми поляки могли бы дойти до Москвы...

И тут сказано было слово, которое услышано было во всем мире. К русским офицерам, «где бы они ни находились», оттуда, из красной Москвы, обратился не кто иной, как авторитетнейший из генералов, величайший из полководцев мировой войны, известный всем своей безупречной честностью Алексей Алексеевич Брусилов. Как будто своими ушами слышал он споры в парижских кафе, как будто сам лично видел эмигрантских стратегов, чертящих тростями стрелы на песочке белградских парков. Стыдитесь, господа, отрекаться от родины и тем более идти против нее, взывал Брусилов. Остановитесь, одумайтесь. Россия спросит с вас за дела ваши. История спросит. Прославленный полководец призывал офицеров идти в Красную Армию.

...Сейчас уже никто не скажет, сколько людей спас Брусилов своим призывом. Многие действительно пошли в Красную Армию. А среди эмигрантов было много таких, которых Брусилов удержал от внутреннего, духовного разрыва с Родиной.

Яхонтов мог считать себя с Брусиловым (перед которым преклонялся) полным единомышленником: ведь он тоже выше всего ставил интересы Отечества, которое они, воины, должны защитить от врагов. Но Брусилов-то на Родине, а его, Яхонтова, мотает черт знает где. Кооперативы сыроделов и картофелеводов... Потом — скучная, ничего не дававшая ни уму ни сердцу служба в убогом издательстве «Оверсиз энтерпрайз». А потом, помимо своей воли, он втянулся в довольно-таки сомнительное предприятие.

Дело было так. Виктору Александровичу позвонил и на чистом русском языке попросил о встрече американец — методистский священник доктор Геккер. Ему попалась книжечка Яхонтова «Беседы по русской истории», и он хотел предложить ее автору работу. Геккер родился в России, где служил его отец, хорошо знал русский.

Во время войны Геккер, ставший одним из секретарей Американской ассоциации христианской молодежи (ИМКА), познакомился в Швейцарии с известным просветителем Рубакиным. Они предприняли благородную акцию — совместно издали несколько книжечек для русских военнопленных. Ассигнованные для этого фонды еще не были исчерпаны, и теперь доктор Геккер задумал выпускать книги для Советской России, которой, полагал он, пока не до книгоиздательства. Звучало все

весьма невинно: политические вопросы исключаются, речь идет о науке, технике, сельском хозяйстве и т. д. ИМКА предлагала Яхонтову стать директором еще не существовавшего издательства и управляющим типографией. В какой стране располагаться — на его усмотрение.

Яхонтов согласился. Выбрал он Чехословакию, где легко найти наборщиков и другой персонал для работы с русскими текстами, дешевле была и пересылка книг. И вот Яхонтов и заместитель генерального секретаря ИМКА мистер Хиббард отправились в Европу.

В Праге все шло гладко. Власти новой республики были не против американской затеи. В профсоюзе печатников Яхонтову сказали, что проблем с персоналом не будет. Были хлопоты с машинами (Виктор Александрович научился сам собирать и разбирать линотипы), с пошлинами, со зданием и т. д. и т. п. — как всегда, когда создается новое предприятие. Потом плыли в Америку завершать некоторые дела. Яхонтовы простились с Нью-Йорком, со всеми новыми друзьями (а с друзьями всегда расставаться грустно), и вот они возвращаются в Старый Свет. Не очень уж долго жили они в Америке, а столько произошло событий! Но все о'кей, как говорят американцы. Теперь они будут жить в Европе, в славянской стране, а главное — делать доброе, полезное дело для Отечества. Но еще не усвоил тогда Яхонтов, что кто платит, тот и заказывает музыку.

Пришлось начать работу совсем не с того, что казалось нужным и важным наивному русскому директору (кстати, оказалось, что директоров-то два; вторым или, вернее, первым был американец мистер Нидергаузен, секретарь ИМКА). Начали с Библии. Об этом договорился сам генеральный секретарь ИМКА мистер Мотт с нью-йоркским митрополитом Платоном. Платон не признал власти московского патриарха и объявил русскую православную церковь в Соединенных Штатах автокефальной. Но идею Мотта издавать священное писание для жителей Совдепии, изнывающих под игом атеистов и евреев, он одобрил. Возражать против Библии Яхонтов, естественно, не стал. Но его надежда на то, что дальше издание книг будет находиться в компетенции его самого и такого просвещенного и почтенного человека, как доктор Геккер, тоже оказалась иллюзией. И снова решали за его спиной.

Скандал возник из-за написанной по заказу доктора

Геккера книги Бирюкова, который был дружен со Львом Николаевичем Толстым. Автор написал, что, доживи до наших дней гениальный писатель, он бы, наверное, поддержал большевиков. Среди белоэмигрантов поднялся шум. Они сообщили «тем, кому следует», о крамоле, выпускаемой на русском языке американским издательством. Яхонтову удалось потом узнать, что особо неистовствовал Борис Бразоль. Этот белоэмигрант, патологический антисемит, издававший в России «Протоколы сионских мудрецов», процветал в Америке, власти к нему благоволили. Яхонтов чувствовал к Бразолю гадливое отвращение... И «откуда следует» поступил приказ — книжку Бирюкова уничтожить. Тираж был сожжен.

Разумеется, это было исключением. А так — линотиписты набирали, печатники печатали, учетчики учитывали продукцию издательства, которая поступала пока на склад. Советская Россия не жаждала читать то, что ей готовили доброхоты из ИМКА. Но те знали, что делали. На Советскую Россию надвигался голод, и «добрые» американские дяди во главе с министром торговли Гербертом Гувером спешили оказать помощь несчастным. При этом в Вашингтоне, где Гардинг сменил Вильсона в президентском кресле, готовили план «Инкуайри». Под прикрытием продовольственной помощи американский империализм хотел обеспечить себе свободу рук внутри Советской России, в том числе и в сфере идеологии. Вот в каком контексте нужно рассматривать организацию пражского издательства. Были, конечно, и по-настоящему, без кавычек добрые американцы. Тот же доктор Геккер поехал в Россию и оказывал страждущим медицинскую помощь. Но, как видим, не он заправлял в ИМКА.

Между тем время шло, рассеивались очередные иллюзии, и Яхонтовы вскоре убедились, что в Европе, даже в славянской ее части, эмигрантское безумие ничуть не менее патологическое, чем в Америке. Причем здесь, в Праге, оно было гораздо заметней, чем в гигантском многоязычном вавилоне Нью-Йорка. В числе рабочих Яхонтов нанял одного русского, с которым когда-то в 10-й армии воевали на фронте. Это был бывший жандарм. Левые из эмигрантов обвинили Виктора Александровича в «сотрудничестве с контрреволюционерами». Но сильнее звучали в его адрес обвинения противоположного рода. В Праге Яхонтов поддерживал хорошие отношения с несколькими эсерами. Однажды, будучи в гостях у своего

старого знакомого, генерала Шокорова, он оказался в компании двух эмигрантских знаменитостей — Брешко-Брешковской и Керенского. С бывшим главой Временного правительства Яхонтов даже сыграл несколько партий в крикет. Любопытно заметить, что это была последняя встреча Виктора Александровича с Александром Федоровичем. Потом они оба долго жили в США (Керенский умер в 1970 году), но никогда не виделись и не стремились к тому. Даже когда Яхонтов бывал в Пало-Альто, штат Калифорния, где Керенский жил и работал в библиотеке Гувера, они не встретились ни разу. Но та встреча на пражской вилле генерала Шокорова дорого обошлась Яхонтову. Это стало широко известным и вызвало бурю негодования со стороны правых. И было ничуть не легче от того, что такому же суду то с одной, то с другой стороны подвергались все эмигранты. Яхонтов физически ощущал, как эмигрантская атмосфера накаляется, насыщается электричеством ненависти, взаимных подозрений, обвинений одних групп другими в том, что именно они прозевали, проворонили, погубили, предали, отдали, выдали, проиграли, проспали, упустили Россию.

Предрассветная тьма

Хотя все грызлись между собой, тем не менее пражская белоэмиграция проявила поразительное единство, когда Мальвина Витольдовна Яхонтова организовала благотворительный концерт в пользу голодающих в России. Не пришел никто. Грустно смотрели в пустой зал Яхонтовы и писатель Е. Н. Чириков, который откликнулся на их просьбу прочитать на концерте что-нибудь из своих произведений. По всему было видно, что бойкот организован, и организован четко.

— Поразительно,— возмущалась Мальвина Витольдовна,— они думают, что совершают политическую акцию против большевиков. Но ведь нет! Они отказываются протянуть кусок хлеба голодающей матери. Да, господа, своей матери — России! Боже мой, что случилось с людьми? Почему так ожесточились их сердца? Из-за революции?

— Революция произошла потому, что ожесточились сердца,— грустно сказал Евгений Николаевич.

Это была основная его мысль тех лет. Чириков выводил исторические потрясения, свидетелем которых он стал,

не из социально-экономических, а из психологических, вернее, психопатологических причин. Скользя по поверхности событий, он считал, что в их основе лежит чрезмерная возбудимость народа, склонность к садизму и т. д. Эти мысли он уже успел изложить в книге «Народ и революция», изданной в Ростове-на-Дону в 1919 году, «при Деникине». Эту книгу с интересом прочел Ленин и размашисто написал на обложке черным карандашом: «Особая полка: «белогвардейская литература». Именно с этого томика началось ленинское собрание белоэмигрантской литературы, которую Владимир Ильич называл зеркалом идейной жизни по ту сторону баррикады. Чириков, умерший в эмиграции в 1932 году, так и не узнал об этом факте, а Яхонтов, прочитав об этом много лет спустя, живо вспомнил несостоявшийся благотворительный концерт в Праге и горькие сетования писателя на пороки человеческой натуры. И еще, подумал тогда Яхонтов, что, несмотря на свой пессимизм и горькие упреки в адрес русских людей, Чириков все же откликнулся на призыв помочь им, тем самым русским людям. А вот либеральные господа, которые распинались на всех эмигрантских перекрестках о своей любви к Отечеству, отказались прийти и отдать всего лишь несколько крон за билет на благотворительный концерт.

В Поволжье тем временем вымирали целые деревни. Виктор Александрович еще не знал, что в то самое время в России умерла от голода его родная сестра. Он многого не знал тогда, потому что в его окружении вести из Советской России подвергались чудовищным искажениям. Он не знал, как организовала партия большевиков, Советская власть борьбу с голодом. Не знал, что, приветствуя честную помощь, откуда бы она ни исходила, большевистское правительство отказалось хоть в малейшей степени поступиться суверенитетом государства. Что именно этого отчаянно домогался «великий благотворитель» Герберт Гувер, будущий президент США, который, кроме классовой, питал к большевикам и острую личную ненависть: он потерял в России весьма значительную собственность. Не знал Яхонтов, что миссию «помощи» в Москве возглавляет американский шпион полковник Хаскел, что его персонал в значительной степени состоит из шпионов, что они пытаются установить связи с контрреволюционным подпольем в Советской России. И что чекисты под руководством Дзержинского, Менжинского, Артузова, Уншлихта, именами которых в

белоэмигрантских семьях пугали детей, отчаянно борются с этим. Борются и побеждают. И победили.

А когда победили, Яхонтов испытал это на себе, потому что, поняв, что и продовольственным оружием большевиков не одолеть и воли им своей не навязать, американцы решили закрыть издательство в Праге. Путь его продукции в Советскую Россию пробить не удалось. И вот снова прибыл в Прагу мистер Хиббард, с которым Яхонтов начинал дело. С ним он его и завершил.

Надо было решать, что делать дальше. Бойкот концерта в пользу голодающих очень сильно повлиял на Яхонтовых. Внутренне они фактически отрезали себя от белой эмиграции. Остаться в Праге они не хотели. Друзья (о которых еще пойдет речь) могли бы им помочь устроиться в Париже, но перебираться в столицу белой эмиграции Яхонтов ни в коем случае не желал.

Ах, как, оказывается, он ошибался в 1919 году, когда полагал, что дорога в Петроград лежит через Омск и что пути домой нет из-за немилости Колчака. Кости «верховного правителя» уже давно гниют где-то под Иркутском, а пути все нет. Почему? Пятнадцать лет спустя он так рассказывал о том времени: «У меня больше не было иллюзий насчет возвращения домой в Россию. Было очевидно, что там установился новый режим, и я не был убежден, что это такой режим, который я мог бы одобрить. Но, по крайней мере, у меня накопилось достаточно сведений, чтобы не думать об этом режиме с презрением. В то же время у меня не было желания возвращаться, пока он у власти. Так постепенно в моем сознании выкристаллизовывалась мысль о том, что я потерял Родину и должен остаться за границей».

И снова Яхонтовы плывут в Америку. На этот раз — через Атлантику. Так же мерно катятся океанские волны, так же безупречен сервис на лайнере, так же беззаботны американцы, преобладающие среди пассажиров. А у Виктора Александровича тяжело на сердце. Сколько надежд не сбылось, сколько планов рухнуло, сколько иллюзий испарилось за те, считай, пять уже лет, прошедших с тех пор, как направлялся он в Америку из Японии. Как наивен он был, поспешая в Вашингтон предложить Антанте свою шпагу. Как он ошибался, думая, что через год-полтора вернется в Россию, которая в конце концов пойдет по умеренному демократическому курсу, избавившись от правых и левых радикалов с их крайностями. Как верил он апостолам золотой середины. Тому же

Авксентьеву. Лидер Предпарламента стал главой уфимской, потом омской Директории, был выброшен в Китай Колчаком, а теперь... А теперь по-прежнему «председательствует на Фонтанке». Так Яхонтов с иронией называл парижскую рю де Помп, где Николай Дмитриевич все говорил и говорил в «Русском политическом совещании», все цеплялся за иллюзию своего политического лидерства.

У него, у Яхонтова, иллюзий уже нет. Он трезв, реалистичен и отдает себе отчет в предстоящем: придется жить в Америке, научиться какому-нибудь делу, зарабатывать на жизнь. Российская глава его жизни дописана, начинается американская. Это была последняя иллюзия, которую ему еще предстояло преодолеть — представление о том, что он сможет жить без Родины. Это был самый черный, самый глухой час переживаемой им ночи.

Трудно было об этом догадаться, глядя снаружи. В самом деле, солидный господин с элегантной женой и юной очаровательной дочерью прибыл в Нью-Йорк. Остановился в хорошем отеле, отправился в свой офис. ИМКА на прощание выдала мистеру Яхонтову порядочный «бонус» (премиальные), вообще работа в этой организации резко улучшила его материальное положение.

Вскоре Яхонтову повезло — он выгодно купил дом в хорошем районе у овдовевшей и отошедшей от дел старой американки. Меблировал квартиры и стал сдавать их внаем. Кстати, это не означает, что он стал владельцем дома. Пользуясь широко распространенной в Америке системой кредита, он заплатил наличными не столь уж большую сумму (полностью оплатить покупку он бы не смог) и, по его собственным словам, сделался должником банка, который принял у него закладную. Получая с жильцов квартплату, он тратил часть денег на содержание дома, часть выплачивал банку (рассрочка плюс, естественно, проценты). Оставалось не так уж много. Во всяком случае, по понятиям Яхонтова, прожить на доходы от дома было невозможно, надо было искать работу.

Он изучил страховое дело и поступил на работу в страховую компанию «Юнион сентрал лайф иншуренс компани». Занимался он страхованием жизни, и пока он обходил всех своих знакомых, дело шло неплохо. Он даже получил премию в компании как лучший работник. Но когда все знакомые были застрахованы и надо было сту-

чаться в чужие двери, стало тоскливо. Не по нем была эта служба, ох, нет!

Он даже бизнесом попытался заняться. Знакомый по ИМКА уговорил Яхонтова вложить определенную сумму денег в принадлежавшую ему сеть закусочных. Правда, другой сотрудник, шофер автобуса, предупреждал русского чудака не рисковать деньгами, видно было, что в делах он ничего не смыслит и обмануть его легче легкого. Яхонтов все же рискнул — и его, естественно, надули. Так и закончился, не успев начаться, его бизнес на закусочных. Ну что ж, живешь в Америке — так учись по-американски.

Америка между тем процветала. С интересом, стараясь не быть предубежденным, вглядывался Яхонтов в окружающую его жизнь. Да и какое право, собственно говоря, имел он на какие-то предубеждения? Это чужой монастырь и здесь свой устав. Пару лет спустя Владимир Маяковский в своем эссе «Мое открытие Америки» напишет, что он любит Нью-Йорк в будни и ненавидит Нью-Йорк в воскресенье. Примерно так поначалу относился к Нью-Йорку и Яхонтов. Его восхищала энергия американцев, их собранность, точность, умение работать, бытовая культура. Его ужасала ограниченность, узость взглядов, провинциальность, дремучее невежество в сочетании с хамским шовинизмом и расизмом. И это перло из людей достаточно высокого общественного положения. Но все это он носил в себе, повторяя тысячи раз, что в каждом монастыре свой устав, что сюда его никто не звал. Он обязан принимать здешнюю жизнь такой, какая она есть, потому что он здесь в гостях, а не дома. Так, как не крути, мысли все время замыкались на понятиях дом, Родина, Россия. И невольно все увиденное Яхонтов соотносил с Россией.

Нью-Йорк переживал строительный бум. Разжиревшая на войне Америка громоздила этажи высотных билдингов, отделявала их фасады гранитом и мрамором, вставляла зеркальные стекла, навешивала бронзовые двери. Как-то в Даунтауне Яхонтов долго стоял, глядя на шикарный билдинг этажей на тридцать. Поразила его одна деталь — цифра «1919», броско сверкавшая над парадным входом. Стоял и думал — а сколько домов построено в России в девятнадцатом году? Скорее всего, ни одного. Зато разрушено...

Здесь тоже разрушали — для того, чтобы строить еще лучше. Сносить многоэтажный дом, стоящий на

людной улице, сжатый другими домами, надо быстро и аккуратно. Эта профессия трудная и опасная — рушить дома. В русском языке такого слова нет, американцы называют специалистов этого дела словом хаусбрейкер (домолом, если переводить дословно). Приезжавших из Европы, особенно из России, поражало, какие хорошие дома здесь ломают. А получилось так, что хаусбрейкерами стало много русских, которые соглашались на меньшую оплату, на худшие условия страхования. Вообще в строительстве тогда работало много русских. Яхонтов узнал об этом, когда возобновилось его знакомство с Федором Плотниковым — Фредом Карпентером.

Федор-Фред как-то, отчаянно стеснясь, пригласил Виктора Александровича в рабочий клуб. Тот пошел и не пожалел. После долгого-долгого перерыва он услышал русские песни! А где бы он мог их слышать все последние годы? Яхонтов терпеть не мог пьяного ресторанного пения эмигрантов с его стандартным репертуаром — сначала «Очи черные», потом «Молись, кунак» и в завершение «Боже, царя храни». Здесь пели народные песни — пели трезвые рабочие люди, пели от души, отдыхая в кругу земляков.

Степь да степь кругом,
Путь далек лежит,
Там, в степи глухой,
Умирал ямщик...

Он поздно засиделся в рабочем клубе и поехал домой на такси. Мелькали ярко освещенные витрины, мигала реклама, когда поднялись на мост, вполнеба встало сияние манхэттенских небоскребов... Путь далек лежит. Далек, ох, далек твой путь, генерал Яхонтов...

Но Америка все же воистину страна чудес. Буквально на следующий день Виктора Александровича пригласили на ужин в фешенебельный клуб и там представили мистру Франсу, сенатору от штата Мэриленд. Сенатор взял быка за рога. Он сказал, что давно ищет такого человека, как генерал Яхонтов. Сенатор считает, что надо устанавливать деловые отношения с Россией, начинать надо с торговли, для этого он основывает корпорацию и предлагает генералу стать ее вице-президентом. Время — деньги. Нечего ждать, пока раскачается Белый дом, президент Кулидж — порядочный тюфяк, сенатор сам едет в Москву и приглашает с собой генерала. Вице-президент корпорации будет заодно и переводчиком.

— О'кей! — воскликнул ошарашенный Яхонтов, еще не веря в происходящее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Смена вех

●

Парижское сидение

В очереди таксистов, поджидающих пассажиров, первый, высунувшись в окно своей машины, говорил, почти кричал второму:

— Простите, подполковник, но вы плохо информированы. А у меня верные сведения, из абсолютно надежных источников... Большевики заставили графа сначала спилить под корень все яблони в его собственном саду, а потом сослали на Соловки...

В глазах его пылало эмигрантское безумие. При виде неторопливо подходящего, судя по всему, богатого пассажира в дорогом зимнем пальто, с дорогим американским чемоданом таксист преобразился.

Яхонтов по-английски сказал, куда ехать. Шофер не понял, переспросил. Виктор Александрович повторил, четко разделяя слова. Он не намерен был поступаться правами американца в этой Европе. Хотите долларов — извольте понимать. Шофер вызвал у него острую неприязнь. Яхонтов понял, что таксист, добавляя подробности, повторял последнюю эмигрантскую сплетню о судьбе писателя графа Алексея Николаевича Толстого, недавно вернувшегося на Родину. Расплачиваясь, он все же не смог себя пересилить и оставил на чай. Не щедро, но оставил. Таксист, рассчитывавший на американский размах, остался, однако, недовольным. Встретившись в тот день снова со своим приятелем-«подполковником», сказал:

— Помните, у вокзала ко мне американец сел? Жадный, сволочь... Но не в том дело. Простите, подполковник, вам ничего не известно о судьбе генерала Яхонтова?

— Известно, — не моргнув глазом, ответил тот, — его красные расстреляли вместе с Александром Ва-

сильевичем. (Он имел в виду Колчака.) А в чем дело, поручик?

Но «поручик» только рукой махнул, пробормотав: «Почудилось».

У Яхонтова не было никакого желания контактировать с «русским Парижем». Конечно, без такси не обойтись, но Виктор Александрович владел языками достаточно хорошо, чтобы не выдать своего происхождения. От театров лучше воздержаться — наверняка наскочишь на кого-нибудь из петербургских знакомых. А вот в Лувре надо побывать. Эмигранты туда вряд ли ходят, там не принято митинговать.

Неизвестно, сколько дней придется ждать визу. Сенатор Франс даст телеграмму, куда ехать, откуда он сможет выехать в Россию, ведь Франция не имеет с нею отношений, кстати, не с «нею», Виктор Александрович, а с «ним» — с СССР. Если, конечно, «они» дадут разрешение. Яхонтов пытался представить человека, от которого конкретно будет зависеть — ступит он или не ступит на родную землю. Пытался — и не мог.

Во всем Париже ему нужен был лишь один человек. Поэтому пришлось начинать со звонка в «русское посольство», которое неизвестно кого представляло, но известно, где находилось. Там же, на улице Гренель. Женский голос по-французски ответил по справочному телефону. Яхонтов попросил номер телефона военного атташе графа Игнатьева.

— О, граф,— женский голос запнулся,— простите, мосье, но граф... уже не с нами.

— Простите, мадемуазель, я не вполне вас понял,— прикинулся простаком Яхонтов.— Вы не могли бы посоветовать — как связаться с графом...

— Я могу дать вам телефон его квартиры, мосье.

— Я буду очень обязан вам.

Генерал граф Игнатьев был старым другом и родственником Яхонтова. Последний раз они виделись здесь, во Франции, в 1916 году. Тогда Алексей Алексеевич очень помог ему во время командировки. (Боже мой, еще царь Николай лично, за обедом давал наставления Яхонтову в связи с той командировкой!) Игнатьев отвез тогда Яхонтова в Шантильи, представил французскому главнокомандующему Жоффру. Тот разрешил гостю объехать фронтовые позиции. В этой поездке Яхонтов познакомился с другим видным генералом — Фошем. Потом во Францию прибыл русский экспедицион-

ный корпус. Устроили парад, который принимал президент Пуанкаре. Ему тоже был представлен Яхонтов.

На следующий день Алексей Алексеевич и Виктор Александрович долго веселились, глядя на снимок в газетах. Яхонтов попал в кадр рядом с Пуанкаре... Такие вот воспоминания. А теперь, судя по слухам, граф Игнатьев занимает совершенно особую позицию. Он сохранил контроль над русскими деньгами, в свое время переведенными сюда в оплату за военные поставки, и никого к этим деньгам не подпускает. До Яхонтова доходило, что на «игнатьевские миллионы» пытались наложить лапу все «спасители отечества» — и Деникин, и Врангель, и, конечно, Колчак.

Пообедав в одиночестве, Виктор Александрович еще раз позвонил Игнатьеву, и снова безуспешно. Сидеть в отеле не хотелось. Он вышел побродить и долго гулял, избегая шумных улиц. Теперь он приехал сюда не из провинциального Хабаровска, как в 1913 году, когда он впервые увидел Париж. Теперь он приехал из грохочущего Нью-Йорка.

Узкая улочка вывела его на набережную Сены, где рядом стояли старички букинисты. Когда Виктор Александрович проходил мимо одного из развалов, его как магнитом притянула кириллица, бросавшаяся в глаза среди латиницы. «Г. П. Данилевский. Уманская резня (последние запорожцы)». Том XII из приложения к журналу «Нива» за 1901 год в 24 томах. Роман этот он не читал. Яхонтов наугад открыл томик, и его как ожгло двумя словами... Он поднял глаза к началу абзаца и прочитал его целиком:

«Прошумело «руйнование» — разгром Сечи. Оно отозвалось на Украине, в Польше и Литве. С Днепра по России шли вести об отобрании в Коше оружия, боевых припасов и всего войскового добра. Старшинское имущество, их хутора, скот и весь скарб были списаны и проданы с торга на казну. Общественные стада пожалованы поселенным в степях валахам, грекам и арнаутам. Церковная утварь — облачения, хоругви и книги — отосланы в новопостроенный Николаев. Крепости обращены в села, паланки в уезды, и в них назначены военные командиры из сербов и донских старшин. Вместо Серка, Калныша, Швачек, Бочек, Зозуль и Неживых явились бесконечные Ивановы и Сидоровы, а с ними земляки Хорвата и Шевича, — Депрерадовичи, Милорадовичи, Пестичи, Вукотичи и Никорицы».

Депрерадовичи и Милорадовичи...

В Петрограде, в Эрмитаже, в Галерее героев 1812 года висят портреты генералов М. А. Милорадовича и Н. И. Депрерадовича. Это предки Яхонтова по материнской линии. Еще мальчиком-кадетом он всматривался в их мужественные лица и по-детски загадывал — стану ли я достойным вас, мои генералы? Генералом-то он стал, но...

Яхонтов, разумеется, купил книгу. Букинист-француз отлично видел, что в душе восточного варвара бушуют страсти. Возможно — профессия сделала его хорошим физиономистом, — задето что-то личное. Да, скорее всего, так, хотя все они явно сумасшедшие, русские эмигранты. Этот, правда, и эмигрантом сначала не показался — такой аккуратный, сдержанный господин. А начал читать... Букинист заломил десятикратную цену — и не промахнулся.

Наконец-то Яхонтов в знакомой квартире на кз Бурбон. Цветы для очаровательной Наташи. Вопросы о здоровье. О да, Олечка совсем взрослая барышня. Очаровательная Наташа была еще и удивительно чуткой. Она постаралась поскорее оставить мужчин вдвоем, сославшись на какие-то домашние хлопоты. И вот они с глазу на глаз в кабинете. Как ни странно, разговор начался не сразу. Игнатьев уже имел немалый горький опыт, когда взаимное выяснение взглядов заканчивалось разрывом даже со старыми друзьями. И он решил обойтись без вступлений, подступов и увертюр. Глядя прямо в глаза гостю, он сказал: «Виктор, я выбираю Советы». Яхонтов протянул ему руку: «Я тоже, Алеша... Только, пожалуй, ты не совсем точен. Выбора-то у нас нет: Россия — одна. Нравится, не нравится, она только такая, какая — там. И второй России, как четвертому Риму — не бывать».

Главное было сказано, и сразу стало легко. Они проговорили всю ночь. Утром Яхонтов вернулся в отель, спросил, не было ли ему телеграммы. Телеграммы не было. Не было ни завтра, ни послезавтра. Сенатор Франс вестей не подавал. Ходить в теплом пальто, рассчитанном на московские морозы, было жарко и неудобно. Виктор Александрович купил себе другое, по парижской зиме. Общался он только с Игнатьевым. Вместе думали они о том, как Алексею Алексеевичу удержать «денежный ящик», при котором он «состоял». (В таких выражениях описывал потом Игнатьев эти мытарства в своей

знаменитой книге «Пятьдесят лет в строю».) Хотя белоэмигранты уже называли его графом-большевиком, Игнатъев тогда еще, конечно, имел смутное представление о большевизме. Но патриотом он был бесспорным. Разумеется, патриотами считали себя все белоэмигранты, Но их «патриотизм» был ложным, ибо строился на ложных посылках, которые в конечном счете сводились к тому, что верна лишь их точка зрения. А такие люди, как Игнатъев (с течением времени их становилось все больше и больше), исходили из иного. Они считали Россией определенную территорию, населенную определенными людьми. (Казалось бы, элементарная истина, но не всем дано было ее понять — многие беженцы от революции искренне верили в то, что они «унесли Россию на подошвах своих сапог».) Они признавали за людьми, населяющими страну, право устанавливать тот государственный порядок, который те считали нужным. Здравомыслящие эмигранты принимали как факт, не всегда им понятный и тем более не всегда им приятный, ожесточенную борьбу, происходившую в России между различными группами. Но, вглядываясь в происходящее, они не могли не видеть, что все группы, кроме большевиков, действовали в союзе с теми или иными иностранцами. И после победы большевиков они не могли не прийти к выводу, что победила Россия, в которой теперь другой порядок. Оставалось сделать последний шаг — отказаться от России во имя отрицания этого порядка или признать этот порядок во имя России. Такие люди, как А. Н. Толстой и А. А. Игнатъев, упрощенно говоря, следовали именно такой логике и сделали свой выбор. Примерно так же пришел к признанию Советской России и В. А. Яхонтов.

Но между ними были и большие различия. Толстой, заявив, «я отрезаю себя от эмиграции», где его ничто не удерживало, попросил разрешения реэмигрировать, получил его и в 1923 году вернулся на Родину. Игнатъев видел свой долг перед Отечеством в том, чтобы сохранить для него его деньги, и потому не мог отлучиться из Парижа. А Франция еще не признавала Советского Союза. Яхонтов же и хотел бы вернуться, но в глазах новой России он выглядел совершенно иначе, нежели его друг и родич.

Судьба Яхонтова решалась в Москве морозным январским днем, когда Виктор Александрович неспешно завтракал в отеле, собираясь пойти в Лувр и не ведая, что произошло в России.

В России умер Ленин. Еще не успели сообщить об этом всему миру, но тот товарищ, от которого зависела виза Яхонтову, уже знал. Он стоял в своем кабинете, прислонясь лбом к ледяному стеклу окна, и плакал. Скрипнула дверь, вошел молодой сотрудник, еле проговорил срывающимся голосом, сквозь слезы: «Простите, но это просили решить срочно». Начальник отошел от окна, вытирая глаза рукавом, сел за стол, собрался. На его худом лице, обезображенном шрамом (след колчаковской шашки), играли желваки.

— Да, Валентин. А работать надо. Сейчас — еще лучше. Согласен?

Валентин молча кивнул головой, его душили слезы. Начальник, пытаясь показать пример выдержки, углубился в бумаги. Две быстро подписал, а на третьей застрял. Хмыкнул, сказал зло:

— Посмотри-ка, Валентин, какая птичка к нам просится.

— Да я вижу — из команды Керенского...

— Ты эти свои футбольные словечки брось! Из команды! Из банды — вот как будет политически грамотно. Смотри-ка, просился к Колчаку, жаль, ему отказали, а то, может, и встретиться довелось бы с его превосходством под Камышловом...

Посидел, подумал, сказал тихо, с ненавистью:

— Так, значит... Ильич умер, а «временный» дружков своих засылает — поразнюхайте-ка, господа, как там Россия без Ленина. (В состоянии потрясения этот товарищ, всегда славившийся безупречной логикой, не заметил, что предположил невероятное — Керенский никак не мог еще узнать о смерти Ленина.) Ну не бывать тому! Не радоваться гадам!

И наложил резолюцию.

В тот же день сенатор Франс был извещен, что, к сожалению, дать разрешение на въезд в СССР его помощнику господину Яхонтову не представляется возможным. Сенатор немедленно дал телеграмму в Париж. Прямая связь тогда еще не была восстановлена французской стороной, не признававшей СССР, и телеграмма шла кружным путем. Вечером следующего дня, еще ничего не зная, Виктор Александрович вошел после прогулки в свой отель. Дежурный, вместе с ключами протянув газету, сказал с любезной улыбкой:

— Простите, мосье Яхонтов, я подумал, это может

вас заинтересовать. Новости из России. Умер Ленин.

В номере Виктор Александрович долго сидел на диване, вглядываясь в портрет, обведенный траурной рамкой. Он испытывал странные чувства. Почему-то не мог отделаться от мысли — а ведь мы были тогда рядом, в Петрограде, осенью семнадцатого. Интересно, если бы я его увидел и услышал, изменилось ли бы мое поведение? Говорят, это был великий оратор, говорят даже, одна-единственная его речь могла изменить устроение человека... Потом он поймал себя на тревожной мысли: а кто же теперь станет во главе России? — и вдруг осознал, что еще вчера, при жизни Ленина, он был уверен, что держава не пропадет.

Из глубокого раздумья его вырвал телефонный звонок. Звонил граф Игнатьев:

— Ты уже знаешь, Виктор? Приезжай...

Яхонтов заночевал у Игнатьевых, потом просидел у них весь день. В отель пришел поздно вечером.

— Вам телеграмма, мосье Яхонтов.

Прочтя ее, Виктор Александрович попросил заказать ему билет на ближайший рейс в Нью-Йорк.

Игнатьеву он сказал: «Я не сержусь на них, Алеша. Им сейчас не до меня».

Угол Сорок второй и Пятой

Сейчас название Сорок второй улицы в центре Манхэттена стало нарицательным как символ разнузданного порока. Название Пятой авеню в Нью-Йорке тоже стало нарицательным. Это улица миллионеров, даже мульти-миллионеров. Но вот один из парадоксов: именно на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню расположено одно из лучших во всем мире учреждений культуры — Нью-Йоркская публичная библиотека. Виктор Александрович говорил, что многие годы она была его вторым домом в Нью-Йорке.

Яхонтов зачастил в публичную библиотеку, когда понял, что по газетам, даже солидным, он не сможет разобраться в интересующих его вопросах, и прежде всего в русской революции и в судьбе его Родины. Впоследствии он сам рассказывал, что на пятом десятке осознал, что он не может судить о политике. Ибо не знает азов политэкономии, социологии, не разбирается в перепле-

тении и борьбе экономических интересов разных стран и разных классов.

Казалось бы, он многое знал о Колчаке и колчаковщине. Но вот о том, что через Колчака из России уплыла чуть не третья часть ее золотого запаса, он узнал только сейчас. Узнал он и о том, что другая немалая часть золотого запаса России, переданная Германии по Брестскому договору, была отнята у немцев англичанами и французами. Узнал, что в ходе гражданской войны и иностранной интервенции погибла четверть национального богатства его Родины. Зная это и не упуская из вида то, что за 1914—1922 годы погибло несколько миллионов россиян, и прежде всего — молодых мужчин, что в результате эмиграции страна потеряла еще сотни тысяч людей, в том числе значительную часть образованного слоя, Виктор Александрович умом и сердцем понял, что к СССР нельзя подходить с такой же меркой, как к другим странам. Что просто подло поступают те эмигранты, которые злорадствуют, читая в западных газетах о бедности страны, о плохой одежде, о тесных «коммунальных» квартирах.

Постепенно ему становились яснее и яснее циничные, хищнические расчеты западных держав, принявших участие в интервенции. Он прочитал слова Черчилля, который прямо заявил, что не они, не «союзники», сражались в России «за белое дело», а, наоборот — белые сражались за интересы «союзников». Только сейчас, на пятом десятке, Яхонтов понял, что далеко не все в его стране принадлежало его соотечественникам, даже богачам Рябушинским, Поляковым, Путиловым и прочим. Что очень многим владели иностранцы. Он вспомнил, что когда-то, в семнадцатом году, на роковом пути из Японии в Петроград, он случайно узнал от попутчика-американца, что мистер Гувер, ныне министр, имел огромные «интересы» в России и сделал на них миллионы. Теперь Яхонтов узнал, что соки из России сосали и Ротшильд, и Нобель, и Уркварт, и многие другие крупные капиталисты Англии, Франции, Германии, США, Бельгии, Швеции, а вместе с ними — и мелкие держатели русских акций. Вот в чем основа их ненависти к русской революции, а вовсе не в симпатии к Учредительному собранию! До всего этого Яхонтов доходил своим умом, в процессе, как бы мы теперь сказали, самообразования. Учителя-марксиста у него не было.

И еще одну америку открыл Яхонтов. Он понял, что не только в годы войны и революций Россия теряла людей.

А эмиграция? А Федор-Фред Плотников-Карпентер и множество ему подобных? Как бы пригодились их руки и головы сейчас там, на Родине. Многие из них уехали после Октября домой — десятки тысяч. Но сотни тысяч остались в США и Канаде. Они уже выросли в эту землю. Этой земле, и без того сытой и мирной, они отдают свой труд и талант. Обидно! И уж тут-то большевиков никто не обвинит.

Здесь, в публичной библиотеке, он регулярно читал советские газеты. Все было интересно. На Родине жизнь не только продолжалась, она шла вперед, да какими темпами! Яхонтову даже казалось, что это нетерпеливое стремление вперед и вверх превышает возможности страны. Ну вот, скажем, одну за другой «Известия» поместили две заметки, которые Виктор Александрович переписал, чтобы показать дома и близким друзьям. Одна заметка трогала до слез:

«Награда учителю

Всеукраинский ЦИК постановил наградить орденом Трудового Красного Знамени учителя села Липцы Харьковской губернии Петра Васильевича Щепкина. Сейчас тов. Щепкину 56 лет, из них три десятилетия он непрерывно работает в школе, расположенной в 30 верстах от Харькова. П. Щепкин — беспартийный. Он стал первым учителем-орденоносцем. В честь 30-летия педагогической деятельности ему подарены золотые часы, сукно на костюм и сапоги».

Покажи любому белоэмигранту — зашипит, что раз сапоги дают вместе с орденом, значит, страна ходит босиком. И разве нет логики в этом замечании? Но рядом в те же дни:

«Москве необходим метрополитен

Московский Совет признал целесообразной и своевременной постройку метрополитена. В 1924 году при населении 1800 тысяч человек по городским путям сообщения будет перевезено 300 миллионов пассажиров. В 1925 году надо будет перевезти около 400 миллионов, а в 1930 году — около 800 миллионов человек. Началась разработка технического проекта московского метро. Точные сроки начала и окончания строительства пока не установлены».

Смотрите-ка, сапог нет, а метро проектируют. И ведь построят! Яхонтов представил себе, как через несколько лет москвичи совсем как ньюйоркцы будут сбегать по ступенькам к платформам своей подземки. Может быть,

как в Нью-Йорке, они выложат стены станций кафелем, так что их легко можно будет мыть. Радовали и такие сообщения, как реставрация дома Тургенева в Спаском-Лутовинове. Многое радовало.

Но не все. Многое было непонятно, неприемлемо. Каждый раз Виктор Александрович пытался найти объяснение, представить себе мотивы тех или иных событий — и не мог. Не мог он понять разрушения церквей. Сам он не был религиозным человеком, отнюдь, но зачем и кому нужно было рушить храмы, в том числе и жемчужины архитектуры, — решительно не понимал. Смущала его повальная перемена названий. Он долго спорил сам с собой, но принял, оправдал появление на карте города с дерзким именем Ленинград. Он уже пришел к осознанию того, что Ленин — явление эпохальное. Яхонтов мог понять чувства людей, которые переименовали Царевококшайск в Краснококшайск (ему еще предстояло узнать, что Краснококшайск переименован в Йошкар-Олу). Но не понимал, почему переименовали Екатеринбург. Яхонтов допускал, что Свердлов вполне достойный человек, но и Екатерину из истории не вычеркнешь, да и привыкли люди... А уж появление на карте имени Троцкого Яхонтов оправдать никак не мог. Нет, дело не в личной неприязни, которую испытал Виктор Александрович к этому человеку, когда единственный раз увидел его в Предпарламенте. Он знал из тех же советских газет, что далеко не для всех большевиков Троцкий был авторитетом.

Непонятно было Виктору Александровичу, зачем понадобилось переименовывать Пречистенскую набережную Москвы-реки в Кропоткинскую, а Владимирский проспект в Ленинграде — в проспект Нахимсона. Белоэмигранты острили: вы слышали, в северной столице есть проспект Нахимсона с одноименным собором.

Но все это были штрихи, детали. Яхонтов не улавливал смысла гораздо более важных событий — борьбы, которая шла внутри самой большевистской партии. Он знал, что здесь, на Западе, спят и видят, чтобы партия распалась на враждующие фракции, а там, глядишь, одна из них, чтобы одолеть соперников, начнет искать союзников за рубежом... Вот чего боялся Виктор Александрович. Так, в сущности, оно и вышло. Стало известно о письме Троцкого на имя Орджоникидзе. Лидер оппозиции пригрозил, что в случае интервенции троцкисты будут добиваться свержения существующей власти. При

этом и большинство ЦК, и «левый» уклон, и «правый» клялись именем Ленина. Чтобы понять, кто прав, надо было учиться и учиться.

К сожалению, заниматься учебой в полную силу не было возможности. Надо было думать и о зарработке. Иногда удавалось достать заказ на перевод, но это было редко и платили мало. После того как корпорация сенатора Франса развалилась так же быстро, как и возникла (торговлю с СССР наладить пока не удалось), у Яхонтова какое-то время не было постоянной работы. Но недолго.

Яхонтову предложил стать своим секретарем его добрый друг доктор Михаил Исаевич Михайловский. Выходец из России, уроженец Сибири, он имел частную практику в Нью-Йорке. Связей с Родиной не порывал и согласился исполнять роль представителя наркома здравоохранения Семашко.

Михайловский возложил на Яхонтова, которому дал в помощь сначала одну, потом двух сотрудниц, широкий круг обязанностей. Виктор Александрович посещал медицинские съезды, писал о них отчеты, читал, реферировал «для Москвы» всевозможные медицинские журналы. И еще — сопровождал врачей, приезжавших из СССР в командировки. Он водил их по городу, в музеи, показывал небоскребы и объяснял, кому какой принадлежит. Тогда самым высоким зданием в Нью-Йорке и во всем мире был 57-этажный Вульворт.

Исполняя обязанности гида, Яхонтов, конечно, не упускал случая порасспросить своих подопечных о жизни на Родине. При всей разнице в деталях гости сходились в одном: жизнь в СССР бьет ключом, работы — невпроворот, жизнь — трудная, настроение — оптимистическое. Люди уверены, что завтра будет лучше, чем сегодня, а послезавтра — лучше, чем завтра. Стараясь быть непредвзятым и подходить к делу «научно», Виктор Александрович после каждой встречи с земляками анализировал полученную им информацию, сравнивал с тем, что писали в газетах. Выходило однозначно: буржуазные газеты, как правило, лгали об СССР. Не всегда, но — как правило. Зато оценки гостей обычно совпадали со сведениями, которые удавалось извлечь из серьезных книг.

Позднее Виктор Александрович с усмешкой говорил: для того чтобы стать инженером, надо учиться пятнадцать лет, врачом — еще больше, а вот на «знатока политики» учиться не надо — достаточно проглядывать заголовки

в двух-трех газетах. Верховнядство, невежество было характерной чертой многих американцев из разных классов общества.

Однажды Яхонтова пригласили погостить новые знакомые — очень богатые люди из Южной Каролины. Виктор Александрович с удовольствием откликнулся на их любезное приглашение и впервые оказался на американском Юге.

Спустя несколько лет он писал об этих днях: «Я был поражен, обнаружив, сколько похожа жизнь богатых американских южан на жизнь богачей в России в дореволюционные времена. Та же самая отстраненность от реальной жизни; легкое, беззаботное существование; то же самое превосходство класса землевладельцев. И цветные, казалось, играют ту же самую роль по отношению к белым богачам, что и крестьяне в святой России царей по отношению к своим господам. Мои хозяева были милы, культурны, рафинированы, хорошо воспитанны, но, несмотря на это, я был убежден, что мне не пристало быть причастным к такой жизни».

Новые знакомые предлагали Яхонтову помочь обосноваться на Юге. Он поблагодарил и отказался, ссылаясь на то, что в деловой атмосфере Нью-Йорка ему легче будет выковать в себе качества, необходимые для завоевания успеха в Новом Свете. На Юг его больше никогда не тянуло. Здесь все было пропитано расизмом, к которому его радушные, «культурные и рафинированные» хозяева привыкли как к воздуху. Как-то один из их гостей почему-то почувствовал неприязнь к Яхонтову и, когда разговор коснулся русской литературы, сказал со злобой: «У вас в России самый лучший поэт был негром!» Хозяева постарались отвлечь Яхонтова от «нанесенного оскорбления», но тот не обиделся, а только усмехнулся, вспомнив стихи великого Пушкина:

Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал...

В Америке ему предстояло встретить еще очень многих фигляриных.

Вильямстаун

Однажды Ольга что-то спросила о Корее, и Виктор Александрович толком не смог ответить дочери. Не смог — к своему собственному изумлению. Ведь он был специа-

листом по Дальнему Востоку. Собственно, а почему надо говорить об этом в прошедшем времени? Если к солидному запасу своих старых знаний прибавить то, что накопилось за несколько последних лет, он снова, выражаясь по-спортивному, обретет форму. Может быть, так или иначе удастся добиться признания и здесь, в Америке. С этого дня дальневосточная тематика прочно вошла в круг его занятий в публичной библиотеке.

Поглощенный мыслями о России, он действительно многое пропустил. Например, только сейчас, из книг Яхонтов узнал, что на Версальской конференции, подводившей итоги мировой войны, в 1919 году, была сделана попытка вырвать Корею из японских рук и... отдать в американские. На конференции рассматривался меморандум о передаче Кореи (еще в 1910 году аннексированной Японией) под опеку США. Оказывается, было создано эмигрантское «правительство» несуществующей пока «Временной Корейской республики» во главе с неким Ли Сын Маном. Номер не прошел — с какой стати Япония, союзница держав-победительниц, должна была отдавать Америке жирный кусок? Яхонтов с усмешкой подумал тогда, что этот, как его, Ли Сын Ман исчез из корейской истории так же, как из российской исчезли (или скоро исчезнут) многочисленные эмигрантские «премьеры» и «цари». Но он ошибался. Через двадцать лет, в конце 1945-го, тот же самый Ли Сын Ман будет доставлен на американском военно-транспортном самолете в Сеул и станет первым марионеточным диктатором-президентом Южной Кореи.

Вглядываясь в происходящее, Виктор Александрович увидел, что японцы, не довольствуясь Кореей, зарятся на Китай, прежде всего на Маньчжурию. Понял он и то, что русская белоэмиграция в Китае рассматривается японцами, как потенциальный союзник. И хотя СССР не делал никаких попыток что-то отхватить у своих дальневосточных соседей, «большая пресса» Запада дружным хором пела лживую песню о красной опасности на Дальнем Востоке, что СССР продолжает «политику царей». Эти обвинения поддерживали и многие белоэмигранты, в том числе и монархисты, что весьма позабавило Яхонтова.

В конце двадцать пятого года кончилась служба у доктора Михайловского. Москва поручила его обязанности другому человеку, с которым Яхонтов не сработался. Приходилось экономить, хвататься за любую работу.

А так нужно было учиться! Но деньги, деньги. Яхонтов даже переводил с французского какой-то глупый роман.

Весной 1926 года в «Нью-Йорк таймс» он случайно заметил объявление. Газета извещала, что в известном колледже Вильямса (Вильямстаун, штат Массачусетс) летом состоится сессия института политики. Это был типично американский дискуссионный клуб. Но объявленные темы и участники заинтересовали Яхонтова. Тем более ехать от Нью-Йорка туда недалеко, участников приглашали с семьями; указывалось, что разместятся все в студенческом общежитии (институт был летний, собирався во время каникул), питаться будут в недорогой студенческой столовой. Для Яхонтова тогда это имело большое значение. Он написал в Вильямстаун о себе и вскоре получил ответ с уведомлением, что его участие «будет приветствоваться».

В августе Виктор Александрович с Мальвиной Витольдовной и Ольгой впервые приехали в колледж Вильямса. Утром проходили секционные заседания за «круглыми столами», а после обеда — общие «форумы» в большом зале. Яхонтов был включен в секцию, занимавшуюся проблемами Дальнего Востока. Председательствовал за этим «круглым столом» консультант госдепартамента профессор Дж. Блексли. Видимо, к Яхонтову присматривались. Наконец, ему предложили выступить на одном из общих «форумов» — но не по дальневосточным проблемам. Его попросили сделать доклад о Советском Союзе. Много лет спустя Виктор Александрович вспоминал об этом важном для него дне:

«Прекрасно понимая, что основная часть аудитории настроена прохладно, если не сказать, враждебно по отношению к СССР, я постарался начать свой доклад как можно более спокойно и сдержанно. Сделал необходимый исторический экскурс, а затем перешел к излюбленной своей теме — о «вековом разладе» между господствующими классами и угнетенными массами, о закономерности и неизбежности тех социально-политических и экономических преобразований в России, начало которым положила Октябрьская революция. Закончил я свое выступление кратким анализом текущей внутренней и внешней политики Советского государства.

Слушали меня довольно внимательно и даже наградили дружными аплодисментами. Успех доклада не замедлил вылиться в формулу пространных отчетов как в местной, так и в центральной прессе. Газета

«Нью-Йорк таймс», наиболее влиятельная и самая читаемая в США, на следующий же день поместила на первой полосе сообщение о том, что «бывший офицер царской армии, генерал Яхонтов, выступив в институте политики в Вильямстауне с докладом о положении в Советском Союзе, не оставил сомнений в том, что он одобряет его». Далее цитировались непосредственно мои слова, суть которых сводилась к тому, что я «убежденный противник вмешательства одних государств в дела и жизнь других, так как это нарушает существующие нормы международного права».

Одна из газет поместила даже мой портрет, дав под ним подпись: «Выдающийся участник института».

Так совершенно неожиданно мое выступление стало главным событием сессии 1926 года».

С этого дня Яхонтов стал профессиональным лектором. Чтение лекций стало и основным источником его доходов. Вскоре после окончания сессии в Вильямстауне Яхонтова пригласили в город Сиракьюс прочесть лекцию в местном клубе. Потом он выступил в городе Сент-Пол, штат Миннесота, в «шикарном» дамском клубе, куда, правда, пришло немало мужчин. Готовился к лекции основательно, рассказывал Виктор Александрович, привез с собой множество карт, схем, таблиц. Все обошлось как нельзя лучше. Ступив на эту стезю, Яхонтов вскоре познакомился с женой одного преуспевающего в ту пору профессионального лектора-американца и попросил прочитать тексты двух его лекций (о Советском Союзе и о Дальнем Востоке).

— Я еще плохо чувствую аудиторию,— сказал Виктор Александрович.— Подскажите, что здесь так, а что не так.

Дама рассмеялась:

— Вы наивный человек! Как вы не можете понять: совсем неважно, что вы будете говорить, достаточно уже одного того, что вы бывший русский генерал...

«Позже я не раз имел случай убедиться в ее правоте,— с улыбкой вспоминал Яхонтов.— Американцы удивительно падки на любые титулы: «князь», «граф», «профессор», «генерал»— для них эти слова звучат почти магически. Послушать «титованного» оратора всегда соберется больше народу, нежели простого смертного, будь он даже семи пядей во лбу».

Это, конечно, правда, но не вся. Яхонтов скромничал. По мнению весьма авторитетных людей, он стал одним

из самых лучших лекторов в США. Он изъездил Америку вдоль и поперек, и, разумеется, не только из-за его генеральского чина всюду собирались полные аудитории. А начало всему положило его выступление в Вильямстауне.

Заметка с первой полосы «Нью-Йорк таймс», констатирующая поддержку Яхонтовым Советского Союза, пополнила не только его личный архив. Она была аккуратно вклеена в досье на него, которое к тому времени перекочевало в ФБР. За полтора года перед тем директором этого учреждения стал Эдгар Гувер, поставивший на широкую ногу слежку за всеми «подрывными», «неблагонадежными», «опасными» элементами, за «красными» и «розовыми», да и вообще «не совсем понятными». Особенно из иностранцев. Естественно, странный русский генерал не мог остаться вне поля зрения охраны. Заметке из «Нью-Йорк таймс» в досье на Яхонтова предшествовало донесение агента о посещении «объектом» 14 августа 1925 года вечера, на котором выступал коммунистический поэт Маяковский, приехавший из Москвы. Яхонтов вместе с другими выходцами из России (вечер шел на русском языке) аплодировал выступавшему, в том числе и тогда, когда тот прочитал стихотворение «Нью-Йорк» — явно антиамериканской направленности. Дотошный агент приложил буквальный перевод крамольной строфы. Это были заключительные строки стихотворения «Бродвей», которое Маяковский действительно сначала озаглавил «Нью-Йорк»:

Я в восторге от Нью-Йорка города.
Но кепчонку не сдерну с виска.
У советских собственная гордость:
на буржуев смотрим свысока.

Дотошный агент носил фамилию Жаров (окружающие обычно звали его Ярроу), он был русским из белоэмигрантов. Работал на совесть, красных и даже розовых ненавидел люто. Со временем его усердие было замечено. Во время второй мировой войны его взяли в Управление стратегических служб к генералу Биллу Donovanу, Ярроу исполнял его задания в Восточной Европе...

Яхонтов, разумеется, ничего такого и не предполагал. Он по-прежнему считал себя гостем, не имеющим права выступать против порядков в приютившей его стране. Увы, понятия о лояльности у него и у мистера Эдгара Гувера были несколько различными.

Успешный лекторский старт окрылил Виктора Алек-

сандровича, и он с жаром принялся за дело. Лекторская работа, естественно, приблизила Яхонтова к журналистике. Ему стали предлагать выступить по радио, сделать реферат, написать статью. Работал он много. Так как приходилось очень часто ездить, Яхонтов приучился в поезде и в автобусе не только читать, но и делать пометки, записи в блокноте. На лекционном рынке тоже шла конкурентная борьба, и удержаться в седле, тем более вырваться вперед было непросто. Но работа приносила удовлетворение. И деньги. Год был настолько успешным, что следующую сессию института политики в Вильямстауне Яхонтов... пропустил. Он смог позволить себе провести с семьей лето в Европе.

Яхонтовы побывали во Франции и в Италии. До того в Италии никому из них быть не приходилось. Разумеется, они проехали и прошли всеми туристскими маршрутами, но не только соборы, дворцы и музеи с их неисчерпаемыми сокровищами искусства занимали внимание Яхонтова. В этом путешествии он впервые увидел фашистов. Другие американские туристы попросту не реагировали на чернорубашечников, когда их видели. А Яхонтов вглядывался в лица фашистов, побывал на митинге, где выступал Муссолини, наблюдал за реакцией толпы... Выводы он сделал тревожные. Он сразу понял, что нельзя отмахиваться от феномена фашизма, что это не очередной каприз политической моды, который пройдет, как проходят другие, не повлияв, в сущности, на страну, не говоря уж о внешнем мире.

Яхонтов избегал общения с белоэмигрантами из «непримиримых», но с их прессой, конечно, знакомился. Он помнил, что еще в 1924 году монархисты на съезде в Париже разглагольствовали о том, что в «освобожденной от большевиков России» желательна будет фашистская диктатура. Один из этих безумцев зачитал доклад о «государственном строительстве фашизма», доказывал применимость его в русских условиях. А сейчас, в 1927-м, в Берлине начал выходить журнал «Русский колокол», в котором пропагандировался опыт итальянского фашизма.

«Русский колокол» призывал белоэмигрантов создавать во всех странах расселения фашистские организации под девизом «Воля, власть и подчинение». Да только ли одно это издательство! Журнал «Двуглавый орел» открыто писал: «Фашизм заслуживает одобрения и подражания». Знал Яхонтов и то, что незадолго до того,

как попасть в руки чекистов, у Муссолини искал поддержку Савинков. Нет, нельзя благодушно попыхивать сигарой, посмеиваясь над опереточностью дуче и его бандитов! И напрасно американцы думают, что фашизм никогда их не встревожит. Пресса сообщала об интенсивных контактах японцев с фашистской Италией. А Япония для Америки не то что Италия. Япония для них, в сущности, соседняя держава... Так каков же вывод, генерал? А вывод такой: если Япония будет иметь за спиной сильную и дружественную Америке Советскую державу, она не сможет угрожать агрессивней Штатам. Значит, логика истории диктует, что СССР и США должны наладить отношения. Но пока этого нет, хотя осенью большевистскому режиму исполнится уже десять лет. Десять! Практически все крупные страны имеют нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом. Почти все — кроме Америки.

Статью такого содержания Яхонтов написал на борту лайнера, возвращаясь в Нью-Йорк. Вскоре она была опубликована. Прошла она, в сущности, незамеченной. Разумеется, ее прочитали и проанализировали специалисты, да неугомонный Жаров-Ярроу из ФБР подклеил ее к яхонтовскому досье.

Эту тему поднял Яхонтов на следующей сессии института политики в Вильямстауне летом 1928 года. Под руководством того же Дж. Блексли за «круглым столом» секции шла дискуссия о тихоокеанских проблемах. Говорили здесь и об усилении в Китае коммунистов. Кое-кто поспешил приписать этот процесс проискам Москвы. Но согласились с этим не все. Яхонтов высказал мнение, что подъем коммунистического движения в Китае вызывается двумя основными причинами: поведением Японии и обнищанием китайского населения. Так завязывался узелок проблем, которые на протяжении целого десятилетия активно разрабатывал Яхонтов: переплетение интересов СССР, Китая, Японии и Америки. Компетентность Яхонтова в этих проблемах была замечена вдумчивыми участниками вильямстаунских дискуссий, и вскоре ему предложили написать книгу «Россия и СССР на Дальнем Востоке». Написать на английском. Виктор Александрович засомневался было, но американские коллеги дружно уверили его, что он уже совершенно свободно владеет языком и его опасения напрасны.

Яхонтов был очень рад взяться за такую книгу и

потому, что в 1928 году с тревогой следил за ходом предвыборной кампании. До того он редко обращался мыслями к хозяину Белого дома. Гардинг, при котором он окончательно поселился в Штатах, и сменивший его Кулидж были весьма бесцветными личностями. Сейчас все шло к тому, что в президентское кресло сядет Герберт Гувер. Если это случится, ожидать улучшения американо-советских отношений не придется. Удачливый и опытный бизнесмен, разбогатевший на вложениях в Россию и потерявший в результате революции важнейший источник своих доходов, Гувер не скрывал ненависти к социализму, СССР.

Однажды во время секционных заседаний участникам вильямстаунского института предложили срочно покинуть свои «круглые столы» и собраться в большом зале, чтобы послушать предвыборную речь Гувера. «Великий гуманист» (так называли его за организацию «бескорыстной» помощи голодным и холодным в разрушенной войной Европе, и прежде всего в России), «знаменитый инженер» (это звание ему было дано придворными льстецами, видимо, за умение выколачивать огромные прибыли из заморских вложений), Герберт Гувер говорил уверенно, напористо, авторитетно. В той речи в августе 1928 года он сказал слова, которые потом неоднократно вспоминали:

— Мы в Америке сегодня ближе к окончательной победе над бедностью, чем когда-либо за всю историю нашей страны. Работные дома исчезают из нашей жизни. Мы еще не достигли цели, но, если нам дадут возможность продолжить политику последних восьми лет (то есть правления президентов-республиканцев Гардинга и Кулиджа), мы скоро с божьей помощью приблизимся к тому дню, когда бедность будет изгнана из нашей страны.

Многие из собравшихся в зале колледжа Вильямса встретили эти слова восторженными восклицаниями. В основном это были, как заметил Виктор Александрович, сторонники республиканской партии — партии Гувера. Другая часть иронически усмехнулась — это были преданные своей партии демократы. Ну, а третья часть, по численности наибольшая, оставалась равнодушной: они хорошо знали, что предвыборные речи вовсе не должны находиться в строгом соответствии с действительностью. Так испокон веку заведено в Америке.

Гувер между тем, решив, очевидно, переплюнуть хрестоматийного французского короля, пообещал, что под его управлением в каждом гараже будет по два автомо-

бия, а в каждом котелке на кухне будет по воскресным и праздничным дням по две курицы.

Надо сказать, что тогда не только республиканский кандидат в президенты расписывал лучезарные перспективы американского капитализма. Эйфория обогащения захватила миллионы людей. Американцы, казалось, забыли, что во время спада осенью 1921 года в Центральном парке Нью-Йорка спало 80 тысяч безработных. Такое не повторится! Настало другое время! Эпоха джаза, эпоха обогащения, золотой век... Сдавали позиции и многие из тех, кто совсем недавно мыслил трезво-критически и даже радикально.

Тот же Уолтер Липпман, который в 1919 году подверг беспощадному анализу ложь о Советской России, сейчас писал:

«Более или менее бессознательная и бесплановая деятельность бизнесменов стала наконец более современной, более смелой и, в общем, более революционной, чем теории прогрессистов». Слова «бесплановая» и «прогрессисты» в этом контексте употреблены, видимо, не случайно. Из СССР приходят вести о разработке пятилетнего плана. Большевики замыслили что-то невероятно дерзкое: одним рывком построить в своей отсталой стране современную промышленность. О советском пятилетнем плане с интересом говорят в рабочих клубах Америки. Буржуазные пропагандисты призваны нейтрализовать этот интерес.

«Большой бизнес в Америке обеспечивает то, что ставили перед собой целью социалисты,— пищу, одежду и пристанище для всех. Вы увидите все это в годы администрации Гувера». А это — Линкольн Стеффенс, да-да, тот самый знаменитый «разгребатель грязи», блестящий публицист, еще недавно разоблачавший пороки капитализма. Но сейчас 1928 год. Америка процветает.

На таком фоне читать лекции с призывами к установлению нормальных отношений с СССР, с объяснениями истинного положения дел в Советском Союзе, с правдивым анализом его внешней политики — нелегко. Нужно быть осторожным. Правда об СССР должна быть преподнесена в такой форме, чтобы не отпугнуть среднего американца. Чтобы была «хорошая пресса», обеспечивающая дальнейшие приглашения. Помогает генеральское звание. Слово «генерал» на яхонтовских афишах печатается крупным шрифтом. И очень мелким — «старой

русской армии. Отставной». Нередко в лекцию как бы невзначай Виктор Александрович вставляет рассказ о том, как он обедал у царя Николая, как должен был плыть в 1916 году из Англии в Россию вместе с фельд-маршалом Китченером, но в последний момент все изменилось, и он поехал во Францию. А Китченер погиб, едва отплыв от британских берегов, и до сих пор тайна взрыва на корабле неразгадана. Это действует на американскую аудиторию. Яхонтов ездит по Америке, читает лекции, выступает по радио. И пишет книгу. Уже весна 1929 года.

Паломник

1929 год, кроме многих других примечательных событий, ознаменован и тем, что в Москве родился «Интурист». Советская страна начала учиться принимать гостей из-за рубежа на коммерческой основе. Одним из первых запросил тур по СССР мистер Яхонтов из США. Нетерпение гнало его. В ожидании ответа из Москвы он приехал в Берлин, где ему пришлось провести три недели.

Здесь, в Берлине, он впервые вступил на советскую территорию, иначе говоря — вошел в советское посольство. Сюда должны были сообщить из Москвы — можно ли ставить Яхонтову визу в паспорт.

Как он ни старался обойтись без встреч с русскими белоэмигрантами, однажды он на них наскочил в ресторане. Слава богу, никто из них не знал его в лицо и не обращал внимания на американца за соседним столиком. Тоска сжимала сердце Виктора Александровича.

— И никакого либерализма, господи, никакой, извините, гуманности. Чуть что — в тюрьму!

— Не в тюрьму, а расстреливать, господин генерал.

— Позвольте возразить, барон. Если сразу всех расстреливать, кто будет работать в вашем имении?

— Мужиков в России много...

— Слишком много, на всех хватит, и на нас, и на немцев...

— Согласен, ваше превосходительство. Предлагаю тост: «Хайль Гитлер!»

Наконец, из Москвы пришел ответ. Въезд разрешен. Он плыл в Ленинград пароходом из Штеттина. Он хотел попасть сначала в город, откуда начался его исход.

Владивосток восемнадцатого не считается. То было наслаждение, дурной сон.

...Какое наслаждение стоять около сфинкса и глядеть на Неву, на Исаакий и Адмиралтейство. Это сказка. Это волшебный сон наяву. И еще, оказывается, есть на свете такое счастье: слышать вокруг, везде русскую речь! Как мало дней отпущено ему на Ленинград. Он старался спать поменьше. Господи, да какой сон в ленинградские белые ночи! Если вы не были в этом городе — а он вам родной — целых двенадцать лет. Постойте, постойте, а сколько же лет он не был здесь белыми ночами? Боже мой, ровно двадцать! Да, после 1909-го, когда он уехал отсюда на Дальний Восток, ему не пришлось видеть это волшебство — петербургские белые ночи...

Когда я в комнате моей
Пишу, читаю без лампы,
И ясны спящие громады
Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла...

Неужели здесь, касаясь этого парапета, когда-то стоял Пушкин. Ну как можно спать такими ночами. Яхонтову потом казалось, что в Ленинграде он вовсе не спал. Ночами он кружил по центру, днем забирался на рабочие окраины, где, пожалуй, в старые времена никогда и не бывал. Как странно, но только сейчас он осознал, что не для всех жить в Петербурге означало квартировать на Каменноостровском, служить на Дворцовой и гулять по Невскому. Нет, не для всех! Но как-то не думалось тогда, что большинство, подавляющее большинство петербуржцев — это жители угрюмых безобразных домов на Выборгской стороне за Финляндским вокзалом, это те, кто живет поближе к Гавани и далеко за Обводным каналом. Яхонтову понравились люди ленинградских окраин. У них был бодрый и уверенный вид. И это, сделал заключение Виктор Александрович, тот плюс, который перевешивает все минусы. А он видел и минусы, несмотря на сказочно-восторженное ощущение того, что он на Родине. Он видел бедность одежды, неухоженность строений, жалкий по сравнению с Америкой ассортимент товаров в магазинах. За исключением книжных. Яхонтов был поражен, потолкавшись в нескольких книжных магазинах и понаблюдав, кто что покупает. В Америке о таком буме не могло быть и речи. Здесь расхватывали не какие-нибудь пошлые дамские романы или бесконечные детективы — здесь раскупали серьезные книги. В отличие от

Запада здесь на книгах указывался тираж. Если не побывать самому в таком магазине, подумал Виктор Александрович, можно и не поверить, что столь огромные тиражи можно распродать.

Он вглядывался в лица покупателей. Ему казалось, что в их чертах, мимике, общем выражении странно смешиваются признаки простолюдинов и интеллигентов. Он видел этих людей в поздних трамваях, когда они усталые ехали домой после работы и учебы на рабфаке. Он слушал их разговоры, в которых тоже причудливо, как ему казалось, смешивалось крестьянское и студенческое. Яхонтов думал — не эти ли молодые люди своей жизнью, своей собственной судьбой преодолеют тот «вековой разлад», который был осью его размышлений о России.

Таких же молодых людей он увидел во всех городах. Всюду грохотала стройка — шел первый год первой пятилетки — росли заводы, фабрики-кухни, дома для рабочего люда. Всюду он видел энергичных, уверенных людей, которые, скорее всего, просто не осознавали, сколь они бедны, как плохо они одеты и обуты, как мало товаров у них в магазинах. Потом он устыдился этих своих мыслей, сообразив, что невольно сравнивает их жизнь с жизнью Америки. А это неверно, неверно в принципе. Надо сравнивать 1929 год в России не с 1929-м в США, а с 1921-м, например, здесь же, в России. А в двадцать первом здесь была страшная разруха, во многих губерниях убивали за кусок хлеба, ели траву, а порой и человечину. Он забыл свои собственные расчеты. Нельзя, Виктор Александрович, стыдно.

Из Ленинграда он проехал в Москву, оттуда в Нижний Новгород, потом в Сталинград (Царицын) и Владикавказ. Дальше его путь лежал в Тифлис и Батум. (Позднее их стали именовать на грузинский манер Тбилиси и Батуми. Впрочем, а почему бы городам Грузии не называться на грузинский манер?)

Из всех других городов его тура (не считая Ленинграда и Москвы) ему больше других по старым временам был памятен Батум. И здесь произошла необычная встреча с прошлым. В 1929 году в СССР отмечали 50-летие И. В. Сталина. Яхонтов купил несколько журналов и брошюр с материалами о юбилее. В лекционных поездках по США он научился столь же эффективно обрабатывать источники, как и в библиотечном зале. Этот опыт пригодился ему и сейчас. И вот, читая какую-то брошюру,

Яхонтов узнал об одной детали в биографии советского лидера, которая его поразила. Оказывается, в начале века Сталин руководил стачечной борьбой батумского пролетариата. В статье говорилось и о «царских сатрапах», которых призывали штыками охранять эксплуататора Манташева, давать ему возможность бессовестно эксплуатировать рабочих его нефтеперерабатывающего завода.

Яхонтов усмехнулся: все было именно так. Много лет спустя он писал, вспоминая о своей службе на Кавказе в начале века:

«Однажды я был встречен на пороге дома денщиком, который сообщил мне приказ командира — немедленно прибыть на железнодорожную станцию. Через полчаса я узнал, что наш батальон спешным порядком переводится в Батум, где вспыхнула забастовка рабочих.

По прибытии в Батум батальон наш в полном составе выстроился на центральной площади. Цель была достигнута: рабочие, не подготовленные к вооруженному столкновению с войсками, вынуждены были прекратить забастовку.

Вечером того же дня всех офицеров, и меня в том числе, пригласил к себе на обед управляющий нефтяного короля Манташева, на заводе которого и происходили волнения рабочих. Все мы охотно приняли его приглашение, нисколько не задумываясь, что это была некрасивого рода «взятка», облеченная лишь в приличествующую форму признательности и благодарности «защитникам», то бишь нам...

Дня через два мы уже возвращались обратно в Кутаиси. В поезде я всю дорогу мысленно задавал себе один и тот же мучивший меня вопрос: что стал бы я делать, если бы на площади, где выстроили наш батальон, появились забастовщики?..

Эта «командировка» надолго оставила у меня в душе неприятный осадок.

В двадцать девятом году Яхонтов побывал на той же площади. Рядом девушка-экскурсовод рассказывала по-русски с грузинским акцентом группе экскурсантов — видимо, с Украины — о той самой забастовке. «Вот там выстроились вооруженные до зубов царские сатрапы», — говорила она и показывала не совсем верно, где они тогда стояли. Яхонтов, разумеется, не стал ее поправлять. Он думал о том, сколь прихотливы судьбы людей. Манташев доживает свой век где-то на западноевропейских курортах. Денег у него много. В 1919 году он выгодно

продал свои нефтяные акции сэру Генри Детердингу, который, надо думать, не сомневался, что он станет хозяином кавказской нефти. Это в его интересах вторглись тогда в Россию англичане. Их вышибли. Сэр Генри остался с носом, но жалеть его не надо — он того не стоит, да и без кавказских предприятий он остается мультимиллионером.

Бывший «царский сатрап» Яхонтов, некогда с оружием в руках явившийся сюда на защиту интересов господина Манташева, стал... Кем ты стал, Виктор Александрович? Американцем? Домовладельцем? Лектором? Ты лоялен к Советскому Союзу, ты дружественно к нему настроен и полемизируешь с его врагами? Ну-ка расскажи о себе этим экскурсантам. Поймут ли они тебя? Не скажут ли они тебе, что ты был против Сталина и его соратников-революционеров? И вообще, чем вы занимались до семнадцатого года, гражданин Яхонтов В. А.? Служили сначала царю, а потом Керенскому?

Из Батуми он отплыл на пароходе в Ялту, где теперь в царском дворце в Ливадии отдыхали крестьяне. В Симферополе Яхонтов сел на поезд и вернулся в Москву. Его тур, собственно, кончился здесь. Дальше ему нужно было в Китай. Билет, купленный заблаговременно, лежал в кармане. Интересно будет снова проехать по Транссибирской и КВЖД. Для книги, которую он пишет, очень нужно побывать в Китае. Ну, а там пароходом до Сан-Франциско и поездом в Нью-Йорк «домой» (впрочем, не пора ли перестать мысленно ставить это слово в кавычки? Нет, и все-таки кавычки нужны!).

Но этот план сорвался. Китайские генералы устроили серию провокаций на КВЖД, и железнодорожное сообщение между СССР и Китаем прервалось. Яхонтову пришлось аннулировать свой билет. В принципе, конечно, он мог проехать до Владивостока и через Японию вернуться в Штаты, но без служебной необходимости надо было думать о деньгах. Дешевле было ехать поездом до Берлина, там — в Гамбург и на пароход. Но Яхонтов не выдержал и поехал через Ленинград. Еще раз постоять над Невой, хоть один только раз!

В этот переход через Атлантику он мало бывал на палубе. Ни с кем общаться не хотелось. Он боялся расплескать впечатления. Сидел в каюте, заносил в блокнот мельчайшие детали. Он был уже достаточно искушен и знал, что память — штука капризная, из нее порой выпадает какой-то факт, цифра, имя, и это мешает воспро-

изведению целой сцены. Виктор Александрович знал, что жена, как всегда, задаст ему такой вопрос:

— Скажи, что больше всего поразило тебя?

Что он ответит ей на этот раз? Как лента кинофильма прокручивалась перед мысленным взором Яхонтова его поездка.

Пожалуй, пожалуй, вот что, Мальвина...

...Он завернул за угол и увидел, что навстречу ему шагает рота. Он еще никогда не видел красноармейцев. (Это было на второй день после приезда в Ленинград.) Ну разве мог Яхонтов утерпеть и не развернуться на 180 градусов! Ведь у него душа офицера — да, да, и такой она, наверное, останется на всю жизнь. Он пошел рядом, по тротуару, искоса поглядывая на шагающий строй.

— Запевай!— крикнул молоденький командир. Яхонтов весь обратился в слух. Приятный тенор начал дотоле неизвестную ему песню:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.

Тенору возразил окающий баритон:

Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильнее.

И вся рота грянула:

Так пусть же Красная сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой...

— Левой, левой,— крикнул молоденький командир, и Яхонтов невольно взял ногу. Он уже забыл, куда направлялся, и теперь шагал рядом с красноармейцами.

У входа в Зимний дворец командир внезапно остановил роту. Сломав строй, красноармейцы зачем-то пошли во дворец. Яхонтов не мог понять, что происходит. В тот день он узнал, что красноармейцев водят на экскурсии в музеи, и это потрясло его. Он вспомнил своего полковника, который говорил ему: «Голубчик! Армия — не университет!»

Мысли его все время возвращались к тем красноармейцам, с которыми он пришел в Эрмитаж. С какой убежденностью они пели о том, что Красная Армия всех сильнее! А она и в самом деле всех сильнее. Разве она не доказала это в гражданскую войну, когда выгоняла

интервентов, генералов и баронов — Врангеля да Унгерна...

И еще, пожалуй, его поразили музеи. Сколько же там теперь посетителей!

И еще. Вопреки ожиданиям (видимо, и на него повлияла белоэмигрантская пресса) в советских городах он видел мало красных флагов. В Америке звездно-полосатые на каждом шагу.

Когда над океаном поднялись нью-йоркские небоскребы, Яхонтов подумал: «Теперь я знаю, что такое гениальная архитектура. Это когда Адмиралтейство кажется выше Вульворта». И еще он поклялся, что обязательно свозит в СССР Мальвину Витольдовну.

Проходя таможню, он очень боялся, что у него отнимут книги. Особенно обидно будет, если не удастся провезти вот эту. Он купил ее в день отъезда. Виктор Александрович заметил, что из большого книжного магазина один за другим выходят военные и у каждого какая-то книга, явно только что купленная. Он зашел и увидел, что военные расхватывают книгу «Мозг армии». Автор Б. М. Шапошников. Он знал полковника Шапошникова по Генштабу в предреволюционные годы. Оказалось, тот самый. Яхонтов купил книгу и увидел, что это третий и последний том. «Дайте мне и первый и второй», — попросил он. Рассмеялась продавщица, рассмеялись два молоденьких командира, стоявшие рядом:

— Все надо делать вовремя, товарищ! Те тома вышли два года назад. Где вы были тогда?

Где вы были тогда, «товарищ» Яхонтов?

Слава богу, на нью-йоркской таможне все обошлось.

Как стать «красным генералом»

Дома Яхонтова ожидало приглашение президента университета Южной Калифорнии д-ра фон Кляйншмидта принять участие в дискуссии за «круглым столом» по проблемам Дальнего Востока. Виктор Александрович поехал — дискуссия могла дать кое-какой материал для его книги. Но прежде чем сесть за «круглый стол» с учеными мужами, Яхонтов по просьбе президента университета выступил с лекцией о Советском Союзе. Д-р фон Кляйншмидт собрал группу своих друзей, чтобы послушать свежие впечатления человека, вернувшегося из таинственной Советской страны, — тем более

русского человека, способного сравнить старую Россию с новой и не отгороженного от окружающих языковым барьером. Слушали Яхонтова благожелательно, собрались интеллектуалы, искренне пытавшиеся понять происходящее в СССР. Лекция читалась в узком кругу, было и несколько журналистов. «Мое выступление привело к тому,— вспоминал Яхонтов,— что некоторые газетчики решили, что я советский представитель. Очевидно, по их мнению, никто не мог быть благосклонным к этому режиму, если не являлся его частью. Так или не так, но моя фотография появилась в местных газетах с такой подписью: «Красный генерал, который выступит в университете». Поэтому следующую лекцию я начал с выражения благодарности местной прессе за представление меня в столь неожиданном и незаслуженном качестве. Подобные «ошибки» в отчетах о моих лекциях стали случаться чаще и чаще после того, как я стал посещать Советский Союз. Я никогда не протестовал, впрочем, в том и не было бы толку. Опровержение никогда не оказывает того воздействия, как первичное высказывание. Да и следовало ожидать многократных доказательств того, что моя позиция не всем по вкусу. Сначала просто непредвзятость, а позднее моя дружественная позиция по отношению к Советскому Союзу и его действиям осуждалась. Что еще можно было ждать от тех, кто никогда не хотел знать правды о Советском Союзе, никогда не желал быть честным по отношению к нему и специализировался на том, чтобы снабжать своих читателей дезинформацией об этом странном государстве, в котором совершалось нечто, выходящее за рамки их собственных представлений».

Увы, не только среди недобросовестных газетчиков находились люди, к которым достучаться с правдой о Советском Союзе было невозможно. Были такие и среди личных знакомых, разумных, казалось бы, людей. Но и они не все выдержали ту правду, которую привез Виктор Александрович из своей первой поездки на Родину. Один из таких людей, рассказывал Яхонтов, великодушно опуская его фамилию, буквально взмолился:

— Я не могу не верить вам, Виктор Александрович, я знаю, что вы честнейший человек. Но не подвергайте меня мучениям. Я не хочу, я не могу вынести, когда о большевистском режиме говорят что-то хорошее...

Там же, в Калифорнии, Яхонтов в последний раз встретил бывшего генерала барона Будберга. Когда-то в

Хабаровске он служил под его началом в штабе округа. Потом они ненадолго встретились на фронте, в 10-й армии, откуда, впрочем, барон вскоре уехал... Потом они виделись в Японии. Теперь Будберг, совсем уже старик, доживал свой век в Америке. Яхонтов стал рассказывать о своей поездке в СССР. Барон сказал: «Виктор Александрович, я вас давно и хорошо знаю как честнейшего человека и не сомневаюсь, что все, о чем вы мне рассказываете — чистая правда». Слезы навернулись у него на глазах. Он знал, что скоро ему придется умирать на чужбине...

Обсудив в Калифорнии дальневосточные проблемы и завязав полезные связи среди тамошних специалистов, Яхонтов поспешил обратно на Восточное побережье. Начиналась сессия института политики в Вильямстауне. Снова специалисты по Дальнему Востоку собрались за «круглым столом» под руководством того же профессора Блексли. Одной из тем, которую обсуждали специалисты, были советские районы Китая и сформированные в этих районах красные армии. И снова обсуждался вопрос: серьезно ли это, надолго ли это и откуда все это взялось. Не обошлось и на сей раз без кивков в сторону все того же Кремля. Яхонтов в своих выступлениях высмеивал рассуждения о руке Москвы. Думать так, говорил он, это значит игнорировать реальность. А в реальности в Южном Китае нет никаких русских, кроме белоэмигрантов. Что касается самих советских районов Китая, Виктор Александрович высказывал мнение, что это начало очень важного, имеющего всемирное значение процесса. Он сравнивал положение в Китае с тем, что происходило несколько лет назад в России. На этой сессии института Яхонтов впервые подумал о том, что Советы в Китае могут стать темой отдельной книги. Но это, говоря по-русски, «на потом». Пока надо дописывать начатый труд.

Кроме дальневосточной ситуации, вильямстаунская сессия в августе 1929 года обсудила ряд других проблем, в том числе «парадоксы современной индустрии», а именно: почему, несмотря на ее поразительное развитие, «нищета остается проблемой». Интеллектуалы, среди которых не было марксистов, искренне недоумевали. Но все же надо воздать им должное: они хотя бы осознавали, что нищета остается проблемой. Они хотя бы видели, что и в разгар «просперити» в Америке процветают далеко не все. Их хотя бы не вводила в заблуждение относительность понятия «средний американец», который, согласно

всем подсчетам, в президентство Герберта Гувера с каждым днем жил все лучше и лучше. Цифры завораживали. Правительственная пропаганда переживала золотые дни. Оппозиция поджала хвост. Курсы акций ползли вверх. Доллары возникали «из ничего», но — настоящие доллары. А сквозь увеличительное стекло кредита их казалось так много, что американцы покупали, покупали, покупали. Рассрочка никого не страшила — завтра я заработаю больше, чем сегодня, и легко расплачусь за все. Вот такая она, Америка, мистер Яхонтов, не то что ваши большевики с их то ли авантюрной, то ли бредовой «пятилеткой».

И никто, почти никто в опьяневшей Америке не почувствовал бури. Она грянула 29 октября 1929 года, и день этот вошел в историю США как «черный вторник». Начался жесточайший экономический кризис. Вскоре, как всегда, неведомый автор придумал анекдот, ставший известным всем без исключения американцам. Паника на Уолл-стрите возникла потому, что кому-то случайно понадобился один доллар наличными, а его ни у кого не нашлось. Конечно, это всего лишь анекдот, но он дает удивительно точный образ той спекулянтской эйфории, которой была охвачена предкризисная Америка. Кризис обострялся день за днем, но президент Гувер, крупнейшие капиталисты, в том числе Рокфеллер и Форд, продажные профсоюзные лидеры, «большая пресса» — все говорили, что «заминка» кончилась, а завтра все будет о'кей. Закрывались предприятия, стремительно росла безработица. За первую неделю кризиса обесценилось акций на 40 миллиардов долларов, что означало разорение массы мелких вкладчиков. «Туман отчаяния повис над страной», — писал историк Артур М. Шлезингер. Президент Гувер твердо считал, что любое государственное вмешательство в экономику, любая помощь голодающим и бездомным «аморальна», это будет покушением на священный бизнес, на «свободы» американцев. Правительство бездействовало.

Но не для всех кризис означал лишения и страдания. В те дни, когда рушилась биржа, председатель национального комитета демократической партии крупный бизнесмен Дж. Рэскоб говорил корреспонденту «Нью-Йорк таймс»: «Предусмотрительные вкладчики сейчас покупают акции в огромных количествах и получают приличную прибыль, когда эта истерия окончится и когда наш народ получит возможность в более спокойной об-

становке оценить огромную устойчивость бизнеса благодаря прочности основных экономических условий в нашей великой стране». В сущности, так оно и вышло. К 1932 году 59 процентов национального богатства сосредоточились в руках одного процента населения. Мы привыкли судить о великом кризисе 1929—1933 годов по таким книгам, как «Гроздья гнева» Дж. Стейнбека, по таким фильмам, как «Загнанных лошадей пристреливают, не правда ли?». Но в эти же годы строился «Эмпайр стейт билдинг», 102-этажный небоскреб, который был торжественно открыт 1 мая 1931 года, в самый разгар кризиса.

Яхонтов не пострадал от кризиса. На бирже он не играл, усвоив в начале своего американского житья, что бизнес — не его занятие. Взносы за дом он мог вносить по-прежнему аккуратно: текущие заработки его не уменьшились, а даже увеличились. В сезон 1929—1930 годов он имел много ангажементов. В основном Виктор Александрович читал лекции о Дальнем Востоке и о Советском Союзе. Личные впечатления, разумеется, делали его выступления интереснее. К тому же он стал одним из немногих, кто мог на основании собственного опыта сравнивать Россию царей с СССР. Словом, спрос на него был большой.

Продвигалась и книга. К сессии института политики в Вильямстауне летом следующего, 1930 года рукопись была практически готова. Там Яхонтов намеревался обсудить ряд деталей с некоторыми специалистами. К приятному удивлению Виктора Александровича на этот раз в Вильямс-колледж были приглашены советские представители. Это были работники «Амторга» во главе со своим руководителем Богдановым. Яхонтову сказали, что их приглашения активно добивался мистер Ли, служащий у Рокфеллера специалистом по связям с общественностью (паблик рилейшнз). Нетрудно было сделать вывод, что уже и большой бизнес Америки начинает проявлять интерес к ведению дел с Советским Союзом. Благожелательно встретили посланцев СССР и некоторые «киты» «большой прессы»: издатель влиятельной газеты «Крисчен сайенс монитор» мистер Эббот и президент информационного агентства Юнайтед Пресс мистер Бикел. Как со старыми знакомыми встретился с советскими гостями инженер Купер, который консультировал проект Днепростроя. Времена менялись. К переменам подталкивали и впечатляющие успехи Советского

Союза, и кризис. Но менялись времена медленно. Как бы испугавшиеся собственной смелости, организаторы института в качестве «противовеса» советским представителям пригласили фашиствующего журналиста Шеффера, которому дорога в СССР была закрыта.

Воспользовавшись сессией, Виктор Александрович договорился с несколькими специалистами, чьим мнением он дорожил, чтобы они прорецензировали его рукопись. Отзывы были положительные, но друзья настоятельно советовали Яхонтову постараться подкрепить свои рассуждения и выводы включением в текст дипломатических документов. Для этого надо было ехать в Москву и добиваться доступа в архивы Наркоминдела СССР. А допустят ли его? И сколько придется ждать решения? Но все равно надо ехать. Что-то обязательно найдется в научных библиотеках, все равно без поездки не обойтись. И тут с совершенно неожиданной стороны пришла если не полная уверенность в успехе, то, во всяком случае, твердая надежда. Яхонтов случайно встретил Федора-Фреда. Федя рассказал, что у них на фабрике большие сокращения, оставшиеся, и он в том числе, молят бога, чтоб предприятие совсем не закрылось. Воспользовавшись трудными временами, хозяин закрутил гайки. Теперь Фред работает больше, выматывается страшно, а платят ему меньше. Яхонтов рассказал, зачем собрался в Москву, а Фред вдруг предложил свою помощь:

— Помните Мартенса? Я же вас знакомил. У меня его адрес есть. Он в Москве большой человек, что надо сделает. Давайте я ему письмо с вами передам. Мы с ним переписываемся.

Яхонтов вспомнил, что еще в 1919 году Фред познакомил его с Людвигом Карловичем Мартенсом. Он был назначен официальным представителем Советской России в Нью-Йорке. Через него шли переговоры о возвращении на Родину дореволюционных эмигрантов — крестьян и рабочих. В 1921 году американские власти заставили Мартенса уехать. Сейчас он в Москве руководит каким-то научным институтом, а также изданием Технической энциклопедии. Оказывается, русские рабочие в Америке его помнят, пишут ему, а он отвечает. Чем черт не шутит, подумал Яхонтов, а вдруг и впрямь поможет. И он взял письмо у Фреда.

В январе 1931 года Яхонтов во второй раз приехал в Советский Союз. Две недели провел он в Москве, занятый усердным трудом в библиотеках и архивах. До-

ступ в НКВД обеспечил Мартенс. К нему Виктор Александрович обратился сразу же по приезде в Москву. Мартенс с удовольствием прочитал послание Федора, стал расспрашивать о судьбе его друзей из числа русских рабочих в Нью-Йорке. К стыду своему, Яхонтов смог ответить не на все вопросы: занятый сверх меры, он ослабил связь с этими людьми, давно не был у Фреда в клубе. Он откровенно сказал об этом. Мартенс грустно усмехнулся: того клуба уже нет. Кризис — помещение пришлось продать. Многие без работы. Яхонтову стало ужасно неловко... Любезный Людвиг Карлович дал Яхонтову рекомендательное письмо, где охарактеризовал его наилучшим образом, и Виктору Александровичу были даны подлинники интересующих его договоров с разрешением скопировать.

В этот приезд Яхонтов застал в Москве день памяти Ленина. К недавно перестроенному, теперь гранитному Мавзолею тянулась длинная очередь. На этот раз Виктор Александрович был один и решился пойти в Мавзолей. Он думал, что в очереди люди будут рассказывать о встречах с Лениным, о его роли в их жизни, о чем-то пусть косвенно, но связанном с Лениным. Его поразило безмолвие очереди. Случайные, краткие, вполголоса, разговоры смолкали, когда близился Мавзолей. Люди были сосредоточенны. Они думали, мысль билась в их глазах, отражалась на их лицах. Но они молчали. Яхонтов думал о том, что надо бы Западу взглянуть в эту очередь, в этих людей, которых никто не заставлял приходить сюда в январский мороз. Многие, очень многие из них были плохо одеты. У самого входа в Мавзолей Виктор Александрович оглянулся и всем существом своим ощутил, что это не случайная очередь людей, ставших один за другим без всякого подбора, — молодые мешались со старыми, хуже одетые — с одетыми хорошо, русские — с нерусскими, военные со штатскими... Он ощутил единство всех их, почувствовал, что это и есть народ. Народ шел к Ленину.

В Мавзолее все посторонние мысли о Западе и его превратных представлениях сами собой куда-то исчезли. Яхонтов сосредоточился на одном: за краткий миг встречи лучше запомнить лицо Ленина. Яхонтов тогда еще ни с кем не говорил о Ленине и не знал, что каждый воспринимает его близким к себе по разным причинам, ибо личность Ленина громадна. Трибуны видят в нем трибуна, воины — воина, ученые — ученого, добрые

люди — доброго человека. А злые люди к Ленину не ходят. Зачем им отстаивать очередь на морозе. И еще подумал Виктор Александрович, что с точки зрения России — жив Ленин. А он, Яхонтов, жив ли? Не умер ли он для России?

В тот день у него пропал билет в театр. После Мавзолея ему нужно было остаться одному. Он мерил шагами свой номер в «Гранд-отеле» и думал, думал.

...И в этот раз Яхонтов не утерпел и выехал из СССР через Ленинград. (О боже, сколько лет он не видел родного города зимой!)

В 1931 году утвердился авторитет Яхонтова как специалиста по дальневосточным проблемам. Этому способствовал ход мировых событий. Через месяц после того, как книга Яхонтова «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке» вышла из печати, Япония вторглась в Маньчжурию. Агрессия Токио вызвала подъем интереса к дальневосточному региону. На гребне этого интереса книга вызвала гораздо больший резонанс, чем на это рассчитывал автор. Кроме того, успех книги вводил Виктора Александровича в круг англоязычных авторов. Сразу увеличилось число заказов на статьи, рефераты, обзоры и, конечно, лекции. Вот так и получилось, что в Америке в целом положение продолжало ухудшаться, в то время как у Яхонтова оно крепло. Но чтобы поддерживать этот благоприятный процесс, приходилось много работать.

К сожалению, тускло прошла сессия в Вильямстауне. Лондонский профессор Грегори, который вел «круглый стол» по экономическим проблемам, даже не упомянул о существовании социалистической плановой экономики, вообще о СССР. Не потому ли, что сравнение таких фактов, как падение производства на Западе и его невиданный рост в Советском Союзе, было бы невыгодно профессору-антисоветчику?

В том году Виктору Александровичу исполнилось 50 лет. В этом возрасте многие люди начинают подводить первые итоги. У Яхонтова так складывалась жизнь, что он ощущал себя не подводящим итоги, а, напротив — начинающим.

Мальвина Витольдовна шутила:

— Нью-Йорк подарил тебе к юбилею «Эмпайр стейт билдинг».

— Лучший подарок мне сделал мистер Ковард, — отвечал Виктор Александрович. — Он рискнул издать мою

книгу. Помнишь русскую поговорку: куй железо, пока горячо?

— Значит, будет новая книга?

— Обязательно будет. О советском движении в Китае.

Несколько слов о правилах игры

Нелегко было писать книгу о советах в Китае. Материал приходилось набирать буквально по крупицам, перемалывая огромную массу пустой породы — дезинформации, лжи, клеветы, которую мутным потоком печать Запада вылиwała на все, имеющее отношения к коммунистическому движению. Кроме того, надо было заработать денег на поездку, и не только в Китай, но и в СССР, где Яхонтов справедливо рассчитывал получить много материалов по своей теме. Что касается Китая, он хорошо понимал, что надо запастись изрядным числом рекомендательных писем. Иначе он ничего не получит. На все это требовалось время и терпение. Пришлось завести связи в японском посольстве в Вашингтоне: при непрерывно усиливающейся роли Японии в Китае обойтись без японской помощи невозможно. Здесь пригодилось и знание японского языка, и опыт дипломата, аккредитованного в Токио, и разговоры об общих знакомых.

Среди всех этих забот и хлопот Яхонтов решил все же опять поехать на летнюю сессию в Вильямстаун, хотя прошлогодняя показалась ему просто потерей времени. Но на этот раз из Лондона был приглашен известный историк Арнольд Тойнби, и тема его «круглого стола», объявленная в приглашении, звучала заманчиво — «Дезинтеграция мирового порядка». Порядок в мире и в самом деле был потрясен изрядно. В США и Германии к 1933 году по сравнению с 1929-м производство сократилось на одну треть. Эти страны больше всего пострадали от кризиса. Безработица, нищета, недовольство масс достигли невиданных размеров. И там и там положение было тревожным. И там и там приближались выборы. Над Германией нависла угроза прихода к власти фашистов. В США боролись за власть Гувер и Рузвельт. Все понимали, что Гувер проигрывает. Америка бедных ненавидела его. Америка богатых опасалась оставлять власть в его руках. Гувер не пытался бороться с кризисом. В своих сумбурных выступлениях по радио он до-

говорился до того, что возложил вину за кризис на Советский Союз. Страна, которую он отказывался признать и совсем недавно изображал немощной и ни к чему не способной, теперь в его речах превращалась в некоего великана, который якобы завалил внешние рынки товарами по демпинговым ценам и тем самым расстроил мировую экономику. Рузвельт говорил о мало кому понятном Новом курсе, который выведет страну из кризиса. Но он внушал уверенность, звал к действию.

По просьбе профессора Тойнби Яхонтов выступил на тему о Советском Союзе — в рамках общей темы. Его доводы и выводы были полностью противоположны тем, что делал Гувер. В отчете вильямстаунского института о сессии 1932 года говорится:

«Генерал Яхонтов сказал, что ко времени мировой войны Россия была сельскохозяйственной страной. После войны мир подверг Россию почти полному ostracismu. Поэтому было чрезвычайно трудно восстановить ее экономику и в особенности поставить ее на индустриальную основу. Кажется вероятным, что, если бы капиталистические страны не подвергали Россию ostracismu и не отказывались от финансового сотрудничества с целью помочь ей выйти из хаоса, вызванного революцией, она была бы способной не только избежать голода, но могла бы осуществлять процессы своего возрождения в более нормальной обстановке и не в таком напряженном темпе. Приспособление остальной части мира к новой ситуации тоже могло бы проходить более спокойно. Это помогло бы нам избежать многих издержек нынешнего кризиса.

Если бы не были разорваны ее внешнеторговые связи, Россия, возможно, не взялась бы за развитие многих отраслей промышленности. Принужденная строить национальную экономику на нездоровой основе полной изоляции — строить так, чтобы стать независимой и самообеспечивающейся, Россия, естественно, занимается созданием отраслей индустрии, которые в нормальных условиях было бы экономически нерационально развивать. Этот искусственно созданный ультранационализм с изолированной самообеспечивающейся национальной экономикой шестой части мира (такую часть суши занимает Россия) неизбежно влияет на экономическую структуру всего мира и способствует нестабильности».

Стоит вчитаться в эту длинную цитату, Яхонтов говорит отстраненно, как бы со стороны взирая на события.

Он не подчеркивает своих симпатий и антипатий. Он бесстрастно ставит диагноз. Но каков диагноз! Ведь Яхонтов обвиняет буржуазный мир в том, что он, не признав русскую революцию и окружив ее кольцом вражды, обрек Россию на страдания, которых можно было бы избежать, да и сам расплатился за свою ошибку. Что это, как не тот же самый знаменитый «диагноз» Томаса Манна: «Антикоммунизм — это величайшая глупость XX века». Заметьте также: Яхонтов говорит предельно мягко, употребляет термины и словосочетания, привычные для его слушателей — буржуазных специалистов. Он соблюдает правила игры. Иначе нельзя. Иначе его просто не пригласят на зеленое поле Вильямс-колледжа и он не сможет донести до публики свои идеи.

Заметим, что его книгу «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке» рекомендовал опубликовать профессор Хоулэнд из Йельского университета, издатель влиятельного журнала «Форин афферс» («Международные дела»). Это серьезный журнал, но его влиятельность обеспечивается не только и не столько этим. Это издание СМО, Совета по международным отношениям. Совет же — это, как говорят на Западе, неправительственная организация. Их там много. Что касается СМО, то его бы следовало назвать организацией не не-, а надправительственной. Основанный в 1920 году, Совет финансируется крупнейшими капиталистами Америки. (СМО существует и сейчас, о нем нередко пишут в газетах). Нанимая лучших специалистов, СМО вырабатывает политические мнения и «рекомендации», которые публикует на страницах своих изданий. Нет закона, который бы обязывал американского президента, вице-президента, любое другое официальное лицо следовать рекомендациям СМО. Однако — следуют. Кто финансирует президентскую избирательную кампанию, тот и вырабатывает линию.

При всем при том в оценках СМО нет жесткого единообразия. За этим скрывается и несовпадение интересов различных групп большого бизнеса и — самоуверенность истинных хозяев, которые могут позволить себе поразмышлять вслух, поприкидывать «за» и «против» какой-то проблемы. Так возникает иллюзия допустимости различных точек зрения. Разумеется, в деталях, в оттенках, в методе подачи они могут различаться. На данном этапе и на таком уровне это допускается. Ну, а дальше квалифицированные исполнители, включая президентов, должны искусно выбрать равнодействующую

в указанном направлении, выбрать так точно, чтобы если не удовлетворить всех, то хотя бы не вызвать сильного недовольствия какой-то из влиятельных групп. Соображаясь, естественно, с требованием момента. При этом бывает, что отдельные идеологи, президенты и другие высокопоставленные чиновники лучше понимают обобщенные интересы большого бизнеса, чем любой отдельно взятый монополист. Забегая немного вперед, вспомним, что именно это и произошло с Рузвельтом. Весь свой недюжинный талант политика, всю свою энергию, все искусство политического лавирования он отдал во имя сохранения американской системы, у руля которой он стал в тяжелую годину кризиса. Он справился с задачей. Он сохранил расстановку сил в стране. Гроздья гнева не взорвались в Америке. «Я борюсь с коммунизмом... Я хочу спасти нашу систему, капиталистическую систему», — втолковывал Рузвельт правому газетному магнату Херсту. Тщетно. Многие, очень многие крупные капиталисты и выражавшие их интересы идеологи и публицисты так и остались при убеждении, что Рузвельт был «врагом бизнеса». Но большой бизнес обобщенно, в целом был за Рузвельта. Иначе тот не просидел бы в президентском кресле три срока.

Но это будет потом, а пока, в тридцать втором году, Америка хозяев только присматривалась к Рузвельту. Ясно было, что надо что-то делать, чтобы выйти из кризиса и избежать социальных потрясений. И — учитывать быстро меняющуюся международную обстановку.

Вот в таком контексте надо воспринимать такие факты, как поддержку Яхонтова издателем «Форин афферс». Такие люди, как мистер Хоулэнд, уже присмотрелись к Яхонтову за «круглыми столами» вильямстаунских дискуссий, поняли, что это знаток своей тематики, и решили дать ему выход на широкую аудиторию. Антисоветские выкрики, свойственные большинству русских белоэмигрантов, в серьезных изданиях не обязательны. Это не газеты Херста. Таким, как Хоулэнд, импонировало и происхождение Яхонтова «из верхов», и его генеральский чин, и, не в последнюю очередь, то обстоятельство, что этот аристократ в эмиграции не опустил, выстоял, выдержал жесткие требования, которые предъявляет к новичкам Америка, не потерял формы, остался в седле. За пятнадцать лет, прошедших после Октябрьской революции, люди Запада достаточно насмотрелись на русскую белоэмиграцию. Видели и графов за рулем такси,

и баронесс на панели. В том же Нью-Йорке один бывший генерал царского генштаба, сослуживец и знакомый Яхонтова, стал сапожником. Но генерала-сапожника мало кто знал. Зато весь Нью-Йорк и вся Америка знала парочку колоритных личностей из России. Маяковский рассказал о них, побывав в Штатах в 1925 году:

«Доллар лучше всякой агитации разлагает белую эмиграцию. Пресловутая Кирилица (нашумевшая в те годы авантюристка, объявившая о своих притязаниях на «русский престол». — Авт.), которую американцы называли «принцесс Сирил», явившаяся в Америку за вашингтонским признанием, быстро сдала — и нашла себе бойкого предпринимателя-менеджера и стала раздавать в целование свою ручку от 10 до 15 долларов в нью-йоркском Мондей-Морнинг — опера-клуб.

Даже «принц» Борис (еще один якобы «законный наследник» последнего царя. — Авт.) пустился в Нью-Йорке во все тяжкие... Он стал заниматься фотомонтажом, писал статьи из бывшей придворной жизни, точно перечислял, когда и с кем пьянствовали цари, иллюстрируя фельетоны царями с примонтаженными им на колени балеринами, вспоминая, когда и с каким царем играл в карты, кстати и примонтировав бывших царей к пейзажам всехсветных казино. От этой борисовской литературы приуныли самые матерые белогвардейцы. Как, мол, с такими персонами вести агитацию за воцарение белогвардейщины? Даже белые газеты писали с грустью — такие выступления совсем засморкали идеи монархизма».

Так что американцы могли наблюдать, как многие из наехавших русских быстро теряют лицо. Да и Яхонтов отмечал, что обычно белоэмигранты из высших слоев дореволюционной России не имели никакой специальности и не могли сносно зарабатывать на жизнь. Американцы ценят людей, способных выдержать испытания и пробиться. Английский термин сэлф-мэйд-мэн звучит комплиментарно. Яхонтов сумел в зрелом возрасте «сделать себя» в Америке. Его за это уважали.

Вокруг света

Летом тридцать третьего года, в самый разгар липкой нью-йоркской жары группа американских туристов с нетерпением ожидала на борту лайнера, когда же судно

покинет территориальные воды США. Они жаждали спиртного. В Америке еще действовал сухой закон, хотя ФДР — новый президент Франклин Делано Рузвельт — обещал его отменить. Но пока закон действует и до выхода в международные воды пить нельзя. Когда же радостная минута наступила (об этом с ликованием сообщило судовое радио), бармены принялись за работу. Вскоре в туристической группе, направлявшейся в СССР, перепились все, за исключением трех пожилых джентльменов. Одним из них был Яхонтов. Он ехал практически бесплатно. Туристическая фирма «Опен роуд» наняла его, как знающего язык и страну, руководителем группы. Но, естественно, до советской границы в его услугах никто не нуждался. Весь переход через Атлантику прошел для большинства пассажиров в пьяном угаре и в занятиях «обезьяньим бизнесом», как американцы называют постельные радости. К прибытию в Гамбургский порт почти вся группа уже состояла друг с другом в неофициальном «родстве». Из Гамбурга поездом доехали до Берлина, где предстояла пересадка на московский экспресс.

В Берлине были недолго, всего один день, но и за один день те, кто бывал здесь раньше, могли заметить, как изменился город, ставший теперь столицей тысячелетнего третьего рейха. Теперь не было нужды ехать куда-то на окраину, чтобы поглядеть на германскую экзотику, на живых, а не кинематографических нацистов. Казалось, они заполнили весь город. Или все берлинцы стали нацистами? Допущение, конечно, невозможное, думал Яхонтов, с любопытством разглядывая толпу, но внешнее впечатление именно такое. Ему «повезло»: он своими глазами увидел, как приветствует толпа марширующие колонны в черных мундирах СС. Даже не увидел, а ощутил, ибо он оказался в самой гуще этой толпы и явно вызывал подозрение тем, что оставался невозмутимым среди беснующихся людей. Он подумал даже, что, если бы не его явно американский костюм, туфли и шляпа, ему, пожалуй, могли бы и бока намать. Нет ничего ужаснее сорвавшихся с цепи благонамеренных людей. К тому времени Яхонтов уже прочитал «Майн кампф» и несколько других нацистских книг. Прочитал внимательно, пытаясь понять, как это могло получиться, что полуграмотный ублюдок стал канцлером цивилизованной Германии. На ее цивилизованность молились многие люди, среди которых он прожил большую часть

своей жизни. Да и сам он разве не считал, что в Германии в отличие от России цивилизованность — черта не только высших слоев, но и всей народной толщи. Но на фронте, в 1915 году, он увидел звериный оскал германского милитаризма. Правда, своими собственными глазами он видел не так уж много, но все же видел следы немецких зверств. Постепенно он узнавал истинный размах их злодеяний, совершенных на Украине, в Белоруссии, в Литве, по отношению к российским подданным. В Америке он познакомился с одним карпато-россом. К стыду своему, только там, в США, он узнал, что немцы учинили настоящий геноцид этого немногочисленного народа. Едва ли не половина его была уничтожена в немецком концлагере Талергоф. Так что годы войны изрядно пошатнули убеждение Яхонтова в цивилизованности немцев.

Приход Гитлера к власти поставил многих в тупик. На Виктора Александровича особенно удручающее впечатление произвело то, что нацисты не были какой-то непобедимой внешней силой — как в свое время татары на Руси. Его поразило, что Гитлера вознес в канцлерское кресло не военный переворот, как где-нибудь в Латинской Америке, не тщательно законспирированный заговор, нет — его вознес механизм парламентской демократии. Но если этот механизм не предотвращает, а допускает приход к власти явного уголовника, причем не скрывающего свою уголовную «программу», надо задуматься — хорош ли такой механизм. Об этом думал Яхонтов, лежа в своем купе. Проехали Варшаву — город, где он родился. Звук ее имени не тронул сердца — Виктор Александрович вырос в Петербурге, а не в Варшаве и своей родиной считал Петербург.

Тур был куплен солидный: Москва, Ленинград, Кавказ и Крым. Кроме волжских городов, Яхонтов увидел те же самые места, что и в первый свой приезд четыре года назад. Перемены к лучшему были разительные. И в облике городов, и числестроек, и в одежде людей. Этого, к сожалению, не могли понять его спутники. На Тверской они видели толпу, казавшуюся им по сравнению с бродвейской толпой нищих. Они презрительно усмехались в магазинах и скупали по дешевке меха и антиквариат. Они считали разрушенные церкви и отмахивались от информации «Интуриста» о числе новых заводов и целых городов. Они фотографировали пьяных и громко разговаривали в музеях, не замечая, что здесь так не принято. Яхонтов помогал робким интуристовским

переводчицам, особенно когда им задавали нескромные вопросы, например о «групповом сексе» в колхозах, где, «как известно», жены — общие.

Разумеется, в группе были и вполне приличные люди, которые искренне пытались осмыслить увиденное. По мере сил Виктор Александрович им помогал — главным образом, переводил вывески и заголовки в газетах. Но некоторые вещи ставили в тупик его самого. Как раз в это время торжественно открыли Беломорско-Балтийский канал (который замышлял еще Петр Первый!). «Читая сообщения о церемонии открытия канала,— писал потом Яхонтов,— я был особенно удивлен списком тех, кто был удостоен правительственных наград. К именам каждого отличившегося строителя добавлялись сведения о человеке, и я был изумлен, увидев среди награжденных ряд бывших преступников, политических и уголовных. По правде говоря, сначала я был шокирован подобной откровенностью и тем, что в списках шли подряд люди сомнительные и безупречные. Но, поразмыслив, я понял истинный смысл этого шага. Это было напоминанием, что каждый может ошибаться, но оставаться полезным для страны. Это означало, что каждый имеет шанс на восстановление в правах. Значит, каждый честно желающий вернуться на прямую дорогу имеет возможность поступить так и будет снова с радостью принят обществом».

Не мог понять Яхонтов и пренебрежения новой России к своему прошлому. Оно выражалось не только в разрушении памятников. В прессе и в книгах, даже в энциклопедии встречались развязные, нигилистические заявления и оценки вроде, например, такого: «Упадническая музыка Чайковского глубоко чужда современности и рабочему классу». А в Большом театре ставились оперы и балеты того же Чайковского. Виктор Александрович о многом хотел бы спросить, но знакомых в СССР у него не было. Конечно, где-то здесь жили люди, которых он некогда знал, но Яхонтов их не искал — боялся скомпрометировать знакомством с «белобандитом из приспешников Керенского».

Тур заканчивался в Ленинграде. Яхонтов проводил своих спутников до парохода, а сам вернулся в Москву. На этот раз он попадет в Китай!

И вот после шестнадцатилетнего перерыва Виктор Александрович снова едет по Транссибирской магистрали. Едет с комфортом, ходит в вагон-ресторан, как в

добрые старые времена, знакомится с людьми, не забывая сразу же дать понять, что он — иностранец, турист. Он боится поставить кого-то из попутчиков в неловкое положение — мало ли что... Правда, он избегает подробно говорить о себе. Больше всего ему не хочется рассказывать, что он был заместителем министра во Временном правительстве. Случайным собеседникам он представляется так:

— Я американец, родом из России, в Америке живу давно. По-русски говорю, как видите, свободно. По специальности востоковед, знаю японский язык. Сейчас еду в Китай.

Спутники вполне удовлетворялись этой краткой анкетой и ни о чем больше не спрашивали. О себе они рассказывали охотно. За неделю в транссибирском экспрессе Виктор Александрович переговорил со множеством людей. У него сложилось твердое впечатление, что страна вошла в пору бурного роста. Все ехали что-то строить, все учились, все были уверены в будущем. И еще — все жаловались на недостаток людей, на невозможность из-за этого сделать то-то или то-то.

А в Америке в это время миллионы отчаявшихся людей бродили по стране в поисках какой-нибудь работы... Среди них теперь был и его старый приятель Федор Плотников. Фабрику, на которой он проработал много лет, закрыли. Фред несколько месяцев мыкался в Нью-Йорке, перебиваясь случайными заработками, а потом подался на Юг. Говорят, сказал он Яхонтову перед отъездом, что на Юге сейчас многих белых берут на те места, где всегда работали черные. Жаль их, конечно, но не я такой порядок установил... В поезде Яхонтов разговаривал с девушкой-буряткой, окончившей Московскую консерваторию. Она спешила домой, где ее уже ждало место преподавателя в только что открытой школе. Тоже — сравнение...

Но вот кончилась неделя, наполненная добросердечными разговорами, белозубыми улыбками, и, как оказалось, время полной безопасности. Яхонтов почувствовал это сразу же, как только пересек границу и оказался в Маньчжоу-Го, марионеточном «маньчжурском государстве», созданном японцами на отторгнутой от Китая территории. Встретили Виктора Александровича отнюдь не маньчжуры и не китайцы, а его бывшие соотечественники. Их была целая толпа. У всех у них были китайские или японские паспорта, все они находились на правитель-

ственной службе в Маньчжоу-Го в качестве полицейских, таможенников, шпиков. В здании таможни багаж Яхонтова был тщательно досмотрен. Ищейки торжествовали — они обнаружили целый чемодан подрывной литературы. Это были книги, брошюры, журналы, копии статей о коммунистическом движении в Китае. Часть их Яхонтов собрал в Москве, но частью это были американские издания на английском. Он вез их с собой, намереваясь и в путешествии поработать над книгой. Теперь же бесценный для него материал был объявлен подрывным, не подлежащим провозу через территорию Маньчжоу-Го и конфискован. Смириться с таким произволом Яхонтов не мог и потребовал встречи с каким-либо представителем власти. Окружив его плотным кольцом, бывшие соотечественники повели «подрывного элемента» к начальнику железнодорожной полиции.

— Ба!— воскликнул тот.— Да это же генерал Яхонтов. Виктор Александрович ответил ему в тон:

— А это, я вижу, ротмистр Тарханов.

— Полковник Тарханов,— поправил тот.

— Мы встречались последний раз в 1918 году. У вас было звание ротмистра,— настаивал Яхонтов.

— Меня... мое производство в полковники утвердил верховный правитель России,— совсем уж важно пояснил бывший ротмистр. Яхонтов понял, что его произвел в «полковники» атаман Семенов. Как бы перехватив ход его мыслей, Тарханов продолжал:— Помнится, генерал, вы отказались помочь нашему героическому руководителю генералу Семенову. Потом я кое-что о вас слышал. Читал, помнится, статечку вашу, где вы Красную Армию восхвалили...

— Это не относится к делу,— сухо перебил его Яхонтов, который уже заметил, что сбоку и сзади от грозного начальника в затемненном углу сидит японский офицер.— Извольте взглянуть: у меня рекомендательное письмо, которое любезно дал мне в Нью-Йорке японский генеральный консул господин Харинуги, оно адресовано господину заместителю министра иностранных дел Маньчжоу-Го.

Последнюю фразу Яхонтов повторил по-японски. «Заместитель министра», о котором шла речь, был фактическим хозяином этого марионеточного государства. Как и рассчитывал Виктор Александрович, японский офицер выдвинулся из своего темного угла, взял письмо и внимательно прочел. Обращаясь уже только к нему,

Яхонтов сказал, что везет, кроме того, еще несколько писем к важным официальным лицам (он перечислил их, и офицер удовлетворенно кивал головой) и что во всех письмах указывается: по заданию американского института политики он едет в Китай изучать коммунистическое движение и все местные власти просят оказывать ему содействие, в том числе и в сборе литературы.

Японец взглянул на письма, вернул все Яхонтову и коротко распорядился не чинить ему препятствий.

— Ну что же, генерал, вы сразу не сказали про письмо-то? — бормотал униженный Тарханов. — Счастливого пути, генерал.

— Желаю здравствовать, — ответил Яхонтов и не удержался, добавил: — Ротмистр.

В результате Яхонтов благополучно сел в харбинский поезд. Все его вещи были целы, только чемодан с книгами опечатан. Открывать его до выезда из «маньчжурск о государства» он не мог. Поезд шел точно по расписанию, в вагонах было чисто, но отдохнуть не удалось: у пассажиров непрерывно требовали показать паспорт. Даже ночью их несколько раз безжалостно будили: «Ваши документы!»

В Харбине история начала повторяться. Целая толпа русских полицейских встречала Яхонтова на платформе. Взяли его багаж и повели к начальнику, который оказался тоже русским, бывшим жандармским генералом.

И опять Виктор Александрович объяснял, какова цель его поездки, и показывал рекомендательные письма. Харбинский начальник, очевидно, уже сориентировался и потому ограничился тем, что заставил Яхонтова написать подробную историю всего, что произошло с ним в Маньчжоу-Го.

— Мне необходимо будет приложить ваше собственноручно написанное объяснение к рапорту, который я должен представить японским властям, — простодушно сказал жандарм.

Затем он даже проявил любезность — вызвал китайского кули и велел ему доставить задержанного вместе со всеми вещами обратно в поезд.

Едва они вышли на улицу, кули сказал на отличном русском языке:

— Скоро мы им укажем их место...

Не было сомнений, что он имел в виду как японцев, так и их прислужников — русских белогвардейцев. Когда

Яхонтов вернулся в свой вагон, проводники тепло его приветствовали: полицию они не жаловали.

Наслышавшись о порядках, царивших в Маньчжоу-Го, Яхонтов не сомневался, что только рекомендательные письма к японскому «начальству» удержали его «соотечественников» от расправы. Здесь могли и «похитить», и просто толкнуть под поезд, объявив потом жертвой несчастного случая. Такое здесь случалось нередко. Понял Яхонтов и то, что информация о его передвижении обгоняет его.

О следующем этапе своего путешествия сам Яхонтов рассказал так:

«В Шанхайване, на границе Маньчжоу-Го и собственно Китая, был неопиcуемый беспорядок, не считая полного отсутствия освещения. В темноте я умудрился купить билет до Бейпина (Пекина.—*Ред.*). С помощью носильщика, продемонстрировавшего чудеса акробатики, я добрался до моего вагона. Носильщик поместил меня и мой багаж в поезд, пробившись сквозь густую толпу китайцев, рвущихся во мраке к составу. Никто не спросил у меня паспорта, никто не проверял багаж. Но со всеми этими признаками беспорядка и дезорганизации я чувствовал себя несравненно лучше, чем в комфортабельном, чистом, четко следующем по расписанию поезде в контролируемом японцами Маньчжоу-Го.

Следующим утром я прибыл в Бейпин. Чувство безопасности и атмосфера спокойствия древней столицы Поднебесной империи, комфортабельный «Отель-де-Пекин» — вот причины того, что я оставался там дольше, чем сначала планировал. Я помню это пребывание в Бейпине еще и потому, что я был там в то время, когда в Лейпциге шел процесс по делу о поджоге рейхстага. Я восхищался мужеством и умом главного обвиняемого, болгарина Димитрова. Это был настоящий борец, его поведение было выше всяких похвал.

Из Бейпина я поехал в Шанхай с короткой остановкой в Нанкине. С помощью рекомендательных писем я получил возможность встретиться со многими известными китайцами. Но хотя мне и удалось встретиться со многими людьми, которые были способны просветить меня по интересовавшей меня теме, я обнаружил, что большинство из них не склонно открыто говорить о коммунистах, о советских районах, о красных армиях. В то время о китайских коммунистах полагалось молчать, эта тема была табу. Ни в одном китайском книжном

магазине не было ничего по этой теме. Даже журнал «Чайна форум», издававшийся в Шанхае одним американцем, не допускался в эти магазины. В то же время американский магазин дал мне возможность приобрести старые номера этого журнала и некоторую другую литературу. Было трудно получить новые материалы, но в конце концов я получил возможность собрать немного и проверить то, что я нашел в Москве и в других местах.

Я встретил удивительного человека и бесстрашного борца за Китай госпожу Сун Цинлин. Великая патриотка, вдова «отца китайской революции» Сун Ятсена и сестра жены Чан Кайши, она жила под постоянной угрозой нападения, похищения или того хуже. Ее интерес к судьбам народа, ее терпимость к мнению других, открыто выражаемое ею неодобрение диктаторской политикой ее родственника генералиссимуса Чан Кайши была тому причиной. Она сказала мне, что читала мою книгу «Россия и Советский Союз на Дальнем Востоке». Госпожа Сун Цинлин заинтересовалась моим новым замыслом и любезно дала мне несколько советов».

В середине октября Яхонтов сел в Шанхае на японский пароход, идущий в Нагасаки. Он хотел побывать в Кобе и Иокогаме и на другом японском же судне отправиться через Тихий океан в Сан-Франциско. Но этому замыслу не суждено было сбыться. Виной всему был чемодан с «подрывной, красной, опасной» литературой. В Шанхае Яхонтов сдал его в багаж с тем, чтобы чемодан был напрямую доставлен в США. Но японская судоходная компания не выполнила его распоряжения, и в Кобе роковой чемодан опять оказался у своего владельца. Тут же на борту судна оказался некий господин, который стал настаивать, чтобы Яхонтов открыл все чемоданы, включая и тот, опечатанный, для досмотра. Виктор Александрович отказался это сделать, боясь лишиться рабочих материалов, и был вынужден, не сходя на берег, вернуться в Шанхай тем же пароходом.

Яхонтов не сомневался, что все его трудности построены русскими белоэмигрантами. Шанхайская русская газета в тот же день поместила заметку о том, что Яхонтов якобы «не был допущен в Японию как агент Советского Союза». Там же публиковалась длинная статья о нем, судя по всему, перепечатанная из подобной харбинской газеты. Чего только не было в статье! Начав с того, что у приехавшего из СССР генерала были якобы «конфискованы подрывные книги», газета приписала

Виктору Александровичу начисто вымышленную «биографию». Автор утверждал, что полковник Яхонтов, генерал Поливанов и другие «младотурки» готовили «революционный заговор» против царя. С Керенским, оказывается, Яхонтов подружился задолго до Февральской революции. Ну, и так далее, и тому подобное. На самом же деле он никогда в жизни не видел Поливанова, с Керенским впервые встретился уже на заседании кабинета в сентябре 1917 года. Естественно, никаких «революционных заговоров» он никогда и ни с кем не замыслил, а в Февральской революции не мог участвовать, ибо в это время служил в Японии. Но истина, разумеется, ничуть не интересовала автора статьи, целью которого было намалевать как можно более отталкивающий (в его понимании) портрет «генерала-отступника» и даже «красного генерала». Не в первый и, увы, не в последний раз сталкивался Виктор Александрович с лживыми обвинениями белогвардейской прессы.

И еще одно столкновение с бывшими соотечественниками произошло у Яхонтова в Шанхае. «Несколько русских эмигрантов,— писал он в воспоминаниях,— пришли на встречу со мной в доме одного моего старого друга, весьма уважаемого джентльмена. Когда они попросили меня рассказать о России, я почувствовал, что лучше бы этого не делать, ибо я предполагал, какой может быть их реакция. Они, однако, настаивали... В результате некоторые вскоре покинули комнату, другие делали раздраженные и неприязненные замечания, а третьи пришли в такое возбуждение, что хозяин дома вынужден был переменить тему во избежание полного скандала. Было очевидно, что в этих людях ненависть была столь глубока, что факты уже утратили ценность и не вызывали интереса. Разум был неспособен прояснить их умы. Некоторые из них жаждали видеть «проклятый советский режим» разрушенным, неважно каким методом; иные шли еще дальше и добавляли: «и любой ценой».

Большинство этих людей несомненно заслуживали жалости: они потеряли старую родину и не обрели новой, ибо надеялись вопреки всему ходу вещей возвратиться в Россию. В отчаянии они становились союзниками кого угодно, чьи интересы были враждебны Советам. Служа в различных воинских формированиях, как это было в Китае и в Маньчжоу-Го, или вступая в фашистские и другие политические организации, некоторые из этих людей ввязывались в заговорщицкую деятельность.

Многие из них расплатились жизнями за предательство».

Яхонтову во что бы то ни стало надо было сохранить собранные для работы над книгой материалы. Пришлось отказаться от намерения завернуть на несколько дней в Японию и доставать билет на пароход, идущий прямо в Америку. Наконец все хлопоты остались позади, и Виктор Александрович отправился в плавание.

Шел ноябрь 1933 года. Шестнадцатого числа Яхонтов сошел на берег в Сиэтле. В этот день произошло событие, которому он придавал очень большое значение и которого давно ждал: США установили дипломатические отношения с СССР. По дороге домой, в Портленде, штат Орегон, он сказал в интервью корреспонденту местной газеты, что этот акт является «реальным вкладом в дело мира во всем мире».

Обогнув земной шар, Виктор Александрович с поразительной ясностью увидел, где вызревают семена войны, остро почувствовал, что мир становится хрупким и его надо беречь.

Добро и зло мира сего

Как ни велико было желание поскорее увидеть жену и дочь, сразу в Нью-Йорк Виктор Александрович не поехал. Путешествие сильно ударило по его бюджету. Пришлось, воспользовавшись пребыванием на Западном побережье, прочитать здесь серию лекций. Выступил он и в городе Пало-Альто, где жил Керенский, работавший там в библиотеке Гувера. «Временный» на лекцию Яхонтова не пришел. Вторую серию лекций Виктор Александрович прочитал по пути домой в городах Среднего Запада. Но не только материальная необходимость заставляла его снова и снова подниматься на лекторскую трибуну или садиться перед микрофоном местных радиостанций. В те дни, сразу после установления дипломатических отношений с СССР, в Америке резко возрос интерес к Стране Советов. Американцы валом валили послушать человека, который уже не раз побывал в СССР и сейчас только что возвратился оттуда. Обстановка для выступлений на его главную тему была благоприятной, надо было пользоваться конъюнктурой (а он знал, что волна интереса скоро спадет — так здесь всегда бывает). В результате только к рождеству он вернулся в Нью-Йорк, завершив тем самым свою «кругосветку».

Он плотно засел за книгу, и к весне рукопись была

готова. Осенью «Китайские советы» вышли из печати и были, как вспоминал Виктор Александрович, «очень тепло встречены критикой, особенно либеральной и радикальной». Влиятельная «Нью-Йорк таймс» напечатала обширную рецензию, в которой выразила сомнения в том, что китайские советы столь сильны, как он это утверждает, и что они имеют будущее.

Авторитетный специалист доктор Эдгар Сноу поместил благожелательный отзыв на труд Яхонтова в журнале «Соушиэл энд политикл сайенс ревью», который он издавал в Китае на английском языке. Эдгару Сноу суждено было стать автором нашумевшей и до сих пор читаемой на Западе книги на ту же тему под названием «Красная звезда над Китаем», но она вышла на четыре года позднее, в 1938 году. Сноу делал, в общем, тот же вывод, что и Яхонтов, утверждая, что китайские советы очень жизнеспособны и что их существование имеет очень большое значение.

После выхода новой книги увеличилось число приглашений на лекции, как выражался Яхонтов, «от либеральных и радикальных групп». В частности, он выступил на собрании Американской лиги против войны и фашизма. Яхонтов стал все чаще и чаще выступать — и на английском, и на русском языке — перед рабочими. «К несчастью,— вспоминал Виктор Александрович пять лет спустя,— на мои «регулярные» лекторские ангажементы плохо повлиял мой интерес к рабочей аудитории. Реже становились приглашения из тех мест, где большее значение, чем то, что я должен был сказать, имело мое военное звание, мое прошлое офицера императорской армии, дипломата и, наконец, члена кабинета Керенского. В то же самое время мои выступления перед рабочими делались все более частыми. Одна опытная в подобных делах дама дала мне такое объяснение этому феномену: некоторые клубы считают несправедливым платить высокие гонорары за лекции, которые тот же лектор практически бесплатно читает «пролетариям».

Имя Яхонтова становилось все более известным, он выступал в печати все чаще и чаще. Вскоре его издатель мистер Ковард, который хорошо чувствовал конъюнктуру, предложил Виктору Александровичу написать книгу под заглавием «Взгляд на Японию». Естественно, тот с радостью согласился и засел за работу. Весной 1936 года он сдал готовую рукопись.

Материальное положение Яхонтова упрочилось на-

столько, что он смог наконец осуществить свою мечту: поехать в Советский Союз с женой и дочерью. С ними ехала целая группа, но в отличие от предыдущей поездки на этот раз подбирал ее сам Яхонтов. Это все были его друзья — американцы, а также еще одна русская эмигрантка, Ирина Скарятин, бывшая фрейлина императрицы. Теперь она приняла приглашение Яхонтовых поехать и взглянуть на родную страну. Решили никуда не заезжать и поспешить в Ленинград, где они успевали на проводы белых ночей.

Яхонтов ехал практически по тому же маршруту, что и в 1929 и в 1933 году, и снова поразился скорости перемен. Страна преображалась на глазах, и перемены во всех сферах жизни радовали. «Не было больше недостатка ни в каких продовольственных товарах, — писал Яхонтов об этой поездке, — и хотя еще трудно было найти модную одежду в магазинах, люди, встречавшиеся на улицах, а в особенности в театрах и в отелях, были одеты гораздо лучше, чем во времена моих предыдущих приездов. Экономическое развитие было удивительным; к тому времени СССР по объему производства уже обогнал все европейские страны. Этот факт был хорошо известен во внешнем мире, и только чрезвычайно наивные или злобные люди теперь говорили об «экономическом провале» советского режима. Далее, росли его международное влияние и мощь».

Яхонтов очень жалел, что он никак не попадает в Москву ни на 1 мая, ни на 7 ноября. Как хочется посмотреть военный парад на Красной площади! Говорят, что интуристам разрешают стоять на гостевых трибунах у Мавзолея. Но был разгар лета, и никаких парадов не предвиделось.

А метро? Не он ли, прочитав лет десять назад о планах построить в Москве метрополитен, мысленно заглядывая вперед, представлял себе будущие станции на Остоженке и на Арбате подобными станциям нью-йоркского сабвея. Но Москва превзошла всех! Она как будто наверстывала упущенное. Как-никак, а в Лондоне метро появилось в 1863-м, в Нью-Йорке — в 1868-м. В России Александр II незадолго перед тем подписал манифест об освобождении крестьян. Скульптор Толстой создал памятную медаль: помещик и крестьянин подают друг другу руки, их обоих обнимает за плечи царь. А в Лондоне в это время чеканили медаль по поводу пуска подземки. Вот они, точки отсчета! Но как непросто в жизни, в исто-

рии. Молодцы, метростроевцы, сотворили чудо. Безусловно, они заслужили, чтобы в их честь назвали улицу. Но зачем же для этого стерли с карты Москвы древнее имя — Остоженка? Ведь в советской столице возникают совершенно новые улицы. Вот бы и назвать одну из них Метростроевской... Станция «Дворец Советов». Нет еще дворца, дворец будет — в том сомнений нет, — но зачем ради него сносить храм Христа-Спасителя? И не задавит ли небоскреб дворца все в округе, в том числе и Кремль? Замечательно само по себе, что одна из самых главных площадей российской столицы названа бессмертным именем Пушкина. Кто знает, может быть, ради Пушкина и можно было пожертвовать названием Страстная площадь, может быть. Но зачем надо было сносить Страстной монастырь? На его месте ничего нет, пустое заасфальтированное пространство. Неужели монастырь снесли только для того, что бы видно было стандартно-скучное и ничем по нью-йоркским меркам не примечательное здание «Известий»?

Противоречивые чувства испытывал Виктор Александрович на Родине. И восхищение, и сомнения, радость и печаль, гордость и недоумение. Не со всеми своими спутниками Яхонтов был откровенен. Он считал ненужным говорить друзьям-американцам о том, как он грустит по поводу уничтоженных храмов и утраченных названий. Только с Мальвиной Витольдовной делился он своими сомнениями и (да и то не всегда) со Скарятинной. Даже с дочерью он был сдержан. Его огорчало, что Ольга смотрит на Россию глазами иностранки. Умом он понимал, что это естественно — о Родине у нее могли сохраниться лишь смутные детские воспоминания. Но кто она — американка, чешка, японка? Русская ведь...

Последний сюрприз Родина преподнесла ему буквально в час прощания. Уезжал он и на этот раз через Ленинград — а как же иначе? В последний вечер, расплатившись в гостинице, упаковав чемоданы и оставив их на попечение дежурной, они пошли в Марининский театр, уже давно, впрочем, не Марининский, а с прошлого года еще и Кировский. Пошли, рассчитав, что с последнего действия придется уйти — иначе не успеют на пароход. И вот когда в последнем антракте Яхонтов, окруженный своими спутниками, направлялся к выходу, в фойе он внезапно лицом к лицу столкнулся с Верховским. Александр Иванович был моложав, элегантен, в очках (а не в пенсне, как раньше) и — в форме комбрига Красной

Армии. Какая чудовищная несправедливость случая! Почему они не встретились ну хотя бы в предыдущем антракте! У Яхонтова счет шел на минуты. «Идите, я вас догоню», — коротко бросил он своим спутникам и протянул Верховскому руку.

— У меня считанные минуты, — быстро сказал Яхонтов, чувствуя, что спазма сжимает ему горло. — Надо бежать на пароход, вещи в вестибюле гостиницы. Я живу в Америке, но я не враг родной стране... Я друг, поверьте...

Не отпуская его руку, Верховский сказал тоже с трудом:

— В вашей честности и любви к Родине, Виктор Александрович, я никогда не сомневался и сейчас не сомневаюсь.

— Александр Иванович, на будущий год я обязательно приеду снова. А теперь — до свидания. Надо бежать.

— Найдите меня через наркомат, Виктор Александрович. Обязательно.

На будущий год приехать не удалось. Когда Яхонтов снова оказался на Родине, Верховского давно уже не было в живых.

...Осенью того же, 1936 года вышла из печати книга Яхонтова «Взгляд на Японию». Встретили ее весьма благожелательно. Только «Нейшн» посчитала автора чрезмерным оптимистом — он утверждал, что войны на Дальнем Востоке можно избежать, если США и СССР будут союзниками. Судя по всему, обозреватель «Нейшн» не осознавал советской мощи и не верил в то, что союзничество США и СССР осуществимо. А через несколько месяцев в одной из канадских газет Яхонтов прочел отзыв о своей книге, написанный графом Игнатьевым. Это было чуть ли не последнее выступление Алексея Алексеевича в западной печати перед его возвращением на Родину. «Похоже, эта книга станет пророческой», — писал Игнатьев. Но кто тогда на Западе слушал бы странного русского графа, который «продался большевикам». Веселился Париж, веселилась Варшава, не говоря уж о Нью-Йорке. Опасности не видели.

А другие видели, но считали, что с ней уже не справиться, что все равно все уже пропало, так чего уж там... Яхонтов был оптимистом, но не бездумным, а трезвым. Он считал, что силы добра, и прежде всего Советский Союз, могут победить. Не всем нравился такой подход. Это ярко проявилось в истории с одним выступлением Яхонтова по радио. Однажды ему прислала приглаше-

ние выступить солидная радиокорпорация Эн-би-си. Виктор Александрович говорил о том, что «разочарование» стало ключевым словом эпохи и стенания господина Освальда Шпенглера в его на шумевшей книге «Закат Европы» отразили этот мрак. Яхонтов напомнил радиослушателям слова Шпенглера о том, что только мечтатели верят, будто есть выход, что оптимизм обманчив. Что мы рождены на исходе эпохи и должны покорно следовать по пути к предназначенному концу... Я выступаю против Шпенглера и других поэтов мрака, сказал Яхонтов. Я оптимист по натуре.

Сказанное до этого вполне укладывалось в дозволенные рамки буржуазного «плюрализма» — тот пессимист, этот оптимист, ну и слава богу, веруйте каждый в свое, и каждому из вас найдется время у наших микрофонов. Лишь бы публика слушала. Но дальше странный русский генерал понес что-то невообразимое, вышел, так сказать, за рамки разумного плюрализма, нарушил все правила игры. Мне кажется, заявил он, что пример России дает надежду. Сейчас каждый может видеть, что в бывшей царской империи новая жизнь развивается под лозунгами молодого поколения, наполненная надеждой, верой в свои силы, доверия к своим лидерам, страстного желания созидать и наслаждаться жизнью. Это — главная черта советской литературы нашей эпохи, заявил генерал. Меланхолия, отвращение к жизни, ипохондрия, которыми были полны произведения русских авторов в прошлом, сменились бодростью и уверенностью в себе.

Виктор Александрович вспоминал, что «в результате лицо, ответственное за эту программу, было отставлено за допущение «просоветской пропаганды», и приглашения несправимому оптимисту на радиобеседы постепенно сошли на нет».

Сведения о радиобеседе, в которой «красный генерал» косвенно говорил о том, что население России поддерживает режим Сталина, были добавлены к досье на Яхонтова в ФБР. В обзорном докладе начальнику мистер Ярроу (бывший Жаров) указал на неоднократно высказывавшуюся «объектом» лояльность к Советам. Более того, Ярроу приобщил к делу им самим выявленный примечательный факт: поехав с «объектом» в СССР, подпала под его влияние белоэмигрантка госпожа де Скарятинна. Вскоре после поездки она опубликовала в Индианаполисе небольшую книжку «Впервые по старым следам». В ней она вполне лояльно отзывалась

о Советах. Вдохновленная успехом книги в кругах подобных ей русских эмигрантов из высших слоев, де Скарятинна опубликовала еще несколько путевых очерков, которые ясно показывают, что она считает изменения на своей Родине закономерными и к большевикам, реэквизировавшим ее недвижимую собственность, зла не питает.

И это, конечно, выглядело странным. Антисоветчины в Америке хватало. Огромное большинство журналов и газет при Новом курсе ФДР, так же как и при предыдущих президентах, проявляло открытую враждебность к Советскому Союзу, ко всем происходящим в нем событиям. Особенно изощрялась, конечно, эмигрантская печать.

В 1937 году на весь мир прогремел успех советских скрипачей на Международном конкурсе в Брюсселе. Призовых мест было шесть. Из СССР приехали пятеро. И все пятеро вошли в шестерку лучших. Первым был 28-летний Давид Ойстрах. «Правда» посвятила этому событию передовую, в которой говорилось о том, что музыкальная культура — предмет постоянной заботы Советского государства и Коммунистической партии. На Западе писали иное. Один венгерский «эксперт» написал: «Советы приказали своим скрипачам выиграть на конкурсе». Приказали — и все тут! Сославшись на эту «информацию» из Будапешта, белоэмигрантские газетенки сочиняли страшные подробности, какими карами в случае проигрыша страшали в НКВД Давида Ойстраха и Марину Козолупову...

А какой вой поднялся, когда в том же 1937 году начальником Генерального штаба РККА стал Б. М. Шапошников. Царскому полковнику-генштабисту не могли простить «измены». Впрочем, нетрудно было понять чувства того генерала генштаба, который ныне сапожничал в Нью-Йорке. Наверное, генерал начинает осознавать, размышлял Яхонтов, что он сам выбрал себе «карьеру» сапожника и, отгоняя эту мысль, старается верить самым дурацким версиям послеоктябрьской судьбы Бориса Михайловича.

Наивные вопросы многих леди и джентльменов в фешенебельных клубах привели Яхонтова к мысли о том, что он должен написать еще одну книгу. Но взяться за нее все не удавалось. Стремительно изменявшаяся международная ситуация требовала его выступлений на самые актуальные темы.

Когда начинаются войны

И много лет спустя Виктор Александрович не соглашался с официально принятой датой начала второй мировой войны — 1 сентября 1939 года, когда Гитлер напал на Польшу и Англия с Францией объявили себя в состоянии войны с Германией. К тому времени война шла уже давно, и началась она, считал Яхонтов, в 1931 году, когда японцы отторгли от Китая Маньчжурию. Но то было на Дальнем Востоке. В самом этом термине, говаривал Виктор Александрович, заключена система отсчета, которая принимает за начало Западную Европу. Отсюда названия Ближний Восток, Средний Восток, Дальний Восток. То же и в США — Средний Запад, Дальний Запад. Центром «мировое» общественное мнение считает Запад Европы и Восток США. Одним словом, политический Гринвичский меридиан.

Разумеется, суть дела не в «престиже» той или иной страны, и менять сложившиеся географические названия было бы нелепо. Старые представления о центре и периферии мира приводили к сегодняшним ошибкам в политической практике, чреватой общей опасностью завтра. Пока вблизи Лондона, Парижа и Вашингтона не было военных действий, считалось, что на земле — мир, с сарказмом говорил Виктор Александрович. В 1935 году Италия захватила Абиссинию, но не считалось, что мир нарушен. В 1936-м началась война в Испании — «внутренние беспорядки» (хотя Германия и Италия вмешались), «некоторое исключение», «эпизод, который скоро кончится».

Что уж говорить о «Востоке», к которому «Запад» испокон веков подходил с другими мерками. «В колониях», мол, всегда убивают. Кто их там считал, этих индусов, китайцев, негров... Западный обыватель до сих пор имеет смутное представление о Нанкинской резне, начавшейся в страшный день 13 декабря 1937 года. Японцы убили там более 200 тысяч человек, причем в основном холодным оружием, после зверских пыток и насилий. Гитлер захватил Австрию — был «мир». Гитлер в союзе с белополяками и хортистской Венгрией растерзал Чехословакию «в мирное время», получив в Мюнхене санкцию Англии и Франции. И когда, уже в апреле 1939 года, Муссолини вторгся в Албанию, все еще считалось, что война не началась. Веселился Париж, веселилась Варшава, не говоря уж о Нью-Йорке. Летом японцы попробовали крепость советско-монгольского союза. Начались бои на Халхин-Голе...

По нашу сторону баррикад

Слово сказано

Новая книга Яхонтова вышла из печати в Нью-Йорке летом 1939 года.

Виктор Александрович дал книге название «Преодоление разлада». Тем, кто был хорошо знаком с ним, кто внимательно читал его статьи, начиная с давнего цикла «Вековой разлад», сразу было ясно, о каком разладе идет речь — о разладе между «верхами» и «низами» в старой России. Но книга рассчитана не на таких людей. Книга явно адресуется к среднему американцу, иначе говоря — к буржуазной публике. Очень легко написана книга, такое впечатление, что автор сидит в компании хорошо одетых и хорошо воспитанных, довольно состоятельных леди и джентльменов и с легкой улыбкой, порой иронично, порой забавно рассказывает занимательные истории. (Знакомые говорили, что коренной американец чувствует: книга написана очень хорошо, легко, без ошибок, но — иностранцем, явно в уме переводящим с какого-то языка.)

«Преодоление разлада» сделано по всем канонам американской буржуазной литературы такого жанра. Тщательно продумано деление на главы, особо тщательно — концовки глав (чтобы удержать внимание читателя, заставить его начать следующую главу). Хлесткие заголовки. И там и здесь рассыпаны комплименты Америке, ее отцам-основателям, ее демократии, счастливой участи ее народа. Зная, как падки американцы на титулы и чины, автор не упускает случая подчеркнуть, что тот-то князь, а этот — граф. Естественно, подробно описаны все его встречи с царем Николаем II. Но все это — упаковка, оформление, прием. Автору нужно, чтобы его книгу прочли. Звучит, конечно, банально, каждому автору нужно, чтобы его книгу прочли. Но здесь тот случай, когда автор

пишет для людей, не склонных к чтению, читающих только «легкое», избегающих «серьезного», что в их глазах равнозначно «нудному». Такова буржуазная публика, таков средний американец. До конца книги автору удастся выдержать манеру светской беседы, оставаться человеком «этого круга», притом аристократического европейского происхождения. Это льстит читателю, это вынуждает его читать главу за главой. И хотя автор хитрит, он не обманывает.

Вот что он пишет в предисловии:

«Один вопрос особенно часто задают автору во время его лекционных турне. «Почему,— спрашивают его те, кто, слушая лектора, прерывает его критическими замечаниями,— почему вы, принадлежавший по рождению к так называемому «высшему обществу», выросший среди самого изысканного комфорта, имея самые благоприятные возможности для карьеры, почему вы стали на сторону простого народа против элиты, когда столкнулись с необходимостью сделать выбор?» Путаница в том, что мой выбор кажется им совершенно необычным. Я же считаю, что это был естественный выбор: и надеюсь, что, если читатель наберется терпения дочитать эту книгу до конца, он согласится со мной. Во всяком случае мой выбор не был уникальным случаем.

Современная психология считает, что поведение человека определяется не только врожденными инстинктами, но зависит от окружающей среды, включая жизнь общества, в котором он живет. Соответственно, если изменяется среда, если вмешиваются новые факторы, новые теории, их сила содействует на тех, кто не удовлетворяется лишь растительным существованием, но старается жить сознательно, понимать происходящее во внешнем мире события и оказывать влияние на будущее общества, в котором он живет и в котором должны будут жить его дети. Люди с активным складом ума, интересующиеся социальными явлениями, не могут не видеть, что все старые идеи и теории, отжившие свой век, должны постепенно заменяться более современными. В этом, видимо, главная причина того, что люди, принадлежащие к привилегированным группам, так часто выступают не только в роли сторонников реформ, которые кажутся противоречащими интересам их собственного класса, но даже в роли «разрушителей».

Декабристы, которые желали радикальных перемен в политической и экономической структуре России в 1825 году и столь дорого заплатили за свои стремления, были

высшими офицерами императорской армии. Все они были дворянами-землевладельцами, а некоторые из них — титулованными аристократами. Князь Петр Кропоткин, отпрыск одной из «лучших фамилий» царской России, стал революционером по тем же причинам. Граф Лев Толстой, один из величайших писателей мира, был «привилегированным» бунтовщиком, который требовал радикальных перемен в жизни, и не только в его родной России, но и во всем мире.

Действительно, многие русские борцы за улучшение доли простого народа принадлежали к привилегированным классам. Такими были Александр Герцен, публицист; Петр Лавров, полковник и профессор; Михаил Бакунин, апостол анархизма; Николай Михайловский, писатель; Георгий Плеханов, ученый-марксист; и, наконец, но не в последнюю очередь, Ленин и многие его соратники. Конечно, это не исключительно русский феномен. Мужчины и женщины из привилегированных классов по всему миру внесли неисчислимый вклад в дело благополучия их народов и человечества в целом. Граф де Сен-Симон был таким же аристократом, как князь Кропоткин и граф Толстой. Роберт Оуэн, социалист-утопист, был богатым купцом. Французские энциклопедисты и многие вожди Французской революции 1789 года, так же как те американцы, которые создали конституцию Соединенных Штатов и Билль о правах, принадлежали к привилегированным классам. К ним принадлежали также Карл Маркс и Фридрих Энгельс».

Вот в какой ряд ставит себя автор. Но ни разу он не называет себя марксистом, ленинцем, коммунистом, «красным». Он должен соблюдать правила игры, чтобы леди и джентльмены слушали его. С другой стороны, прочтя предисловие, можно пожалеть плечами — это, мол, общеизвестно. Так, собственно, и вся книга. Большинство ее страниц — это очень популярное изложение известных событий от начала века до 1939 года, центральное место среди которых занимает Октябрьская революция, гражданская война и интервенция. Ничего нового в «Преодолении разлада» нет. Но той публике, для которой писал Яхонтов, там все было ново. Откуда они черпали познания о России предреволюционных лет, о революции и гражданской войне, о голоде в Поволжье и блокаде, о первых пятилетках и внешнеполитическом положении СССР? Широкая буржуазная публика не читала не только Джона Рида или Альберта Риса Вильямса (это — «красные»).

Она не читала и такие сочинения, как «Катастрофа» Керенского или «История русской смуты» Деникина. Нет, не это читал средний американец. Он читал газеты и... романы таких сочинителей, как некая княгиня Радзивилл (Екатерина Ржевусская).

Эта рожденная в Петербурге польская аристократка прославилась своими интригами и аферами. Приходилось ей сидеть на скамье подсудимых и отбывать срок в тюрьме. Еще в 1883 году под псевдонимом «граф Поль Василий» она опубликовала скандальное описание двора кайзера Вильгельма I, к которому и в самом деле была допущена (ее уголовные наклонности еще не были известны). Потом ее раскусили, и даже родные от нее отреклись. Ко двору Николая II хода у нее уже не было. Но это не помешало ей в эмиграции, в Нью-Йорке, выпустить целую серию фальшивых и скандальных «воспоминаний». Они выходили под такими привлекательными для обывателя названиями, как «Интимная жизнь последней царицы», «Николай II, последний из царей», «Тайны русского двора», «Распутин и русская революция», «Упадок и крах России», «Секретная история великого падения». Книги выходили одна за другой, на разных языках, но особого достатка престарелой аферистке не принесли. В Нью-Йорке она пробавлялась в основном тем, что обучала американцев правилам хорошего тона. Дожила она до 87 лет и умерла в 1945 году.

Вот из каких источников, у каких авторитетов черпал знания о России и о русской революции американский обыватель двадцатых-тридцатых годов. Этой публике нужно было дать достоверную информацию. В этом Яхонтов видел не только долг русского патриота, но и насущную политическую необходимость. Настроения, господствующие в этих кругах, оказывали в конечном счете влияние на политику США по отношению к СССР, по отношению к союзу с ним. В этом союзе уже тогда, в 1937—1938 годах, когда писалась книга, Яхонтов видел залог будущей победы над фашизмом в будущей войне.

Почти все приведенные выше цитаты из воспоминаний Яхонтова взяты из этой книги. В основном это были описания эпизодов из жизни героя, столь богатой событиями. Но для того чтобы у читателя создалось представление о том, каковы главные идеи книги «Преодоление разлада», к каким выводам и заключениям приходит автор, приведем еще ряд красноречивых отрывков.

«Видимо, ни одно событие нашего времени не помутило столько умов, сколько русская революция 1917 года. Как

много либералов и радикалов обнаружили слабость своей жажды свободы и справедливости! Как много приличных вроде бы людей стали не только допускать искажения истины, но превратились в откровенных лжецов! Они начали осуждать революцию и ее последствия; они стали клеветать на советский режим и бессовестно перевернуть его декреты; наконец, они пустились просто в безудержную ложь. И не только отдельные личности, но целые группы и даже правительства предались всем видам этой немыслимой деятельности, такой, как нарушение дипломатического иммунитета советского посольства в Пекине в 1927 году; как взлом сейфов (дело АРКОС в Лондоне в 1927 г.); как покупка сфабрикованных фальшивых документов наподобие «письма Зиновьева» в 1926 году; как шпионаж, вредительство и саботаж внутри СССР. Даже убийства советских дипломатов, аккредитованных в разных странах, например Воровского в Лозанне, Войкова в Варшаве, вице-консула в Кантоне, стали как бы в порядке вещей.

Когда подводишь итог этой иррациональной деятельности против СССР, которая практиковалась во многих странах, поражаешься, какую высокую цену, политическую и экономическую, пришлось заплатить за глупое занятие, именуемое травлей красных. Обвиняя Россию во всех мыслимых грехах, придумывая всевозможные фантастические истории, люди были склонны игнорировать проблемы, имеющие важнейшее значение для их собственных стран. Так, неисчислимые материальные потери для всего мира были допущены из-за экономических последствий нарушения нормальной торговли и глупых попыток задушить столь обширную и населенную страну, как Советский Союз, установлением санитарного кордона и другими способами. В результате же наблюдается ненормальный рост промышленного производства в одной части мира и его недостаток в другой. Разве не правда, что из-за такой политики Россия была принуждена развивать свое собственное производство в отраслях, которые при нормальных отношениях она могла бы оставить другим странам? И разве не очевидно, что Япония не посмела бы вторгнуться в Маньчжурию и другие районы Китая, а Германия — аннексировать Чехословакию, если бы ложь о том, что «коммунизм — это худшее зло», не направляла бы политику некоторых министерств иностранных дел?»

«Во время революции 1917 г. я столкнулся лицом к лицу с конфликтом между классовой идеологией и национальными интересами; и с самого начала революции, к ко-

торой мои коллеги по посольству были очень враждебны, я чувствовал инстинктивно, так же как понимал осознанно, что я должен быстро выбрать между моим классом и моим народом в целом. В детстве меня учили, что личные желания должны быть подчинены интересам семьи — не только семьи как целого, но ее отдельных членов. Позднее, в учебных заведениях, находившихся под контролем государства, меня учили, что интересы семьи менее важны, нежели интересы страны. И, наконец, в юности я пришел к выводу, что всемирное благо важнее блага отдельной страны. Я помнил, что таким было и учение церкви, что французские энциклопедисты, уважать которых учили меня мои наставники и профессора, высказывали такие же идеи... Таким образом, выбор, который я в конечном счете сделал — стать на сторону моего народа в целом, а не только своего класса,— оказался достаточно естественным. Я помнил также, что знаменитая фраза «после меня хоть потоп» была сказана не представителем обычных людей, а циничным дегенератом из самого привилегированного класса, которого не заботило будущее своей страны и своего народа. Я не имел намерения становиться на такую точку зрения, хотя бы это и грозило мне остракизмом со стороны моего класса и сведением счетов со стороны моих коллег; было очевидно, что не все смогут одобрить мою позицию».

«Если революция и вооруженное вмешательство чужеземцев в дела моей родной страны побудили меня честно стать на сторону народа, то полнейшая лживость информации, приходившей из России, возбудили во мне желание вновь побывать на Родине и самому разобраться в действительном положении там. И чем больше я накапливал наблюдений за время нескольких своих паломничеств в Советский Союз, чем больше я вникал в проблемы, которые решались в СССР, тем больший интерес они во мне вызывали... Реальность, которую я увидел, побудила меня также пересмотреть многие мои старые взгляды на события в России начиная с 1917 года. Постепенно я пришел к выводу, что моя родная страна находится на верном пути к лучшей жизни. И я спросил себя: не является ли это несравнимо более важным, чем мой собственный комфорт и интересы того класса, к которому я принадлежал по рождению?

С моих ранних лет мне внушался кодекс патриота — дома, в школе, позднее — в армии. Но меня никогда прямо не учили, что я должен стоять со своим классом против

всего народа. Нет, это делалось косвенно, классовое сознание культивировалось многими другими методами. Все было так устроено, чтобы отделить привилегированных от остальных: образом жизни, манерами и даже языком; все служило тому, чтобы развести патрициев и плебс по двум резко различающимся мирам... Подобно подавляющему большинству офицеров в царской России, я был избавлен от необходимости делать выбор в дореволюционное время; тем более я никогда не был ни дельцом, ни помещиком, когда же произошла революция, я, конечно, должен был сделать выбор; но дело тогда прояснялось, и у защитников старых порядков мотивы классовой заинтересованности становились все более очевидными. Я мог последовать за лидерами, которые, насколько я был в состоянии видеть, имели четкие взгляды на отношения между классами и хотели победить революцию, чтобы сохранить свои привилегии; или же я должен был отойти в сторону и последовать велениям своей совести. Я сделал последнее, и думаю, что не должен был делать ничего иного. Я никогда не сожалел о своем решении. Напротив, оно стало источником счастливого чувства, что я сделал правильный поворот, что передо мной лежит ясный, верный путь, по которому я пойду всю свою оставшуюся жизнь.

Естественно, задолго до революции я уже видел, что нужны некоторые решительные перемены, хотя бы потому, что положение в стране при старых порядках определенно и неуклонно ухудшалось. Когда царь отрекся от престола, я должен был сохранять верность лишь своей стране. Таковой, по моей концепции, было соединение ее территории и ее населения. Мой собственный класс был лишь одной из частей этого целого, причем не был частью, которая имела бы какие-то особые права занимать доминирующее положение или действовать против народа в целом.

Судьба Временного правительства разочаровала меня, ибо я верил в людей, стоявших за ним. Я нашел приход большевиков совершенно непостижимым; и эта моя реакция основывалась на информации, исходящей от людей, которым я доверял и считал хорошо осведомленными. И поскольку эта информация вводила в заблуждение, а антибольшевистская пропаганда была хорошо организована, щедро финансировалась и активно распространялась, я оставался какое-то время в состоянии полной растерянности. Но когда туман начал рассеиваться, когда факты — а это упрямая вещь — начали становиться известными, я с жадностью ухватился за них, и не только стре-

мился изучить все, что мог, но проверить информацию, которой я располагал, посредством личных поездок в Советский Союз. Наконец шаг за шагом я пришел к некоторому пониманию объективной истины относительно СССР — и тому, почему она широко не известна».

Напомним еще раз, что «Преодоление разлада» было опубликовано летом 1939 года, чтобы оценить прозорливость автора, который, увы, напрасно, как и многие другие, взывал к «общественному мнению», имея в виду прежде всего средний класс. Итак, выдержки из заключительных страниц книги:

«Сейчас фашизм угрожает другим странам более непосредственно, чем Советскому Союзу. Фашистские державы сейчас направляют свой гнев против старых демократий, а не против СССР. Ведь они, а не Советский Союз — их старые конкуренты на мировых рынках. Мы не должны обманываться широко обсуждаемой теорией, что фашизм был рожден из коммунизма как противоядие последнему... Думается, что фашизм порожден скорее не коммунизмом, а стремлением добиться преимуществ в борьбе, которую ведут между собой капиталистические страны. Во всяком случае, претензии фашистов на то, что они борются с коммунизмом, подобны дымовой завесе для зрителей... Япония грабит Маньчжурию под этим предлогом. Италия и Германия успешно утвердились в Испании с помощью своего агента Франко под доведенными до абсурда антикоммунистическими предложениями. Следовало бы спросить тех, кто верит им, что случится с их интересами? Советский Союз не потерял ни концессий, ни привилегий ни в Китае, ни в Испании, ни в Эфиопии, ни где-то еще, потому что у него их не было. Жертвами стали те великие (и не только великие) державы, чьи правители проводили политику умиротворения вместо того, чтобы защищать интересы своих стран, давать отпор агрессорам».

«Многие события в США за последнее десятилетие напоминают мне беды России в годы, предшествовавшие революции 1917 г. В обеих странах люди заняты построением собственного счастья, проявляя мало интереса к будущему Родины. «Высшее общество» в России было склонно ничего не слышать, ничего не видеть и предаваться наслаждениям в раю для дураков, в то время как народ голодал и страдал от болезней режима. «Высшее общество» повсюду кажется одинаковым. Те русские, которые «доблестно» защищали монархию от наступления свежих сил, предавались тем же иллюзиям и так же обвиняли своих противни-

ков в «радикализме», как это делают сегодня реакционеры во всем мире.

Но по крайней мере в одном отношении Соединенные Штаты кажутся мне несравненно более счастливыми, чем Россия Николая II. Ибо около полутора веков — с самого возникновения своего государства — народ Соединенных Штатов жил в условиях демократии, хотя порой формы ее бывали искаженными. Но теперь, после длительной депрессии, имея наглядные примеры быстрых фашистских методов «разрешения» экономических трудностей, демократия находится под серьезной угрозой даже в «стране свободы». По этой причине, в числе прочих, я горжусь тем, что начиная с 1934 года, когда я был приглашен выступить на конгрессе Американской лиги против войны и фашизма, я стараюсь не упустить ни одной возможности указать на опасность этих двух врагов народа, фашизма и войны, в своих лекциях и выступлениях в печати. Я совершенно убежден, что фашизм, основанный на ненависти и прославлении войны, является для человеческой расы врагом номер один.

К счастью, допустить, что демократии грозит фашистская опасность, это не то же самое, что считать, будто триумф фашизма неизбежен. Но полагать, что его триумф невозможен потому, что, например, этого не допускает конституция Соединенных Штатов, было бы опасной наивностью. Считать, что фашизм не имеет будущего, потому что это шаг назад и он не имеет экономической базы, не означает, что он не может добиться временного успеха. Нестественная ситуация может быть создана и навязана временно какой-то нации, если эта нация не сумеет вовремя разгадать заговор и принять защитные меры. Все зависит от самих людей и особенно — от среднего класса. Нацистов и фашистов это тревожит. Методом господина Гитлера было успокоение среднего класса, которому он разрисовывал картины буржуазного рая под сенью национал-социалистского движения. То же самое и теми же методами делается и в других странах сторонниками фашизма. Одним из методов, который они применяют, заключается в том, чтобы пугать средний класс жупелом социализма, «ужасами» революции и угрозой со стороны бородатых «большевиков». Очень часто это приносит быстрые результаты; и еще до того, как средний класс осознает обман, он становится такой же жертвой фашизма, как рабочие и крестьяне. Средний класс никогда не попадает в обещанный рай; он всегда недостижим, ибо фа-

шизм принимает нынешнее классовое расслоение за постоянное состояние общества. Обнаружив эту неприятную истину, средний класс должен осознать, что у него нет иного выбора, кроме как присоединиться к единому фронту непривилегированных и скорее включиться в революционную борьбу. Хозяева фашистских государств, верящие только в грубую силу и в насилие, будут жаждать только силы и насилия.

Самое ужасное это то, что многие сторонники демократии упорно отказываются осознать угрозу наступающего фашизма. Самое ужасное, что многие люди, обманутые пропагандой, верят, что фашизм озабочен лишь борьбой с социализмом и коммунизмом...»

А последний абзац книги звучит так:

«Подводя итог моему двадцатилетнему пребыванию в Америке после русской революции, я искренне могу сказать, что более чем когда-либо убежден в том, что счастье индивидуума тесно зависит от счастья его народа и что нет индивидуума или народа, который мог бы наслаждаться подлинным миром и благополучием, окруженный нищетой и страданиями других».

Пожар все ближе

Мальвина Витольдовна шутя говорила, что муж ее, хотя не курит и не пьет, имеет все же разорительную страсть — радиоаппараты. То было время бурного развития радиотехники. С каждой новой моделью появлялась возможность все надежней и качественней слушать самые отдаленные станции. Немудрено, что, получив деньги за книгу, Яхонтов первым делом поспешил купить себе очередной «супер». Все больше и больше времени проводил он у приемника. Шло тревожное лето 1939 года.

Правда, американцев больше тревожили не Халхин-Гол и даже не Гитлер, а кризис, который с каждым месяцем ощущался все сильнее. Грозный призрак Великой депрессии, ужасая людей, все выше поднимался на горизонте. Наученное горьким опытом 1929—1933 годов, правительство пыталось противодействовать ударам непознаваемой экономической стихии. Промышленникам предоставлялись правительственные субсидии, фермеров поощряли сокращать посевные площади, скупали у них излишки продовольствия. Но все это мало помогало. Рузвельтовский Новый курс — не палочка-выручалочка, говорили про-

тивники президента, число которых все росло и росло.

Яхонтов окунулся в стихию этих разговоров, когда, поддавшись уговорам жены, отправился вместе с ней отдохнуть на ранчо.

Материальное положение его упрочилось, и они смогли позволить себе отдых не в курортной толпе, а на ранчо, как будто они гостили в поместье какого-нибудь богатого помещика в старой России. Так все здесь было «по-сельски» и в то же время комфортабельно, так все «по-домашнему». И так приветлив и старомодно учтив был сам хозяин мистер Эдвардс, и не случайные были у него «гости» — отдыхающие, а по рекомендации. Ну, и за все, разумеется, полагалась отдельная плата. Но сейчас о деньгах думать не хотелось. После вымотавшей его работы над книгой Яхонтов и в самом деле должен был сделать передышку. Свежий воздух — никакого бензина! — парное молоко и верховые прогулки по лесным дорогам действительно оказывали целительное действие. Но вечера, когда другие отдыхающие усаживались играть в бридж, Яхонтов отдавал политике: приемник и газеты. Причем радио он ценил все больше: новости приходили быстрее и менее искаженными. Во всяком случае, не подвергнутыми «потрошению» еще и в газетах.

Одной фразой обошелся как-то обозреватель, сказав, что в Москву отправилась англо-французская военная делегация. Яхонтов понял, что цель СССР — создать единый фронт против фашизма. К тому времени, к августу, Гитлер уже присоединил Австрию и Чехию. Фашистская Словакия, Венгрия были его сателлитами, Италия и Болгария — союзниками. Муссолини захватил Албанию, нависал над Грецией. Старый знакомый Яхонтова Маннергейм, когда-то генерал-адъютант Николая II, теперь держал под финским прицелом бывшую столицу царей, все больше и больше сближался с немцами. Сердечный друг Германии — Япония, хотя и получила по зубам на Халхин-Голе, разумеется, не переставала быть смертельно опасной...

Виктор Александрович впивался в скудные газетные сообщения, пытался представить себе, о чем говорят в Москве. Писали мало и невразумительно. Пожалуй, четче всех обрисовал ситуацию швед Рагнар Стром. «Москва выдвинула на переговоры третьего человека в государстве, — написал он. — Маршал Ворошилов, без сомнения, влиятельная, авторитетная и, что немаловажно, очень популярная фигура. Выставлять на переговоры кого-то выше него было бы просто неприличным. Да и кто выше

Ворошилова в СССР — Молотов и сам Сталин. В то же время уровень и полномочия англичан и французов оскорбительно низки. Можно только удивляться выдержке и целеустремленности русских, которые готовы поступиться протокольными издержками ради успеха переговоров. Однако ключи от успеха «забыты» в Лондоне и Париже».

Двадцать первого августа во время дальней прогулки лошадь Яхонтова сбила ногу, и на ранчо пришлось возвращаться пешком. Добрался он уже в темноте.

— Хелло, генерал! — окликнул его, попыхивая сигарой, Чарли Доули, бизнесмен, занимавший соседнюю комнату и тоже не любитель карт. — Спешите к радио. В Европе сенсация: завтра в Москве будет заключен пакт...

— Пакт? Значит, англичане и французы все-таки...

— Нет, нет, Виктор, — прервал его Чарли. — Пакт о ненападении решили заключить Россия и Германия. Риббентроп летит в Москву. Неожиданная рокировка, не так ли?

В первое мгновение Виктор Александрович подумал, что далекий от европейской политики бизнесмен что-то перепутал. Не сразу он осознал, какой блестящий ход сделала советская дипломатия. Поужинав (а он изрядно проголодался за столь долгую вынужденную прогулку), Яхонтов собрался засесть «за радио», но Чарли Доули очень вежливо, но и очень настойчиво попросил уделить ему часик. В Америке деликатность русского интеллигента — не очень удобное свойство. Яхонтов согласился, хотя, целиком занятый мыслями о политике, досадовал на бесцеремонность соседа, который, видимо, не понимал его состояния. О чем же он будет его спрашивать? — не о советско-германском же пакте, черт возьми.

Они расположились в уютной беседке, стоящей в отдалении от дома. Чарли раскурил сигару и неожиданно спросил:

— Виктор, война будет?

Яхонтов рассмеялся:

— А вам это зачем, Чарли? Занимайтесь своим бизнесом. Когда она начнется, узнаете из обзора новостей. В вашей-то жизни война ничего не изменит...

— Вы презираете меня?

— С чего вы это взяли? — Яхонтов всерьез обеспокоился. — Напротив. Вы мне симпатичны, Чарли. Только — давайте честно! — я не понимаю, зачем это вам. Для

меня речь идет о трагедии, которая надвигается на... на ту страну, откуда я родом, на цивилизацию...

Чарли остановил его движением руки:

— Трагедии у каждого свои, генерал. Кстати, признайтесь, вы ведь ничего не знаете обо мне, кроме того, что я бизнесмен и не играю в бридж. Но это практически ничего не говорит о человеке. Вам-то я могу сказать, что мое положение отчаянное, на моем месте европеец уже, может быть, наложил бы на себя руки. Извините, у каждого своя гордость. У вас — своя, у нас — своя. В крысиной драке — а бизнес это крысиная драка, генерал! — европейцы послабее нашего брата. Я не только разорен, я в страшных долгах. И здесь я только потому, что это надо скрывать, надо держать марку. Чтобы говорили: о, старина Чарли опять отдыхал на ранчо, видно дела его совсем неплохи... Так вот, мне нужен совет профессионала. Пока я ничего не смогу заплатить вам, но — слово джентльмена... не перебивайте меня, генерал. Вы знаете, что такое консультационная фирма? Их бизнес — продавать советы...

— Я не понимаю, — попытался опять было возразить Яхонтов, но Чарли неумолимо и напористо продолжал выстреливать фразы:

— Итак, мне надо знать ваше мнение по таким вопросам. Будет ли война? Когда? Втянутся ли в нее Штаты? Какая будет война — затяжная или скоротечная? Какого рода оружие будет иметь наибольшее значение? От ваших ответов зависит, как мне быть с моим бизнесом, — заключил Доули несколько туманно.

Виктор Александрович изложил ему свое мнение, сказал, что война вспыхнет вот-вот, что она будет очень жестокой, видимо — долгой, что Америке не отсидеться в нейтральном окопе, во всяком случае с Японией воевать ей придется, что будет возрастать роль прежде всего авиации, затем флота и танков. Чарли слушал внимательно и еще раз, несмотря на протесты Яхонтова, заверил, что гонорар за ним не пропадет. В ту же ночь бизнесмен уехал.

Наутро Яхонтов погрузился в газеты, начав, как всегда, с «Нью-Йорк таймс», которая взревела заголовком во всю ширину полосы: «Лондон потрясен. Германо-советский пакт принят со злостью и остоленением».

Все последующие дни Яхонтов неоднократно поражался наглому цинизму мюнхенцев во всех странах, явному выражению их злобной досады. Французская газета «Тан» договорилась до того, что назвала шаг Гитлера «изменой».

«Пакт означает отказ Германии от натиска в сторону Балканских стран, от ее планов в отношении Украины и от ее надежд на выход к Черному морю, отказ от всего того, что составляет основу германской экспансии в сторону Востока», — писала «Тан». Японцы открыто заявили, что в связи с германо-советским пактом они пересмотрят свою политику; император принял отставку правительства. Дорри Томпсон, популярная в те годы американская обозревательница, сказала по радио, что пакт является величайшей победой Сталина. Поездка Риббентропа в Москву показала, что Германия напугана. Советское правительство относится с недоверием к Англии и Франции и стремится к нейтралитету в предстоящей войне... Словом, понял Яхонтов, мюнхенцы на этот раз промахнулись. Натравить Гитлера на Россию им не удалось, оттого и беснуется.

...Поздно вечером Яхонтов слушал Рагнара Строма из Стокгольма, который, обобщая мнения западноевропейской прессы, сделал вывод, что Англия предлагает новый Мюнхен, на сей раз выдавая Гитлеру северную часть Польши. Весь вопрос в том, согласится ли на это фюрер. Как он решит — покажет ближайшее время, одно я бы не подверг сомнению, сказал швед, это то, что Англия и Франция из-за Польши в драку не полезут. Хотя заключенные ими договоры накладывают на них именно такие обязательства. Но с тех пор как они отвергли дополнительные гарантии, предлагавшиеся им Советами, Англия и Франция четко дали понять фюреру, что они не вмешаются. Из достоверных источников мне известно, закончил Рагнар Стром свой обзор, что Гитлер в узком кругу обозвал Чемберлена и Даладье весьма нелестными словами. Я воздержусь от их дословного перевода. Но информирую радиослушателей об их смысле. Смысл в том, что фюрер считает лидеров Англии и Франции обманщиками и трусами. Первое — трагично для Польши, второе — вполне устраивает Германию.

Было 27 августа 1939 года.

Пожар у порога

В Америке новости узнают «на день раньше», и не потому что американцы богаты и могут приплатить за сверхоперативность, а просто из-за разницы во времени. Когда в ночь на 1 сентября 1939 года в Европе началась вторая

мировая война, в Америке было еще 31 августа. Сообщили, что немцы перешли границы Польши на севере и на западе, бомбили Варшаву, Краков, Гродно, Вильно, Брест-Литовск...

Сложная и странная вещь человеческая психология. Несколько лет назад Яхонтов проезжал в поезде через Варшаву, и ничто не шевельнулось в его сердце, хотя он отлично знал, что родился в этом городе. Подумал тогда, что раз увезли его отсюда младенцем, то и родиной он этот польский город считать не может. Петербург — его родина. Все так. Но слушая ликующий лай берлинского диктора о том, что горит и рушится Варшава, он испытывал боль и устыдился своего недавнего равнодушия к этому городу. Ведь там служил его отец, военный юрист генерал Александр Дмитриевич Яхонтов. Выходец «из простых», он сделал карьеру сам, не опираясь ни на чьи протекции. В Варшаве жили, любили друг друга, пестовали детей родители Яхонтова, которых он не помнит. Почему он не заехал в Варшаву, не посмотрел хотя бы снаружи на дом, где жила семья Яхонтова-старшего? А теперь и дома, судя по всему, не останется...

— Надо ехать, — сказал Виктор Александрович жене. — Война!

— Куда ехать? Зачем? — Мальвина Витольдовна печально улыбнулась. — Ты забыл, Виктор, где мы живем. Здесь войны нет. Посмотри на них...

Отдыхающие на ранчо Эдвардса были в крайнем возбуждении, но не оттого, что на какую-то там Варшаву или вообще бог знает кому известное Гродно падали бомбы, что там рушились дома, страшно кричали искалеченные люди и на глазах матерей гибли их дети. На ранчо рвали друг у друга газеты с котировкой акций. 30 августа биржа дала неожиданный всплеск — акции военных концернов резко подскочили в цене. Неужели кризис идет к концу? Да здравствует война! 3 сентября Англия и Франция объявили Германии войну. 5 сентября Рузвельт объявил о нейтралитете США. Всплеск на бирже пошел на убыль. 6 сентября приехал Чарли Доули — в новом автомобиле. Порывисто обнял несколько обалдевшего Яхонтова и даже прослезился: «Виктор, дорогой мой генерал, вас послал мне сам господь бог...»

После завтрака они взяли лошадей и отправились на прогулку по холмам. И Виктор Александрович уяснил, что произошло с Чарли. Яхонтов уже замечал, что у самых циничных американских бизнесменов нередко встречается

какое-то непостижимое то ли суеверие, то ли преклонение перед каким-то, казалось бы, совсем не подходящим авторитетом. Именно это случилось и с Доули. Он свято уверовал в политические прогнозы чудаковатого и бескорыстного русского генерала и сыграл в отчаянно рискованную игру. Дела Чарли были, как уже знал Яхонтов, в весьма плачевном состоянии, и дополнительный кредит получить ему было трудно. Но он все же достал кредит — под грабительские проценты — и вложил все до последнего цента в акции военных фирм. 30 августа он снял сливки, но не вышел из игры, а еще раз, два и три, смертельно рискуя, покупал и снова продавал. Так, играя на повышение, Чарли за три дня заработал столько, что расплатился со всеми долгами и стал миллионером. Теперь, по его мнению, после заявления Рузвельта стоимость военных акций будет падать, но в перспективе, как учит его добрый гений — генерал Яхонтов, — они все равно пойдут в гору, поэтому сейчас главная задача — угадать самую низшую точку спада и покупать, покупать... Но я буду делать это уже без смертельного риска, заключил Чарли. Минимум для жизни и на колледж для сына я не трону... Генерал, я все же хотел бы поговорить о вашем гонораре...

Но Яхонтов оборвал его и просил никогда впредь к этой теме не возвращаться.

— Странные вы люди, — покачал головой новоиспеченный миллионер. — Но, надеюсь, выпить со мной шампанского не откажетесь?

— Не откажусь, — засмеялся Виктор Александрович. Шампанское было единственным спиртным напитком, которое он употреблял, и то весьма в умеренных дозах. Последний раз Яхонтов пил водку по прибытии в полк после окончания училища. Как полагалось, в честь нового товарища господа офицеры устроили попойку. Подпоручик Яхонтов, по-видимому, получил, выражаясь медицинским языком, сильнейшее алкогольное отравление и сорвал голос, стараясь громче всех пропеть, вернее, прореветь «Боже, царя храни».

В тот вечер у Чарли, видимо, отпустили нервы. Он говорил, говорил, говорил... Суть его рассуждений сводилась к тому, что каждому человеку должно же хоть раз в жизни повезти. Так вот повезло и ему. Он все время предлагал тосты за Яхонтова и за войну. Виктор Александрович, обмениваясь понимающим взглядом с Мальвиной Витольдовной, только кивал. Говорить Чарли о том, что война — это ужас и смерть, было бесполезно. Не горящие

польские деревни, а цифры на биржевом табло — вот что такое была для него война.

Да, Мальвина, как всегда, права. Уезжать раньше намеченного срока из-за столь далекой отсюда войны было бы неразумно. Они покинули ранчо Эдвардса в оговоренный срок — 16 сентября.

В тот день бездарные и ничтожные польские правители бросили народ на произвол фашистов и, прихватив золотой запас, бежали в Румынию. Там они были интернированы. Польша перестала существовать как государство. На следующий день Красная Армия двинулась навстречу наступающему вермахту и взяла под защиту братьев, заняв Западную Украину и Западную Белоруссию. Яхонтов ожидал, что американская печать поднимет антисоветскую свистопляску, но этого в целом не произошло. Из разговоров в своем клубе он уяснил причину этого. Здешние мюнхенцы рассчитывали, что вермахт и Красная Армия не остановятся в своем движении соответственно на восток и на запад и вожаемая советско-германская война все же начнется. Но Красная Армия не «делила Польшу», как визжали мюнхенцы, а выполняла ограниченную, исторически оправданную задачу — воссоединить с матерью-родиной западные районы Украины и Белоруссии. Об этом писали здравомыслящие западные журналисты, в том числе Рагнар Стром. В сущности, это было возвращением к линии Керзона, которую в 1920 году перешел Пилсудский.

Неожиданную реакцию на выступление Красной Армии Яхонтов увидел, посетив по просьбе своих друзей-рабочих Украинский народный дом в бедном квартале Даунтауна. Там его многие знали по лекциям и оказывали всяческие знаки уважения. Яхонтова поразила атмосфера ликования, которая там царила в тот день. Один за другим выступали клубмены и на смеси русского, украинского, белорусского, польского и английского языков говорили о том, как все теперь замечательно поворачивается на Родине. Половина их приехала в Америку еще до революции, но половина вынуждена была покинуть Польшу Пилсудского. Украинцам и белорусам там житья не было. Случалось, что «хохлов» выбрасывали из поезда за пение украинских песен. «Господи боже мой, — горячился Ярослав Бойчук, с которым Яхонтов был уже давно знаком, — да если б знал я, что так повернется, я б с родной Тернопольщины ни в жизнь не подался в эту Америку, будь ей пусто!» И так говорили многие. В тот вечер много пели и

плясали. Но — «большая пресса» не почтила вниманием вечер в Украинском народном доме...

Через месяц Виктору Александровичу позвонил его издатель мистер Ковард:

— Виктор, давайте пообедаем в клубе. Думаю, что «Преодоление разлада» надо готовить к переизданию. Весь тираж распродан — война началась, как вы и предсказывали...

Война ли? Об этом говорили в клубе. Яхонтов рассказал, что японская газета «Кокумин» назвала англо-франко-германскую войну «странной». Потом этот термин перекочевал и в другие газеты. Американская печать предпочитала слово «фони» — то есть фальшивая, поддельная, обманная. В самом деле, война, объявленная Англией и Францией еще 3 сентября, так и не началась. Клубмены не стеснялись при Яхонтове. Прикидывали так и эдак, как бы сравнить Россию с Германией, а самим остаться в стороне от огня. Об этом открыто говорил президент херстовского агентства Юнайтед Пресс мистер Бэйли, вернувшись из Европы. К этому взывал генерал Франко. «Необходимо прийти к быстрому мирному соглашению...» — говорил он на пресс-конференции. — Германия должна остаться достаточно прочным барьером, чтобы не дать Европе ориентироваться на политические и социальные идеи великой и растущей России». Почти теми же словами те же идеи высказывал Уолтер Липпман, чье здравомыслие высоко ценил Яхонтов.

В эти месяцы так прозрачна была классовая подоплека всех политических оценок и действий! Яхонтов не поверил своим глазам, прочитав об инциденте в британском парламенте. Когда раздались требования начать бомбежки Рура — арсенала Германии, — министр авиации Вуд воскликнул: «Это же частная собственность!» Немцы ответили любезностью на любезность. Через итальянскую газету «Авенире» (между Италией и Англией была еще сердечная дружба) они пугали англичан: «Тень России надвигается на Британскую империю...» В статье страшили тем, что русские, захватив Швецию с Норвегией, скоро объявятся в Северном море, что они «мечтают о Босфоре», и тем, что «в Азии уже говорят о возможности перехода границ русскими, которые стремятся к Индии». «Перед лицом надвигающейся со всех сторон большевистской бури останется ли Англия долгое время безразличной и неактивной?» — заключалась эта «статья ужасов». Словом, и гитлеровская, и чемберленовская шайка, формально находя-

щиеся в состоянии войны, любезно уступали друг другу дорогу на Москву...

— Генерал, почему все же вермахт дал Советам взять Львов и Белосток? — спросил мистер Ковард за обедом.

— Потому что,— улыбнулся Яхонтов,— от тайги до британских морей Красная Армия всех сильнее... Такую песню поют красноармейцы, и пока жизнь ее не опровергла.

Пусть и «странный», «ненастоящий», но все-таки объявленная война, предсказанная Яхонтовым, вызвала очередной всплеск интереса к его лекциям. И снова мелькали города, стучали вагонные колеса, суетились негры-проводники, стандартно улыбались дежурные в отелях, так же аплодировали в аудиториях. Это длилось до 30 ноября, начала советско-финской войны, когда в США под вопли об «агрессии красных» антисоветизм резко пошел вверх. Финских дипломатов, журналистов, профессоров, посланцев бог знает откуда взявшихся «институтов» встречали на «ура». Яхонтов не сомневался, что это фашисты пытались втянуть в антисоветский блок Америку. Да и здесь желающих сыграть в поддавки было предостаточно.

Для Виктора Александровича это было нелегкое время. И лекции нередко превращались в баталии, где нельзя было промахнуться ни единым словом. Ибо судили сытые благополучные господа, которым порой удачное словцо было важнее сути дела. Одну из таких лекций вскоре после рождественских праздников он читал в Принстонском университете. «Для баланса» пригласили немца профашистских взглядов и американского «специалиста по Западной Европе». Видимо, Яхонтов говорил убедительно и сумел растолковать слушателям подлинные причины советско-финского конфликта, ибо и в обстановке тех дней симпатии зала оказались на его стороне.

«По окончании этого собрания,— вспоминал Яхонтов много лет спустя,— ко мне подошел один из профессоров Принстонского университета, знаток древней истории Ближнего Востока. Он спросил меня, не соглашусь ли я выступить у него в доме перед небольшой группой «интересных» людей. Я согласился, и через несколько дней получил от профессора письмо, приглашающее меня пообедать у него и сообщавшее, что моими слушателями будут в числе прочих великий ученый Альберт Эйнштейн и знаменитый немецкий писатель Томас Манн. Как оказалось, жена профессора была переводчицей ряда произведений Т. Манна. Конечно, столь избранный состав аудитории ме-

ня смутил, но, будучи солдатом, а солдатам, как говорят, не полагается пугаться, я ответил, что в назначенное время буду в доме гостеприимного хозяина. Я задумался о том, что же сказать группе мировых знаменитостей? Решил говорить на тему: «А что, если Гитлер победит?» Конечно, такая тема была своего рода вызовом либералам, предпочитавшим избегать острой постановки вопросов».

Заметим, что здесь Яхонтов уже отдаляет себя и от либералов — что же, время идет. На этой лекции Виктор Александрович прямо заявил, что «спасения надо искать в социализме».

«Когда я кончил,— продолжает он свой рассказ об этом памятном вечере,— Томас Манн выступил с возражениями. «Кроме фашизма и социализма есть еще демократия, за которую и надо держаться»,— сказал он. (При всем том, когда в скором времени СССР оказал героический отпор фашистской агрессии, Томас Манн безоговорочно, отбросив все сомнения, приветствовал Советскую страну.) В тот раз у меня возникло какое-то смутное, не особенно приятное ощущение: ведь я не сумел убедить всех своих слушателей. Альберт Эйнштейн, по-видимому, меня понял. К тому же он был, очевидно, не вполне согласен с Томасом Манном насчет демократии западного образца как универсального якоря спасения. Уходя из гостиной, где происходила наша беседа, он обнял меня за плечи и сказал: — Они к этому еще не готовы...»

Подъем антисоветизма привел к тому, что дополнительный тираж «Преодоления разлада» лежал нераспроданным. Но неунывающего мистера Коварда это не смущало — он свято верил в звезду своего протекже. Ковард советовал Яхонтову написать дополнительную главу, рассказав о событиях 1938—1939 годов, но Виктор Александрович отказался. Ему не хотелось возвращаться к тональности книги, рассчитанной на чтение рассеянными леди и джентльменами в уютных и безопасных гостиных. Не переставая читать лекции и полемизировать с недругами, он написал другую большую работу, причем на русском языке: статью «Русско-американские отношения». Ее выпустила русская секция рабочего издательства. Начал он «от печки» — от выхода русских к Тихому океану, от экспедиции Беринга и довел повествование до самых последних дней. Автор выражал надежду, что антисоветская свистопляска в США окажется явлением временным и стремление к сотрудничеству восторжествует.

От внешнеполитической детализации в конце статьи ав-

тор уклонился, ибо ситуация в мире менялась на глазах. Опаздывали не только что книги — газеты. В феврале 1940 года в Америке много говорили о «миссии Уэллеса» — поездке заместителя госсекретаря в Европу с целью, как выразился один клубный остряк, привести к американскому знаменателю все европейские иррациональности. Но иррациональность была в самом замысле Америки: судить рядить европейские дела, игнорируя СССР. В Москву мистер Уэллес не поехал, а когда к его группе решили подключить специалиста по России Джорджа Кеннана, для него не нашлось даже места в вагоне делегации. Об этом вовсю злословили в клубе на Пятой авеню.

12 марта окончилась советско-финская война. Все попытки втравить в нее другие державы провалились. Мюнхенцы и прочие антисоветчики не скрывали злобы и разочарования. Но надежд они не теряли, и науськивание «соседней шайки» на СССР продолжалось. Между тем шла «странная война», и похоже было, сказал один из оппонентов на дискуссии, что «прогнозы господина Яхонтова насчет того, что господин Гитлер поднимет руку на демократические страны, оказались ложными». Что же касается Чехословакии и Польши, продолжал оратор, то, видимо, это просто неудачные географические новации, поспешно сотворенные в Версале, и для восстановления европейского порядка их просто пришлось убрать...

В субботу 6 апреля Рагнар Стром передал из Осло о странном инциденте, произошедшем накануне в германском посольстве. Там устроили прием с просмотром документального фильма о разгроме Польши. В заключительных кадрах фашистские операторы показали бомбардировку Варшавы и гибель мирных жителей. Эти кадры сопровождались титром: «За это они могут благодарить своих английских и французских друзей». Никто из гостей, отметил Рагнар Стром, не понял, на что намекали этим просмотром и этими титрами устроители приема.

Как ни прикидывал, не мог понять этой дипломатической загадки и Яхонтов. Все стало ясно совсем скоро — 9 апреля. Гитлер ударил не на восток и не на запад, а на север, захватив Данию и Норвегию. В Норвегии возникло правительство предателей во главе с Квислингом, чье имя стало с тех пор нарицательным.

И еще одну сенсацию отстучали миру телеграфные агентства — гитлеровскую оккупацию приветствовал кумир норвежской интеллигенции, писатель с мировым именем, нобелевский лауреат Кнут Гамсун! Яхонтов глубоко

почитал этого писателя. На одном из парижских развалов Виктор Александрович купил за гроши дореволюционное издание Гамсуна на русском — в прекрасном состоянии! — и привез в Америку. К черту! Он не намерен марать руки о книги изменника. Сначала Яхонтов хотел выбросить тома, но потом его осенила блестящая идея. Он отправился на почту и попросил упаковать многотомное издание и послать автору в Норвегию. Так он выразит свой протест! Смазливая девушка, ловко упаковывая тома, спросила:

— У мистера Гамсуна, видимо, какой-то юбилей? Вы сегодня уже четвертый джентльмен, посылающий ему книги.

— Гамсун — изменник! — пылко воскликнул Яхонтов. — Он предал свою родину.

— Кому? — спросила красотка.

— Гитлеру!

— Кому-кому?

Говорить с этой куклой было бесполезно. Но книги она упаковывала в высшей степени профессионально. Америка!

Вскоре в одном из своих обзоров Рагнар Стром со сдержанным юмором рассказал, как на почтовое отделение, ближайшее к дому Кнута Гамсуна, обрушился во-допад его книг из всех стран мира.

Ну, а дополнительный тираж книги Яхонтова разошелся. И на лекциях-диспутах у его оппонентов уже не было того козыря, что фюрер-де «щадит старые демократии Запада». А 10 мая 1940 года кончилась «странная война». Фюрер снова ударил, но снова не на Восток, а на этот раз — на Запад. Бельгия, Голландия, Люксембург были сломаны мгновенно. Чтобы показать, что он не шутит, фюрер велел стереть с лица земли центр Роттердама. На Западе все поняли. Когда вермахт вторгся во Францию, сопротивления ему практически не оказали.

Разумеется, Виктор Александрович не торжествовал оттого, что Франция была разгромлена за 44 дня, что теперь ежедневно под Триумфальной аркой, попирая германским сапогом могилу Неизвестного солдата, проходит по Парижу торжественным маршем 84-я дивизия вермахта. Разумеется, он не торжествовал, прочитав о том, что в изумительном Фонтенбло — дворце французских королей — расположился немецкий штаб, и теперь по залам, расписанным итальянскими и французскими изысканно-фривольными художниками, снуют серые немецкие штаб-

ные крысы. Яхонтову было горько, что в грозный час испытаний во главе прекрасной Франции оказались ничтожества.

Летящие головы

— Здравия желаю, товарищ генерал! — с тех пор как в мае 1940 года в Красной Армии были введены генеральские звания, князь Кудашев, старый знакомец и выпускник того же кадетского корпуса, что и Яхонтов, приветствовал Виктора Александровича только так. Князю почему-то казалось противоестественным сочетание слов «товарищ» и «генерал». Товарищ мне равен, говаривал он, а генералу, простите, я не ровня. Он — генерал!

Из этого, впрочем, не следовало, что князь Кудашев был из «непримиримых», из тех, кто «не признавал» за красными ничего хорошего. Напротив. Чем явственней делалась угроза войны, тем больше поворачивался в сторону Родины князь Кудашев. Вот и сейчас, встретив Яхонтова в Центральном парке и усадив на скамейку в тени развесистого краснолистного клена, князь, чертя тростью на песке, говорил:

— Смотрите-ка, товарищ генерал, а большевики-то без особого шума ликвидируют потери. Петербург теперь не достанет никакая самая «Большая Берта».

Князь вспоминал немецкую пушку, грозившую Парижу в ту войну.

— Сейчас-то небось есть и пострашнее, — хмыкнул Виктор Александрович, — только мы не знаем, как она называется.

— Наверное, «Верзила Рудольф» (он имел в виду Гесса) или даже «Сам Адольф», — печально усмехнулся Кудашев, — но до моего родного Каменноостровского им не достать.

Так и не может выговаривать «Кировский проспект» и «Ленинград», отмечал про себя Яхонтов. Впрочем, он и сам говорил то так, то так. Но что слова! Князь одобрял внешнюю политику СССР, понимал, что Советское правительство готовится к неизбежной войне. Особенно радовали князя «исправления географических несправедливостей». Запад Украины и Белоруссии, Прибалтика, Бессарабия, Северная Буковина — все правильно, говорил князь. И смотрите, как без особого шума большевики решили тысячелетнюю проблему немецкого засилья в Лат-

нии и Эстонии. С тамошними баронами и Александр Невский воевал, и Лесков табуретками дрался... Речь шла о согласованном Германией и СССР переселении прибалтийских немцев в рейх.

— Погодите-ка, товарищ генерал,— заключил князь,— мы еще у ваших япошек потребуем назад Южный Сахалин и Курилы.

— Вы сказали: «мы потребуем»? — не удержался Яхонтов.

— Не знаю, оговорка ли это, Виктор Александрович,— ответил после долгой паузы Кудашев.— Я все думаю, думаю и, кажется, к такому выводу приду, что хватит счета большевикам выставять. Помогать им пора. И как это мы с вами будем делать — надо думать уже сейчас. Но — будем. Родина ведь. Вам проще, вы — пишете. А я, например?

— Выступайте, князь. Везде. Перед десятью, перед пятью, перед тремя. Убеждайте, пробуждайте от спячки... Я уже не говорю о тех, что злобу таят...

— Ну, горбатых могила исправит,— поморщился Кудашев.— А вот спокойным объяснить надо, и это, вы правы, под силу и таким, как я. Спокойных много! Усыпляет Америка, Виктор Александрович, особенно если на хлеб не надо зарабатывать. Да еще это телевидение появилось! Полчаса после ужина сквозь дрему послушал обозревателя — и все известно. Так и дичают... Читать перестают. Ладно, пойдемте, мне пора.

Они направились в сторону музея Метрополитен. По дороге Яхонтов сказал:

— Вот вам, князь, любопытные цифры для разговоров. Я сидел в библиотеке, по разным источникам считал, все сходится, значит, так и есть. Так вот, Гитлер захватил, как вы знаете, девять стран: Австрию, Чехословакию, Польшу, Данию, Норвегию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Францию. Это более ста миллионов человек и огромный промышленный потенциал. А если приплюсовать и союзников Гитлера, получается вот что: людей у них в полтора раза больше, стали — втрое, чем у СССР.

Кудашев слушал внимательно, по лицу пролегли резкие морщины.

— Страшная информация, генерал,— сказал он, забыв свое неизменное ироничное «товарищ»,— было не до юмора.— Я буду звонить об этом на всех перекрестках.

Простился и пошел к Коламбус-серкис, но вдруг вернулся и, озорно блестя глазами, сказал:

— А я новую песню выучил. Там сейчас ее часто поют,— видимо, не случайно («там» означало — в СССР). Дай бог, чтобы сбылись слова:

Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход...

Музыкальная память у князя была великолепная, он запоминал со слуха по радио и пел знакомым советские песни. Многим они нравились. Любил их и Яхонтов. Ему была близка их бодрость, оптимизм, мажорность. Он и в американских песнях выделял бодрые. Потому нравился ему Бинг Кросби, который в годы Великого Кризиса вышел на эстраду образ настоящего американского парня, который, как бы ни было трудно, всегда надеется на лучшее и никогда не падает духом. Из советских песен Виктор Александрович любил многие, но шутливо говорил, что его «неофициальный персональный гимн» это песенка Паганеля из кинофильма «Дети капитана Гранта»:

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Ведь улыбка это флаг корабля.
Капитан, капитан, подтянитесь,
Только смелым покоряются моря.

Но трудно сохранить было оптимизм тогда, осенью сорокового года. Виктор Александрович не сомневался, что СССР ускоренными темпами готовится к неизбежной войне, хотя по понятным причинам советские газеты об этом не писали. Последующие события показали, что он был прав в своих предположениях. Но помимо растущей мощи фашистских держав Яхонтова пугало, угнетало другое. Он не верил, что антигитлеровские силы способны объединиться. И для таких сомнений у него (и не только, разумеется, у него) было немало оснований. Тревожным выдалось начало сентября сорокового года для Англии. Люфтваффе Геринга методично бомбили залегшего за Проливом противника. Днем 7 сентября триста фашистских бомбардировщиков бомбили Лондон. Никто еще не знал, что так будет 57 ночей подряд. Гибли люди, горели склады продовольствия в доках, восемь церквей работы прославленного Кристофера Рена были разрушены. Лондонцы с трудом спасли собор святого Павла, в парламент попали бомбы... В эти дни было замечено движение германских кораблей. Над Англией плыл набатный звон. Простые люди на местах создавали отряды самообороны. Рабочие, фермеры, ремесленники, клерки, лавочники, официанты, пен-

сионеры собирались на сборных пунктах, вооруженные охотничьими ружьями, дамскими пистолетами, вилами, кинжалами, кухонными ножами.

— Нет, господа, Англия — не проституточная Франция,— восклицали в те дни многие американцы, кого волновали события в Европе,— она не будет плясать в своих фоли-бержерах перед немецкими господами. Недаром в гимне поется — англичанин никогда, никогда не будет рабом.

Премьер-министр Черчилль запросил экстренной помощи у Штатов. И получил. За 50 устаревших миноносцев Рузвельт взял с Англии восемь островов у побережья Америки. Воспользовавшись тяжелым положением сердечного союзника и родственника (через мать-американку Черчилль был в родстве с Рузвельтом), американский президент за металлолом хапнул стратегически важные территории. Это наивыгоднейшая сделка со времен покупки Луизианы у Наполеона! — захлебывались от восторга американские газеты. В клубе на Пятой авеню посмеивались: не такой уж дурачок этот Рузвельт. Но в целом там стояли на стороне Уэнделла Уилки.

Предстоящие в ноябре выборы тревожили Яхонтова. Если в 1936 году Рузвельт легко победил республиканского соперника и никто, в сущности, не сомневался в его победе, то сейчас положение было иное. Молодой и энергичный Уэнделл Уилки, восходящая звезда республиканской партии, автор нашумевшей книги «Мы — народ», в которой он пел гимн бизнесу и упрекал Рузвельта за гонения на бизнес (чего в реальности, конечно, не было и быть не могло), был серьезным соперником президента. Да и хватит, пожалуй, говорили многие, очень многие американцы. На третий срок в США еще не баллотировался ни один президент.

В конце концов Рузвельт одолел соперника. Но далеко не легко и не со столь большим преимуществом. Яхонтов, естественно, выступал за ФДР. Он все-таки поддерживал американо-советские связи. А Уилки — темная лошадка. Что касается циничной сделки с островами и миноносцами, то, может быть, это был предвыборный ход Рузвельта, может быть, президент демонстрировал большому бизнесу Америки, что в своем деле, в мировой политике, он сам бизнесмен, каких поискать? И еще Яхонтов надеялся, что ФДР будет иметь большее влияние на Черчилля, чем Уилки или вообще любой другой президент.

Виктор Александрович терпеть не мог Черчилля и не

верил ему ни в чем. Будущее показало, что он, к счастью, ошибся в своих мрачных пророчествах. Но осенью сорокового года, крутя по ночам ручки своего «сверхсупера» и вслушиваясь в боли Старого Света, он опасался, что Черчилль отдаст Германии какие-нибудь колонии в Африке (как он отдал Америке острова за миноносцы), купит себе безопасность и повернет опьяневшего от побед фюрера на Восток. Может быть, и сам присоединится к этому походу, чтобы осуществить свою давнюю мечту об удушении большевизма в его колыбели. В конце концов сэр Уинстон высказывал в свое время похвалы Гитлеру, о чем сейчас, конечно, не любит вспоминать.

Зато вспоминали об этом завсегдатаи клуба на Пятой авеню. Яхонтов как-то сообразил, что теперь его туда ни за что бы не приняли — «красному генералу» там явно не место. Спасибо Майклу Устинову — его стараниями Яхонтов стал членом клуба. А теперь его не выгонишь — таков устав. А членство в клубе дает кое-что. Тихий островок в центре Нью-Йорка, хорошая кухня, роскошная библиотека, а главное — возможность поговорить с информированными людьми, кое-что узнать самому и, в свою очередь, что немаловажно для профессионального лектора, обкатать на них кое-какие идеи.

Однажды — это было уже в январе сорок первого года — Яхонтов, встретив на улице Чарли Доули, пригласил его пообедать в клубе. Виктор Александрович не мог себе представить, какую услугу он оказал своему знакомцу. Чарли был вне себя от счастья. Едва он вошел в здание, как почтительно поклонился двум биржевым воротилам, на лицах которых прочел одобрительное удивление — откуда, мол, здесь взялся этот Доули. К тому времени состояние Чарли уже приблизилось к пяти миллионам, но... в таких клубах не говорят «деньги не пахнут». Здесь различают «старые деньги» и «новые деньги». У Чарли деньги были новые, и потому в глазах здешних клубменов он был выскочкой-плебеем. Однако то, что у него есть знакомые, приглашающие его сюда пообедать, в какой-то степени возвышало Доули в глазах «аристократов».

Чарли понимал, что Виктору мало интересны его биржевые баталии, и он рассказал о них коротко, подчеркнув, что в целом придерживается «яхонтовской стратегии» — готовится к большой войне. У Чарли хватало юмора подсмеиваться над собой.

— Вложив деньги в оружейный бизнес, — усмехаясь, говорил он, — я вынудил сам себя интересоваться внешней

политикой. Вы знаете, генерал, многие бизнесмены говорят, что Гитлер надолго останется нашим торговым партнером, что его и на длительную перспективу надо рассматривать только в таком качестве. Воевать он хочет только в Европе. Так ли это?

Яхонтов достал пачку библиотечных карточек с наклеенными вырезками:

— Прочтите-ка, Чарли. Меня удивляет, почему здесь, в Штатах, это высказывание фюрера прошло почти незамеченным.

Чарли прочел слова Гитлера, сказанные на совещании главарей рейха в марте тридцать девятого года:

«Германия предпримет величайшую за всю историю операцию: используя британские и французские владения в Америке в качестве базы, мы сведем счеты с еврейскими королями доллара в Соединенных Штатах. Мы уничтожим эту еврейскую демократию, и еврейская кровь смешается с долларами. Еще сегодня американцы могут оскорблять наш народ, но настанет день, когда они, хотя и слишком поздно, горько раскаются в каждом слове, произнесенном против нас».

Но на Доули гитлеровское заявление не произвело впечатления. Вернув карточку Яхонтову, он только пожал плечами:

— То, что Гитлер против евреев, я знаю. Но я не еврей. Правда, моя прабабка была еврейкой — не то из Польши, не то из России, я не помню, у матери где-то записано название города, откуда ее привезли в Штаты еще девочкой...

Яхонтов рассмеялся:

— Считайте себя, Чарли, врагом фюрера. По расовым законам третьего рейха такой, как у вас, доли еврейской крови достаточно, чтобы числиться недочеловеком. Но главная ваша ошибка не в этом. Знаете, какой анекдот шепотом рассказывают в Германии? Когда нацисты забирали моего соседа-еврея, все молчали. Мол, бог с ним, с евреем. Потом увезли коммуниста. И опять все молчали — красные, они, конечно, особая статья. Потом взяли социал-демократа. Потом католика... Когда брали меня, и возмущаться было некому.

— Значит, мои коллеги совсем неправы?

— Не совсем. Вот мой прогноз, Чарли: Гитлер не пойдет на Америку до тех пор, пока не разделается со своими врагами в Старом Свете. Теперь давайте рассуждать — сможет ли он с ними разделаться? Боюсь, что с отдельно

взятой Англией — сможет. Но боюсь я и другого — те же англичане исподтишка, да и сами германские генералы все-таки науськают фюрера на СССР...

Эти слова услышал проходивший мимо них член клуба Билл Донован. Молодец, генерал, подумал он, мгновенно узнав Яхонтова. Жаль, нельзя ему кое-что показать. Накануне Донован вернулся из Вашингтона. Комиссия экспертов во главе с Эдгаром Гувером приняла ответственное решение — признать подлинным документ, который достал в Берлине разведчик суперкласса Сэм Вудс, действовавший под крышей торгового атташе американского посольства. Документ был не что иное, как одна из немногих копий директивы № 21, иначе говоря — плана «Барбаросса», утвержденного Гитлером 18 ноября 1940 года, — плана нападения на СССР.

Еще ранее американская разведка получила от англичан «секрет века» — ключ к коду, которым пользовалось немецкое командование. Англичане, как писала уже после войны пресса, «проявили широту мышления» и поделились тайной с американцами. Теперь они были в курсе всех крупных операций. Черчилль знал и об операции «Лунная соната», как кошунственно называли фашисты план уничтожения Ковентри в ноябре сорокового года. Знал — и не предпринял никаких мер, чтобы хоть уменьшить жертвы. Он боялся выдать немцам свой секрет и ради «высших целей» отказывался предотвратить гибель мирных жителей. («Само собой», Рузвельт и Черчилль и не подумали поделиться своим знанием с советским союзником в самые тяжелые месяцы войны.)

Имея в кармане план «Барбаросса» и гитлеровский код, можно воевать, думал Билл Донован. Воевать, конечно, будут другие, полагал он. Себя, то есть Америку, Билл мыслил в образе сказочного китайского «царя обезьян», который «сидит на горе и наблюдает за схваткой тигров в долине». В сущности, так же мыслил и президент Рузвельт, который накануне принял Билла, похвалил его книгу «Уроки пятой колонны для Америки» и сказал, что пора целиком переключиться на разведывательную работу. Этого требуют высшие интересы Америки, сказал президент. Донован был доволен ситуацией в мире и своими личными перспективами...

— ...Так вот, Чарли, если фюрера все же науськают на Россию, тогда он Америке угрожать не будет, — говорил тем временем Яхонтов почтительно внимавшему ему Доули. — Но это не значит, что война обойдет вас стороной,

Чарли. Я глубоко убежден, что из фашистских держав первая опасность для Штатов — это Япония. И если Гитлер все же нападет на Россию, эта опасность резко возрастет. Я изложил свои доводы в объемистой статье, Чарли. Скоро, надеюсь, ее опубликуют.

Статью опубликовали, но никто ее не заметил. Правда, одному из заместителей военного министра о ней доложил помощник, но тот только рукой махнул — а ну его, этого выжившего из ума эмигрантского стратега.

В набат!

Как вскоре оказалось, в отношении Японии генерал дал верный прогноз. А вот европейскую головоломку не разгадал, и роковой день 22 июня 1941 года застал его, как и многих других, врасплох. Но, как это ни парадоксально звучит, Виктор Александрович испытал даже и облегчение, ибо ожидал худшего. А именно — сговора фашистов с британскими (да и не только британскими) мюнхенцами. Ведь с 10 мая в Англии сидел и вел переговоры Гесс — второй человек третьего рейха. Яхонтов ни секунды не верил в официальную германскую версию, в то, что заместитель фюрера помешался и отправился в свой одиночный полет без чьей-либо санкции, то есть без санкции Гитлера. Если Гесс действительно сошел с ума, почему англичане не отправили его в психиатрическую больницу? Если он здоров, почему не обращаются с ним как с офицером из страны, с которой воюют, почему не помещают в лагерь для военнопленных? О чем разговаривал с ним лорд-канцлер Саймон? Кто еще посещал Гесса? Почему обо всей этой крайне подозрительной и двусмысленной истории практически ничего нет в печати.

Зловещими казались Яхонтову эти умолчания. Но и то, что сообщала пресса — не утешало. 18 июня Турция подписала договор о дружбе с Германией. В эти дни в клубе на Пятой авеню Виктор Александрович видел Уильяма Буллита, только что вернувшегося из Франции. Того самого Буллита, который трезвее многих других подходил в 1919 году к русской революции, кто был первым американским послом в Москве. Сейчас он призывал «к оружию против СССР». Внимали ему благосклонно. В библиотеке клубмены тыкали сигарами в карту, радовались, что большевиков скоро сотрут с лица земли, удалив с запада, юга и востока. В том, что Япония не будет

соблюдать договор о нейтралитете, заключенный ею с Советским Союзом, никто не сомневался. А чего не урвать свой кусок от огромного пирога, который вот-вот начнут резать!

— Надо было слушать Черчилля, господа, и удушить коммунизм еще в колыбели!

— Ничего, у него есть шанс придушить подростка.

— Говорят, что лорд Галифакс умолял инвалида помочь Черчиллю сговориться с фюрером через Гесса и раздавить красных.

Инвалидом здесь называли Рузвельта, здесь восхищались последовательной прогитлеровской позицией английского посла, ярого мюнхенца Галифакса.

— Господа, вы слышали, Герберт Гувер сказал: цель моей жизни — уничтожение Советской России.

— Чарльз Линдберг прямо предлагает объединить мощь США и Германии. Против такой силы большевикам не устоять — простая арифметика...

Чарльз Линдберг, первым совершивший трансатлантический перелет, был фактически нескрывающимся и немаскирующимся нацистским агентом. Для правых фигура очень удобная: крайне популярен в глазах толпы герой-летчик. Как Геринг в свое время в Германии.

Неужели этим господам он, Яхонтов, мечтал когда-то отдать свою шпагу? Нет, он не кондотьер. Он воин. А воин это тот, кто защищает свою Родину. Вывод: когда ЭТО произойдет, он отправится в советское посольство и подаст заявление в Красную Армию. Его знает Борис Михайлович Шапошников. Они с маршалом почти одногодки...

Но когда ЭТО произошло, когда гитлеровское нападение на СССР стало свершившимся фактом, жизнь Яхонтова пошла, конечно, не по заранее написанному сценарию. Даже первую «сцену в посольстве» из этого сценария жизнь переписала совершенно иначе. Яхонтов представлял, как озабочены и заняты сейчас советские дипломаты, приготовился, экономя их время, говорить как можно короче, как только его примет посол Уманский. Он готов был и к тому, что посол окажется чрезмерно занятым и не сможет его принять, тут обижаться не приходится. Такие дни. Яхонтов поговорит с дежурным дипломатом. Тот, конечно, удивится — американец, а просится на советско-германский фронт. Что ж, он напомнит свою биографию. Он все-таки русский генерал! И пусть ему как раз неделю назад исполнилось шестьдесят — для генерала шестьдесят не возраст.

То, что Яхонтов увидел в посольстве, его ошеломило. Какая там сосредоточенная тишина! Вестибюль гудел, там было полно народу, и первым, кого увидел Виктор Александрович, был Федор Плотников. Рядом с ним стоял его сын Иван (Джон) — такой же здоровенный, как отец, очень похожий, несмотря на клетчатую ковбойскую рубашку, на молодого Федю.

Федор сжимал своими огромными ручищами руку молодого дипломата, который тщетно пытался освободиться и говорил:

— Да вы послушайте меня, мистер Карпентер!

— Да не Карпентеры мы — Плотниковы! — взревел Федор. — Меня сюда черт занес, потому я в гражданскую не воевал... Но мы, Плотниковы, России долг должны отдать — возьмите Ивана на войну! Вы не можете мне отказать. Я же сам не прошусь — какой солдат в пятьдесят лет, Но Иван-то, Иван, вы на него посмотрите. Сынок, поворотись-ка... И по-русски шпарит...

И таких людей было много. Они просились в советское гражданство, они просились на фронт. В глаза Яхонтову бросились негритянские лица. Он протолкнулся к одному из них, который что-то горячо доказывал другому советскому дипломату (естественно, по-английски).

— Я не знаю русского языка, — говорил молодой негр, — я понимаю, что не смогу быть у вас солдатом. Но я хороший автомеханик, поверьте, я знаю все марки автомашин всего мира. А механики в армии очень нужны... Возьмите меня!

К автомеханику присоединился еще один негр:

— А я повар. В любой армии нужны повара, для того чтобы варить суп, не нужно знать язык... А стрелять я умею, я хорошо стреляю. Возьмите нас, господин, простите, товарищ. Поймите, Гитлер — и наш враг. Мы знаем — если он победит, он поубивает всех негров...

— Если Гитлер начнет побеждать, — перебил его автомеханик, — нас с тобой повесит свой ку-клукс-клан...

Яхонтова тронул за плечо дежурный:

— Виктор Александрович, посол готов принять вас.

Константин Александрович Уманский, выслушав Яхонтова, встал и прошелся по кабинету, решая, с какой степенью откровенности можно говорить с этим не совсем понятным эмигрантским генералом.

— Разумеется, я отказываю вам в просьбе отправить вас на фронт, — сказал он, серьезно и печально глядя прямо в глаза Яхонтову. — Но не потому, что вам уже шесть-

десять, и не потому, что вам трудно будет входить в незнакомый вам мир Красной Армии. А входить надо быстро. Вы видите, что творится,— посол махнул рукой в сторону карты Советского Союза с флажками, которые казались кровавыми пятнами на теле Украины, Белоруссии и Прибалтики.— И я не буду говорить вам, что там не нужны опытные военные. Нужны. Но именно потому, что вы опытный военный, я и надеюсь, что вы полностью поймете мои мотивы.

Яхонтов напряженно слушал посла.

— Как бы ни было трудно там,— опять махнул Уманский рукой в сторону карты,— там все-таки есть кому воевать. А здесь?

— Что — здесь?

— Я предвижу, что здесь, в Штатах, проляжет очень важный фронт антифашистской войны,— жестко сказал посол.— Очень многое будет зависеть от того, какую позицию займет эта страна. («Он не сказал — ваша страна», — с благодарностью подумал Яхонтов.) Начиная от того, что будет делать американская армия, и кончая тем, с кем и чем будут торговать США. Да, торговать, Виктор Александрович. Вот вам один факт — как говорится, не для печати.

Посол подошел к карте и ткнул пальцем в среднее течение Днепра:

— Здесь, в Запорожье, наш единственный завод, производящий магний. Без магния нет самолетов. А что, если немцы разбомбят или даже захватят этот завод? Где мы возьмем магний? Только в Америке, Виктор Александрович. А захочет ли она его нам продать? И на каких условиях?

— Президент Рузвельт понимает, что Гитлер — угроза и для Соединенных Штатов. Я убежден, что он вскоре четко выразит свое отношение к нападению Гитлера на нас... на Советский Союз.

Уманский сделал вид, что не заметил оговорки.

— Я тоже надеюсь на это,— сказал он.— Но я с тревогой наблюдаю, как свободно действуют здесь Германо-американский бунд и подобные ему организации. Это же пятая колонна Гитлера в Америке. Вы думаете, они останутся пассивными? Вы думаете, Христианский фронт Кофлина не проявит симпатий к Германии? А Национальная рабочая лига? Не примите это за вмешательство во внутренние американские дела, я лишь продолжаю отвечать вам. Генерал, говорю вам со всей ответственностью:

останьтесь на этом фронте. Здесь вы принесете больше пользы Родине. («Он сказал — Родине», — отметил расстроженный Яхонтов.) Вам будет трудно здесь. Вы еще не представляете, как вам будет трудно. Потом вы вспомните мои слова, Виктор Александрович. Вы будете говорить слова правды, я достаточно знаю вас и о вас, я в этом уверен. Вы не побойтесь говорить правду. Но вы не представляете, как много врагов у нее будет. И не всегда открытых врагов, вроде бунда. Против вас и таких, как вы, станет целый корпус подлецов, которые примутся маскировать свои реакционные профашистские взгляды псевдопатриотизмом, панамериканизмом, изоляционизмом, господом богом и, простите, чертом лысым. У вас будет тяжелая война, генерал.

— Есть еще порох в пороховницах! — Яхонтов встал и крепко пожал руку Константину Александровичу. — Спасибо. Я знаю, как вам сейчас некогда. До свидания.

— До скорого свидания, генерал.

У посольства все еще митинговали кандидаты в добровольцы. Яхонтов искал глазами Плотниковых, но они куда-то исчезли. А может быть, и к лучшему — хотелось побыть одному, подумать.

— Придем еще раз и еще раз, а своего добьемся! — кипятился русский американец, лицо которого было Яхонтову смутно знакомо. — Пусть записывают в красноармейцы! Составим список патриотов! Мы не чужие! Отстоим социализм, отстоим родину Октября! — выкрикивал он под одобрительные возгласы. Это был агент ФБР Жаров-Ярроу.

В отеле Яхонтов попробовал покрутить приемник, но красивый аппарат брал только местные станции. В вечернем выпуске новостей сказали, что вермахт стремительно наступает, а Красная Армия бежит. Яхонтов пытался представить себе, что происходит сейчас там, на фронте, пытался и не мог. Он не верил, что Красная Армия «бежит». Но то, что вермахт наступал стремительно, было несомненным фактом. Радио цитировало сообщения ТАСС. Там речь шла о тяжелых оборонительных боях, но названия городов, захваченных немцами, были те же. Значит, и в самом деле отступают. Почему? И сколько будут отступать?

В ресторане за ужином с соседних столиков доносились разговоры о германо-советской войне. Упитанный господин снисходительно вещал:

— ...Один министр может ошибаться, как любой че-

ловек. Но смотрите, Нокс говорит, что Гитлер расправится с Россией за шесть-восемь недель, а Стимсон говорит, что за месяц, максимум три. Итак, и военно-морской министр, и военный практически сходятся в оценках. Значит, это истина. Значит, России осталось жить месяца два, не больше. Что бы вы ни говорили, а фюрер молодец: нокаутировал такого гиганта в первом же раунде!

Вся его компания одобрительно зашумела.

«Боже мой,— подумал Яхонтов,— как прав посол. Как это трудно. Ведь не дашь ему по физиономии (собственно, за что?). Надо переспорить, переубедить. Такого? Возможно ли это?»

И, устыдившись, довел мысль до конца: а там, на фронте, сейчас, вот сию минуту? Прав, прав посол: будет тяжело. Но это будет твоя война, генерал Яхонтов.

«Умом Россию не понять»

По прошествии лет Виктор Александрович задал себе вопрос — а всегда ли он верил в победу. И ответил, как всегда, честно — нет, не всегда. Были дни, недели, осенью сорок первого, когда, казалось ему, все, конец. Это было страшное и странное для него время. Уже были сказаны ставшие потом столь известными циничные слова сенатора Трумэна о том, как следует вести себя Америке в войне Германии с СССР (добиваться, чтобы обе стороны ослабли). Но тогда сенатор от штата Миссури еще не стал основателем и первым председателем сенатской комиссии по вопросам производства вооружений, что вывело его на уровень общенациональной известности, и потому его слова не привлекли в момент их публикации такого внимания, как впоследствии, когда «маленький Гарри» стал президентом.

Тогда, в сорок первом, гораздо громче прозвучали слова сына Черчилля о том, что идеальным исходом германосоветской кампании был бы такой: чтобы последний немец, убив последнего русского, растянулся с ним рядом. Все понимали, что официальное положение папаши не позволяло ему самому сказать это вслух, вот он и прибег к помощи сына. Открыто злорадствовали «непримиримые» из эмигрантов. Пусть сгорит вся Россия, лишь бы сгорели большевики! Говорилось это в открытую, с вызовом, встречало понимание. Россия давно уже в английском языке стала синонимом коммунизма. Усмехались германofilы,

действительно открыто действовавшие в Америке (прав, тысячу раз прав был посол Уманский). На всех радиодиапазонах грохотал ликующий Берлин. Нейтралы бесстрастно констатировали успехи вермахта, правда, несколько отставшие от первоначального графика. Давно примеченный Яхонтовым швед Рагнар Стром спокойно рассуждал у микрофона:

— Адольф Гитлер обещал взять Москву до холодов. Но что такое холода? Солдаты уже мерзнут, но это еще не русская зима. Может быть, мерзнут просто с непривычки к ветрам, дующим из азиатских степей. Ведь степи эти так близки. Правда, на пути к степям еще Москва. Небольшая географически, она очень велика политически. Из авторитетных источников мне известно, что доктор Геббельс на совещании руководящих работников министерства пропаганды сказал: мы подорвали веру русских в коммунизм, а остальное доделает наша доблестная армия. Падение Москвы, без сомнения, нанесет вере в коммунизм страшный, возможно, смертельный удар. В Берлине говорят, что это дело ближайших недель. У меня нет оснований не верить этому, глядя на карту. Но рядом с картой у меня висит и календарь. По календарю вся русская кампания уже должна быть закончена.

В те дни Яхонтова охватывало отчаяние, и он с ужасом ожидал падения Москвы и гибели государства. Но в эти же самые дни он гремел на лекторских эстрадах и говорил о неизбежности победы. Сам того не зная, он инстинктивно действовал так, как действовали многие в те дни на фронте и в тылу. Пусть я отчаялся, но я не подам виду, пусть хоть у соседа слева и соседа справа сохранится вера в победу. И в голову не приходило тому воину, что, может быть, сосед слева и сосед справа испытывают точно такие же чувства. А в результате всей логики и побеждали. Так же воевал и Яхонтов на своем «участке фронта».

С первых дней Отечественной войны в США начали образовываться общества помощи Советскому Союзу. Активное участие принял в этом деле и Яхонтов, но вскоре понял, что здесь обойдутся и без него. Русские американцы, в том числе и из белоэмигрантов, развернули большую работу. Вот где проявилось отношение к Родине! Давал концерт в фонд помощи Родине великий Рахманинов. Выступали русские музыканты, певцы, дирижеры, ученые. Князь Путятин организовал несколько комитетов помощи Родине, сотрудничал с Федором Плотниковым, Ярославом Бойчуком, многими другими эмигрантами «из простона-

родья». Война провела иные грани, и по одну сторону баррикад оказались иные князья с иными «простолюдинами», а по другую — казалось бы, такие же, да оказалось, что не такие американские русские. Советско-германский фронт прошел через сердца. Так говорил друг Яхонтова журналист Давид Захарович Крынкин.

— Виктор Александрович, — убеждал он Яхонтова, — не тратьте силы на то, что могут сделать другие. Анна Торн, Казущик или Карпендер не хуже вас сосчитают собранные доллары. Зачем вам расходовать время на поиски зала для митинга? Этим займется любой другой. Ваше оружие — слово.

Давид Захарович говорил то же, что и посол Уманский. И они были правы. Лекторский профессионализм необычайно нужен был в их деле. А Яхонтов был профессионалом высокого класса. В самые тяжелые дни он выходил на авансцену — элегантно одетый, излучающий оптимизм, уверенность, силу. Как всегда, он говорил без микрофона — и в шестьдесят лет у него был сильный красивый голос, очень четкая дикция.

— Вчера в Филадельфии, — начинал он будто бы вовсе и не о германо-советском фронте, — вчера в Филадельфии «черная молния» Джо Луис проигрывал противнику двенадцать раундов. В тринадцатом он его нокаутировал. Так вот победит и Красная Армия, как бы ей ни было сейчас тяжело.

Американцы хорошо схватывали спортивные аналогии, говорить им о сожженных деревнях тогда, в сорок первом, было бесполезно. Они просто не понимали, о чем идет речь.

Часто Яхонтов выступал в паре с митрополитом Вениамином, экзархом Московской патриархии в Северной Америке. Этот бывший белогвардеец (он был духовным пастырем врангелевского воинства) давно уже переменял свое отношение к родной стране. Если Яхонтов шел к принятию социалистического Отечества через научную логику (и чувство, разумеется), то Вениамин прошел свой крестный путь через богословско-исторические изыскания — и тоже, конечно, чувство. (После войны митрополит Вениамин вернулся в СССР.) Они составляли отличный тандем. Военный специалист и пламенный проповедник, язык науки, логики и язык церковных догматов, сдержанность и ярость, ирония и пафос — вот что сочеталось в их совместных выступлениях и производило сильнейшее впечатление на аудиторию.

Но шестьдесят лет — это все равно шестьдесят, даже если ничем не болен. Яхонтов уставал, но сам себе в этом не признавался. Ах, как тяжело при внешней легкости давались ему ответы на вопросы. Ведь Красная Армия все отступала. Уже показали в кино, как фюрер прилетал в Смоленск. Искусно сняли, сволочи, его крысиный профиль на фоне горящего города, который всегда был щитом России, ключом к Москве. Доктор Геббельс сказал, бесстрастно читал переводчик, Смоленск — это взломанная дверь, германская армия открыла путь в глубь России, исход войны предрешен. Он говорил не «Смоленск», а «Шмоленгс». Тяжело на сердце, но надо идти и снова улыбаться, излучая уверенность, надо... В один из таких дней его здорово выручил, сам того не зная, автомеханик из гаража. Яхонтов увидел у него на стене портрет маршала Тимошенко, спросил, почему он его повесил.

— Горжусь, — ответил механик. — Все-таки наш, ирландец, а в России маршалом стал, с Гитлером воюет. Побьет ведь Гитлера-то. Побьет! Вы не отчаивайтесь, господин генерал. Вот увидите — будет как с Наполеоном.

— Тимошенко — ирландец? — не понял Виктор Александрович.

— А вы не знаете? — присвистнул механик. — Да что вы, у нас в ирландском рабочем клубе все говорят: Тимошенко это по-русски пишется, а на самом деле он ирландский эмигрант Тим О'Шенко! Как в России революция произошла, так он туда и уехал.

«Слышал бы это Геббельс!» — подумал Яхонтов.

Через несколько дней ночью (Виктору Александровичу нездоровилось) его поднял телефонный звонок. Прерывающимся голосом князь Кудашев крикнул в трубку: «Вы слушаете? В Москве — парад!»

Яхонтов бросился к приемнику. Настраиваясь на Москву, он все время натякался на какую-то местную станцию. «Дон'т фенс ми ин...» — пел Бинг Кросби, которого Яхонтов любил, но сейчас готов был возненавидеть. Наконец он нашел нужное место на шкале и услышал глуховатый голос Сталина:

— ...пусть вдохновляют вас образы наших великих предков — Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина...

Трески в эфире. Далеко до Москвы, страшно далеко. Далеко до России. Голос Москвы замирал и возникал

снова. Яхонтов услышал марш, такой знакомый марш. Ну конечно же, «Прощание славянки»!

Кто сказал, черт возьми, что ему нездоровится? Надо переделывать завтрашнюю лекцию. Он хотел начать ее так:

«Вчера итальянское агентство «Стефани» передало из Рима: «Русским в нынешнюю годовщину (их революции) приходится обходиться без военного парада на Красной площади вследствие продвижения немецких войск, находящихся близ советской столицы». Что ж, на этот раз фашисты не соврали, но радость их — я уверен — будет кратковременной. Пусть русские обошлись без парада, но не забудем, как совсем недавно провести сегодня парад в Москве намеревался Гитлер...»

Теперь вся тональность лекции меняется. Ну, он им покажет! Ах, какая же это гениальная и смелая мысль — провести сегодня традиционный парад. Традиционный!

Яхонтовы всегда дорожили семейными традициями. Когда за неделю до начала войны отмечали день рождения Виктора Александровича (тем более дата была круглая — шестьдесят), собрались торжественно. Приехали все Ортманы, то есть Олечка с мужем и сыном Виктором, пришли друзья, говорили только по-русски. Расходясь, разъезжаясь, знали, что вскоре, 9 июля, соберутся на дне рождения у Олечки. Но не собрались, война все омрачила. А сейчас Яхонтов пожалел об этом и сказал:

— Нет, война войной, а мы традиций больше нарушать не будем. Назло Гитлеру.

«Умом Россию не понять»

(продолжение)

В те дни в ФБР сдавал дела Жаров-Ярроу. Он переходил на службу к генералу Доновану, которого Рузвельт в июне 1941 года назначил начальником службы координатора информации в целях обороны (иначе говоря — военная и политическая разведка). Через год служба была преобразована в УСС (Управление стратегических служб). Дальновидный Билл Донован с самого начала подбирал себе сотрудников, владеющих русским языком. Взял он и Ярроу.

Смит, начальник Жарова, читал статьи Яхонтова и разделял его взгляды на реальность японской угрозы. Он внимательно выслушал прощальные излияния тру-

долюбивого и вдумчивого агента, внимательно прочитал все оставленные им документы.

Потом Смит долго ходил по кабинету из угла в угол и размышлял о странностях русской натуры. Гениально сказал Киплинг — «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись». Смит был неглуп и не разделял примитивных оценок Ярроу и ему подобных, которые считали, что в комитетах помощи России собрались коммунисты. Он знал, что и шеф, Гувер, придерживается тех же взглядов, и потому помалкивал. Но не переставал размышлять о странной породе «русских комитетов». Из пестроты их состава маленький Ярроу и большой Гувер делали вывод, что ее цементом является скрываемый всеми ими коммунизм. Смит не мог в это поверить. Ну какой коммунист митрополит Вениамин! Смит знал, что давно, еще в Париже, Вениамин добровольно вернулся «под руку» московского патриарха, но это тоже ничего, по его мнению, не доказывало. Ведь патриарх — не коммунист! Ну хорошо, рассуждал Смит, Вениамин — дьявольски хитроумный коммунист, но Макарий? Это тоже православный митрополит, ни в каких сношениях с красными и розовыми не замечен, а тоже поддерживает идею помощи России. Поколебался, правда, поставить подпись под воззванием со словами «Советский Союз», но поставил. И эти православные попы на своих прорусских сборищах, доносил Ярроу, сидят рядом с евреем Крынкиным, да и вообще там немало евреев в этих комитетах. Допустим, они против Гитлера из-за его расовых законов. Но ведь есть и чисто еврейские организации, которые выступают против фашизма, а эти льнут именно к русским. Ярроу доносит, что Крынкин, Шульц из поволжских немцев, белорус Радзи, поляк Ковальский называют себя русскими. Ярроу считал, что это просто прикрытие коммунистических взглядов. Смит с этим не соглашался, но не понимал, в чем дело. Он смутно чувствовал, что Россия присуща какая-то тайна. Какая?

Подойдя к столу, Смит бросил взгляд на аккуратно отпечатанные агентом Ярроу списки. Группа «аристократы» начиналась с трех князей — Путятина, Кудашева, Голенищева-Кутузова. Из донесений следовало, что их сиятельства, засучив рукава, сотрудничали в своих комитетах с пролетариями вроде Карпендера (под этим именем, отмечалось в справке, скрывался русский Плотников) или Джерри (Ярослава) Бойчука. А интеллектуалы! Дирижер Сергей Кусевницкий, скрипач Ефрем Цимбалист, самый,

говорят, великий пианист мира Сергей Рахманинов... Это тоже коммунисты? Вздор. Если признать таких людей красными, пора вступать в Союз Советских Социалистических Республик...

Смит был хорошо информирован и знал, что во Франции «маленький русский фюрер» Жеребков полностью провалился со своей затеей дать белоэмигрантам антисоветский импульс; напротив, после начала германо-советской войны они в основном выразили симпатии к СССР. Такая же картина наблюдалась и в армянской общине Франции, а туда от турецкой резни бежало много армян. Теперь они выступали против Гитлера и Петэна, за СССР. Знал Смит, что и в других странах Европы русских, ставших на сторону Гитлера, оказалось очень мало. Хотя, не без злорадства подумал он, шеф (Гувер) не раз говорил, что, стоит фюреру напасть на Россию, в вермахте не будет отбоя от русских добровольцев. Все они, усмехался Гувер, захотят вернуть отнятую большевиками собственность... А произошло совершенно противоположное. Бывшие белые генералы уходили в подполье, чтобы бороться с гитлеровцами, чтобы с тыла бить врагов своего таинственного Отечества.

Три князя, возглавлявшие список «подрывных аристократов», в тот самый час, когда о странностях их русской натуры размышлял фэбээровец Смит, собрались у Яхонтова. Надо было увязать планы работы комитетов помощи Советскому Союзу с лекторскими ангажементами Виктора Александровича. Нужна была еще пишущая машинка со старым русским алфавитом, с «ять» и «фитой». Надо было написать Рахманинову, а старый композитор, которого Жаров-Ярроу поспешил записать в красные, не признавал нового алфавита, введенного большевиками (хотя, посмеивался Яхонтов над такими чудаками, проект разрабатывался еще до революции).

Они обсуждали за чайным столом эти дела, как вдруг в комнату ворвалась Мальвина Витольдовна. Она была крайне возбуждена:

— Господа, господа! — голос ее срывался. — Вы только послушайте, о чем пишет «Правда»! Только что пришла — за 13 ноября... Статья об эмиграции!

— Об эмиграции?!

— Вы только послушайте, господа! «Только отдельных негодяев, совершенно растленных людей, лишенных всех следов национальной чести и совести, Гитлер нашел среди русских и украинских белоэмигрантов. Расчет не-

мецких фашистов на то, что русские и украинские люди, хотя бы и враждебные большевизму, в сколько-нибудь значительном числе пойдут на подлейшую национальную измену и отдадут Россию в услужение немецким баронам, оказался еще одним просчетом Гитлера».

Статья вызвала потрясение. Яхонтов и его друзья внимательно следили за ходом боев на советско-германском фронте и хорошо знали, в сколь тяжелом положении находится Родина. И в этот час Москва сочла нужным сказать такие слова об эмигрантах! Значит, значит, мы не забыты, господа! Не списаны со счетов! Но это и призыв, призыв к нам. Мы нужны России!

— Я предлагаю устроить публичную читку этой статьи! — воскликнул Путятин.

— Правильно, — поддержал его Кудашев. — И споем новую песню. Я записал мелодию, сейчас делаю английский перевод текста. Это поистине гениальная песня! Называется «Священная война». Священная!

А через несколько дней, когда в огромном зале закончили читку статьи из «Правды», оркестр сыграл вступление гениальной песни, листовки с текстом, напечатанным по-русски и по-английски, были розданы, и ее грянул весь зал. Пели князья и графы, жившие, как говорили в Нью-Йорке, от «Двуглавого орла» (то есть продававшие свои фамильные драгоценности через известный всей эмигрантской Америке — и Америке толстосумов — антикварно-ювелирный магазин «Двуглавый орел», специализировавшийся на торговле русскими драгоценностями). Пели активисты комитетов помощи Советскому Союзу. Пел князь Феликс Юсупов, в свое время один из убийц Гришки Распутина. Пел Курнаков, бывший штаб-ротмистр Дикой дивизии, столь любимой царем Николаем II. Пели бывшие генералы и поручики, штабс-капитаны и полковники. Пел поэт и художник Давид Бурлюк, друг Маяковского. Пел богатый торговец коврами Арменак Татевосян. Пел приглашенный друзьями на этот необычный митинг знаменитый негритянский певец Пол Робсон. Пела 77-летняя писательница Этель Лилиан Войнич, знавшая, что только в Советском Союзе обрел свою родину ее роман «Овод», ибо только в Советском Союзе победила подлинная, бескомпромиссная революция. Пел владелец ресторана Александр Смолей, родом из Белоруссии (ему еще предстояло долго сотрудничать с Яхонтовым). Пел его земляк, рабочий-строитель Константин Радзи, видный деятель Компартии США (многие годы спустя по его приглашению

ездил в Америку один из авторов этой книги). Пели православные попы и не признающие их сектанты — духоборцы и молокане. Пели механики и фермеры, официанты и продавщицы, лавочники и почтальоны, фрезеровщики и портнихи, хаусбрейкеры и таксисты.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война.

Потом начался сбор средств в помощь сражающейся России. Об этом митинге написали левые и русские газеты, скупое упомянула «большая пресса», ничего не сообщило вездесущее ти-ви. В ФБР пошло донесение преемника Ярроу — агента Джо Форлау (Георгия Фролова), в абвер — активиста Германо-американского бунда Карла Ширке, носящего на подобных митингах личину симпатизирующего России потомка поволжских немцев. Донесение Ширке не продвинулось в Берлине дальше первого получившего его офицера.

— Поддержка Советам? «Священная война»? Вздор. Война практически окончена. Москва падет со дня на день. В ясные дни офицеры с передовых позиций уже видят в бинокли эту, как ее, кремлевскую колокольню. Уже отправлен на подмосковную станцию состав с глыбами красного гранита — будет монумент на могиле большевизма. Уже давно создан рейхскомиссариат «Москва». Штандартенфюреру СС Францу Зиксу поручено ворваться в красную столицу с головным отрядом, захватить главные архивы и ликвидировать коммунистических вожakov. Кстати, везет этому Зиксу. Первоначально фюрер планировал поручить ему такое же дело в ходе операции «Морской лев», то есть при захвате Лондона. Но потом фюрер счел целесообразным сначала разделаться с Россией, а затем уж и с Англией. А Зикс, видимо, остался у него в памяти, и вот вам, пожалуйста, — штандартенфюреру предстоит такая приятная и почетная работа...

Так думал дежурный офицер, задержавший донесение Ширке. И еще он подумал о том, что Россию очень трудно понять, что фюрер прав — эту аномалию следует стереть с карты мира. В самом деле, аномалия! Более или менее цивилизованные страны, когда видят, что войны им не выиграть, сдаются. Россия, несмотря на всю очевидность своего поражения, не перестает сопротивляться. Дикари! Датский король Кристиан X не только мгновенно капитулировал перед вермахтом, но даже поздравил германско-

го генерала Химера с блестяще выполненной работой! Лягушатники-французы как миленькие подняли лапки. Они не поджигали свои дома, как это делают восточные варвары, они сохранили свой очаровательный Париж — в который теперь так приятно ездить в командировки!

Прежде чем окончательно списать в архив донесение из Нью-Йорка, офицер еще раз просмотрел фамилии указанных в нем активистов с краткими характеристиками. Статью из «Правды» читал некий генерал Яхонтов — бывший, конечно, из белых. Типично русское сумасшествие — царский генерал с восторгом читает статью из коммунистической газеты всякому сброду, включая даже негров и евреев. Скоро такому сумасбродству и расовой негигиеничности придет конец, с удовлетворением подумал офицер. Он вспомнил своего брата Фрица, который сейчас, по рассказу недавно приехавшего в Берлин штабиста, находится в части, составляющей острие северной части клещей. Клещей, в которые будет взята Москва. А падет Москва — и к Уралу двинутся японцы.

Офицер сосчитал, как говорится, все правильно, только наоборот. В этот самый час его брат Фриц находился на позиции совсем рядом с Москвой, чуть к северу от нее, у маленького бедного русского селения. Кругом был заснеженный лес, и аккуратный, ловкий, хорошо тренированный Фриц, удобно устроившись в укрытии, в отличный цейсовский бинокль наблюдал за противником. Противник совершал странные манипуляции. Русские снимали свои маскировочные белые халаты и, совершенно демаскируясь, оставались в черных морских бушлатах. Некоторые даже снимали бушлаты, чтобы хорошо были видны полосатые матросские тельняшки. Значит, подумал Фриц, разведка донесла верно — подошла Тихоокеанская морская бригада. Плохи дела у русских, раз они перебросили сюда тихоокеанских матросов. И еще Фриц подумал, что теперь японцы пройдут до самого Урала церемониальным маршем. Но зачем же демаскируются русские? Или они еще во что-то оденутся, продолжал недоумевать Фриц.

И тут русские совершенно неожиданно пошли в атаку. Вызывающе демаскировавшись, черные и полосатые, синие-белые, они бежали через снежное поле прямо на купу деревьев, где был скрыт дозорный отряд Фрица. От растерянности немцы не сразу открыли огонь — а кое-кто, успел заметить Фриц, и побежал назад, туда, где стояла часть. В результате русские без больших потерь преодолели поле. Сам Фриц, выскочив из укрытия и ловко пристроившись

за толстой елью, вскинул автомат, но «шмайсер» — отличный «шмайсер» — вдруг заело. Прямо на Фрица бежал русский матрос. Фриц выхватил пистолет, ловя по всем правилам на мушку русского, но тот вдруг метнулся совсем не по правилам и со страшной силой ударил Фрица в нос. Последнее, что осознал Фриц, были три коротких русских слова, а затем все вздыбилось и погасло, потому что другой матрос, сделав выпад не по правилам, не по уставу (а Фриц дотошно изучил русский устав), проткнул его штыком. Было 6 декабря 1941 года. Началось наступление Красной Армии под Москвой. В это время японские корабли, строго соблюдая режим радиомолчания, шли к Перл-Харбору.

Наступал звездный час эмигрантской жизни генерала Яхонтова.

Русская совесть и американский успех

После катастрофы в Перл-Харборе, где коварным ударом японцы потопили американский флот (вместо того, чтобы церемониальным маршем идти по Сибири к Уралу), после вступления США в войну в клубе на Пятой авеню можно было кожей ощутить перемену отношения к Яхонтову. Из полоумного русского старикашки, который яхшается с красными, он в один день превратился в прозорливого военного эксперта и дальновидного патриота, того самого заслуженного русского генерала, который — помните, господа? — предсказал Перл-Харбор. В его сторону бросали благосклонные взоры даже такие важные клубмены, как Билл Donovan и его приятель Джон Фостер Даллес. По приглашению брата в клубе как-то завтракал Аллен Даллес, будущий директор ЦРУ, и он тоже с любопытством взглянул на русского генерала.

А Яхонтов сидел за ленчем со своим издателем мистром Ковардом, который, конечно, мгновенно понял, что настало время его автору и ему самому стричь купоны. «Взгляд на Японию» был переиздан тройным тиражом с пророческой главой о неизбежном нападении японцев на Америку. Рискнул Ковард переиздать и первую книгу Яхонтова, «Россия и СССР на Дальнем Востоке». Рискнул — и выиграл. Теперь СССР и США стали союзниками, теперь Дальний Восток в центре внимания американцев, книга пошла.

Но в сердце Виктора Александровича была горечь.

Получалось так, что авторитет и деньги ему приносила людская беда, самая страшная беда — война. Разумеется, никто не упрекнет его, что он хотел войны. Напротив, все знают, что он по мере сил старался предотвратить войну, открывая людям глаза на природу фашизма, на неизбежность агрессии со стороны фашистских государств. И все-таки... Если бы не трагедия Перл-Харбора, не гибель американских моряков, не было бы прибыльного переиздания его книг... Чем, в сущности, он отличается от того же Чарли Доули, который еще раз совершил резкий бросок вверх по лестнице успеха и снова достиг качественно иного состояния? Теперь Чарли уже не просто миллионер, — внезапное начало войны, на которое он и ставил, сделало его мультимиллионером. На Перл-Харборе Доули сорвал такой куш, что о нем уже складывают легенды! Гордый Чарли пригласил Яхонтова в свой клуб, членом которого он стал недавно и о котором недавно не смел и мечтать. Конечно, он далеко еще не Карнеги и не Морган, не Гарриман и не Кеннеди, к тому же у него еще «очень молодые деньги», но какие деньги! А ведь Чарли Доули тоже не виновен в гибели американских парней в Перл-Харборе, он не хотел ее. Но он заработал на ней свои миллионы, так же как Яхонтов — свои тысячи. Вот чем терзался Виктор Александрович со своей русской совестью, непостижимой для людей Запада. Чарли-то не терзался. Он делал деньги.

После того как США стали союзником СССР, после того как сложилась антигитлеровская коалиция, работы у Яхонтова все прибавлялось и прибавлялось. Все возрастал спрос на него как на особого лектора, который был и русским, и американцем, и военным (генеральское звание неизменно указывалось на его афишах), и политиком, и знающим Советский Союз, но в то же время не коммунистом. И к тому же — высокий профессионализм, опыт, широкий круг знакомств. О, как все менялось на его лекциях! Если десять лет назад он видел, как загорались глаза при упоминании им знакомства с царем или Корниловым, Китченером или Фошем, то теперь публика восхищенно изумлялась, узнав, что генерал еще по царской армии знаком с Борисом Шапошниковым, ныне Маршалом Советского Союза.

Всю войну Яхонтов успешно и активно выступал как лектор. Позднее он вспоминал, что объехал практически все штаты, и не только крупные или даже средние города, но и многие из таких, что и самим американцам неведомы.

Иногда, рассказывал Виктор Александрович, выступать приходилось дважды, а в отдельных случаях и трижды в день! А ведь ему шел седьмой десяток. Работа эта была отнюдь не легкой, как может показаться. Ведь аудитории, перед которыми он выступал, состояли отнюдь не из единомышленников. Речь ведь идет не о собраниях друзей Советского Союза или — шире — антифашистов. С точки зрения среднего американского слушателя, особенно в глубинке, Яхонтов говорил о вещах страшно далеких, малопонятных, и (самое главное) еще неизвестно, нужных ли ему, среднему. Ну и бог с ним, что кто-то кого-то убивает где-то там в России (где она, кстати, эта Россия — ага, вот лектор показал на карте). Мне-то, среднему, какое дело? Почему я должен отрываться от своего бизнеса и требовать от своего сенатора, чтобы открывали второй фронт? И чтобы американских парней, ну вот хотя бы моего сына, посылали туда, где могут убить? Ради чего?

Лектор между тем говорит, что русские сражаются за нас, за американцев. Как это? Этот, как его, Гитлер, тоже далеко, он только грозит. Посмотрите-ка, дорогой сэр, на карту: если Гитлер не смог до сих пор переправиться через вон тот узкий пролив (как его? Да, Ламанш!) в Англию, то куда ему переплыть океан! Так зачем же подставлять моего сына под пули? За русских? А, вы сами русский, генерал, вот почему вы так рьяно выступаете за помощь России...

Говорить перед такими и отвечать на вопросы таких средних с успехом было непросто. Ведь конечной целью Виктора Александровича было не только информировать своих слушателей о событиях, о которых они ничего не знали или знали очень мало и зачастую искаженно. Нужно было убедить их в опасности фашизма для Америки, в том, что русские сражаются не только за свою свободу, но и за свободу Америки, что поэтому русским надо помогать. Помогать не только «из добрых чувств», из сострадания к людям, попавшим в беду, но и ради самих себя, страхуя свой собственный завтрашний спокойный, мирный и сытный день. Для этого надо было побудить их действовать: говорить обо всем этом в своем кругу, писать конгрессменам, в газеты, на радио и на телевидение, требуя открытия второго фронта, а пока — более активной помощи Советскому Союзу.

И надо было внушать уверенность в силе России, в силе Красной Армии. Надо было убеждать в этом в горькие дни отступлений, поражений, неудач. И ведь вовсе не у

всех была уверенность в конечной победе. В мае 1939 года в Нью-Йорке покончил жизнь самоубийством известный немецкий писатель-антифашист Эрнст Толлер. Это событие глубоко взволновало всю немецкую эмиграцию, всю прогрессивную общественность Америки. Яхонтов тогда вспомнил, как в 1917 году застрелился генерал Койчев, переставший верить в светлое будущее России. Перестав верить в светлое будущее Европы, свел счеты с жизнью Толлер. В феврале 1942 года, уже после того, как немцев отбросили от Москвы, покончил с собой другой знаменитый писатель-эмигрант, Стефан Цвейг. Толлер и Цвейг как знаменитости попали на первые полосы газет. А сколько было мимоходом упомянутых, а то и не упомянутых трагедий среди впавших в отчаяние беженцев от фашизма! Люди вешались, травились газом, сходили с ума — не все сохраняли надежду в те страшные дни, когда, казалось, коричневая туча фашизма закрывает солнце. В этой печальной череде были, как это ни странно на первый взгляд, и люди из бывших белых. В час испытаний, в час, когда решалось, быть или не быть России, они не могли вынести мысли, что Россия перестанет существовать. И этот шаг, размышлял Виктор Александрович, говорил о совершившем его человеке хорошее, ибо он означал, что для данного человека Родина важнее самого себя...

Поддержать тех, кто уже начал отчаиваться,— это тоже было важно. Однажды Яхонтов выступал по телевидению.

— Есть такая русская присказка,— говорил он.— «Гаврила, я медведя поймал!» — «Так тащи его сюды». — «Я тащу, да он не пускает».

Аудитория смеялась — всем было ясно, что речь идет о Гитлере, схватившемся с «русским медведем». Не забудем также, что и в войну в американской печати ни на день не иссякал мутный поток антисоветчины. Конечно, по сравнению с довоенным временем он поубавился, но — не иссяк. Нередко он прикрывался хваленой «объективностью» и «плюрализмом». Кто мешал ухмыляющимся антисоветчикам перепечатывать материалы из профашистских газет нейтральных стран (разве их мало было, скажем, в Испании или Португалии) и тех союзных Гитлеру государств, с которыми США поддерживали дипломатические отношения (с Финляндией, например). С другой стороны, власти США чинили препятствия поступлению информации из СССР. В 1941—1942 годах советское посольство неоднократно делало представление госдепар-

таменту по поводу случаев задержки, уничтожения или возврата советских газет, журналов, книг, которые выпысывали многие американские учреждения и отдельные граждане. Эти известные факты надо напомнить для того, чтобы правильно оценить условия работы Яхонтова как политического обозревателя, доступ его к информации. Выручал клуб на Пятой авеню — по этому адресу (адресу подлинных хозяев Америки) почта доставлялась без изъятий. Ну и, конечно, давно любимая публичная библиотека на углу Сорок второй и Пятой.

Но — не хватало живых свидетельств, ах как не хватало! Ах как жадно искал Яхонтов встреч с такими счастливыми, побывавшими на советско-германском фронте, как Эрскин Колдуэлл. И конечно, с советскими людьми — журналистами, инженерами, приезжавшими в США по делам ленд-лиза, и такими необычными и такими редкими гостями, как потрясшая всю Америку женщина-снайпер Людмила Павлюченко.

А однажды Яхонтов встретился с человеком, бывшим на советско-германском фронте «с той стороны». Да с каким человеком! Он его давно уже знал, правда, заочно. Это был шведский журналист Рагнар Стром. Виктор Александрович еще в канун войны заметил этого обозревателя, выступавшего по шведскому радио на английском языке и чьи материалы обычно перепечатывались многими газетами. Вскоре после Сталинграда журналистские дороги привели энергичного шведа в Америку. В Нью-Йорке с ним случайно познакомили Яхонтова. Рагнар Стром оказался, как и положено шведу, голубоглазым блондином со свежей кожей молочно-розового цвета. Ему было под сорок, но выглядел он гораздо моложе. Строму польстило — а какому журналисту это бы не польстило! — что известный американский лектор широко пользуется его статьями и выступлениями (Яхонтов записывал их на магнитофон). Когда они остались вдвоем, Стром задал неожиданный вопрос:

— Судя по фамилии, вы русский. По-русски говорите?

— Разумеется.

— Если вы не возражаете, мы могли бы продолжить беседу на моем наполовину родном языке, — сказал Стром на безупречном русском. — Мой отец швед, а мама — русская. Я и родился в России. Мое детство прошло в Петербурге...

— Мое тоже! — воскликнул Яхонтов.

— Рад встретить земляка, — учтиво поклонился Стром.

Вскоре они уже сидели дома у Яхонтовых, и Виктор Александрович с Мальвиной Витольдовной слушали рассказы интересного гостя.

— Моего покойного отца — он был лингвистом — звали Кнут. И моя няня, русская крестьянка, тетя Пелагея, пела мне в детстве, баюкая, «Футыч-нутыч, Рагнар Кнутыч»...

Но не о милых пустяках, конечно, шла в основном беседа. Яхонтов осторожно, тщательно подбирая слова, спросил, почему Рагнар Стром побывал на Восточном фронте не с советской, а с немецкой стороны. Виктор Александрович почему-то сразу проникся доверием к молодому шведу и не допускал мысли, что у того могут быть пронацистские симпатии. Почему же тогда он как военный корреспондент выбрал гитлеровскую сторону фронта, ведь как нейтрал он в принципе мог бы попроситься и на советскую сторону.

«Рагнар Кнутыч» белозубо усмехнулся:

— Пусть пока наша беседа останется между нами, Виктор Александрович. Сейчас вы поймете меня и, надеюсь, похвалите мою дальновидность... В самом деле, я как нейтрал в принципе мог бы обратиться за визой и к госпоже Коллонтай. Но я обратился в Берлин. Кстати, меня принимал сам Геббельс... Для чего мне это нужно? Сами понимаете, порядочный человек не может быть с ними. Вот именно поэтому я и поехал в рейх.

— Я не вполне понял вас... — начал было Яхонтов.

— Не говорите так осторожно... Пока вы не поняли, но сейчас поймете. Я сказал себе: Рагнар, когда кончится война и о ней начнут писать не журналисты, а историки и беллетристы, им потребуется объективная информация, собранная порядочными людьми. И я сказал себе: Рагнар, с русской стороны такой информации будет много. Ее напишут и сами русские, и их союзники. Разве плохо пишет мистер Колдуэлл? А кто даст такую информацию с фашистской стороны? И я попросил прикомандировать меня к вермахту. Я даю то, что их устраивает, — смею надеяться, не совсем неприличное. Однако главное пока не опубликовано. Ибо если я выступлю с этим сейчас, мне будет закрыта дорога в рейх...

— Ну вы молодец! — восхитился Яхонтов. А Мальвина Витольдовна задала вопрос, который она всегда задавала мужу, когда он возвращался из путешествий:

— Что больше всего из увиденного там потрясло вас? Швед грустно улыбнулся:

— К сожалению, там слишком много потрясений, ужаса, грязи... Простите, но я отвечу на ваш вопрос в своей будущей книге.

Стром помолчал, желваки заходили под его щеками:

— Страшно подумать, господа, как трудно там, на фронте, русским солдатам. Как страшно в осажденном Ленинграде. По сравнению с их страданиями наши трудности — пустячные. Но поверьте, мне тогда нелегко было оставаться безучастным шведом, нейтралом. Иногда я ненавижу это слово.

Ах, Рагнар Кнутович, Рагнар Кнутович! Знать, и тебе ведома русская совесть. Так вот, западный нейтрал...

Яхонтов, проводив гостя до такси, долго не мог успокоиться в тот вечер. Он хотел было готовиться к лекции, но все валилось из рук. Как глупо проходит жизнь! Его место там — на фронте, на той войне, где гибнут его земляки, где в нечеловеческом напряжении держит оборону его родной город. Да что стоят его лекторские триумфы здесь, в далекой обожравшейся Америке. Даже второго фронта еще нет, несмотря на все митинги и петиции.

Да, были такие минуты и часы, особенно ночью, часто в дороге, когда сил не было вынести терзания по поводу своей эмигрантской судьбы. Роковые решения семнадцатого, восемнадцатого и девятнадцатого годов проходили перед судом его совести, суд тот был суров. Он сам обрек себя на ту жизнь, которую он доживает. Природа не обидела его — он физически и психически здоров, получил образование и воспитание. Его не высылали из страны, не сажали в тюрьму. Он все выбрал сам. И все же, думалось, вот бы тогда, в сентябре семнадцатого, заболеть и не поехать в Петроград. И не был бы он «из компании Керенского». Не был бы генералом — ну и пусть. А где гарантия, что он, не выезжая из Японии, понял бы смысл Брестского мира и не проклял бы большевиков издалека, подобно остальным? Нет, Виктор Александрович, из песни слова не выкинешь. Стисни зубы и воюй. Здесь воюй, раз сам себя лишил возможности заниматься главным делом. Так хотя бы третьестепенное делай хорошо. Неси крест своего успеха.

На следующий день вечером элегантный, моложавый, излучающий оптимизм и компетентность, выступая в фешенебельном клубе, он говорил (газеты сохранили нам эту цитату):

— Когда наши потомки будут изучать вторую мировую

войну и попытаются силой своего воображения представить, что происходило в эти дни, то никакое другое имя не будет произноситься с такой благодарностью, как Россия!

Несколько слов о перемене метода

За десять дней до начала Великой Отечественной Виктору Александровичу Яхонтову исполнилось шестьдесят, за две недели до Парада Победы — шестьдесят четыре. Когда речь шла о годах становления его личности, думается, было оправданным строго последовательное изложение событий. Нужно было показать, как они, наслаиваясь одно на другое, изменяли нашего героя, делали из него того человека, каким он в конце концов стал. Это «в конце концов», разумеется, не какая-то четко проведенная черта. Но, думается, в канун войны и в ее начале Яхонтов окончательно сформировался. И пусть не звучит это странным для шестидесятилетнего человека. Такая уж у него была необычная судьба.

Яхонтов выстрадал ясность своего дальнейшего пути. И наступившая для него ясность позволяет нам отойти от строго последовательного и подробного изложения событий его жизни, сосредоточив внимание на происходивших в нем внутренних процессах. Тем более что в отличие от эмигрантских метаний его деятельность в годы войны в общем и целом понятна и известна читателю. Есть немало книг и статей, в которых рассказывается о деятельности в годы второй мировой войны прогрессивных американцев, одним из которых и был генерал Яхонтов. Сохранились сведения, что в 1942 году он прочел 220 лекций. Не перечислять же 220 городов, в которых он выступал! Читателю, несомненно, известно о благородной патриотической активности прогрессивной русской эмиграции в годы войны. О том, в частности, что в 1944 году на собранные ею деньги был построен военный самолет «Дух Ленинграда». Эти деньги собрали члены АРОВ — Американо-русского общества взаимопомощи, одним из активных членов которого был Яхонтов. Но, надо повторить, главным его делом были, конечно, лекции.

Вместе с другими патриотически настроенными русскими эмигрантами Яхонтов жил теми событиями, которые происходили на Родине. Все годы войны его не покидало ощущение, что он — там, что он лично участвует во всем, что делается с Россией. Коварное нападение Гитлера, горечь отступления, Смоленское сражение, битва за

Москву, блокада Ленинграда, Сталинград, Курск, наступление, освобождение земли Отечества и поработенных нацистами стран, Победа. Рассказ о реакции Яхонтова на эти события излишен. Но надо упомянуть о событиях, которые волновали прогрессивных русских американцев в целом, а некоторые — и лично Яхонтова.

К последним следует прежде всего отнести доходившие до Виктора Александровича вести о судьбе маршала Шапошникова. Знакомые по дореволюционной службе, они были почти ровесниками (Борис Михайлович немного моложе). Яхонтов специально запрашивал уезжавших в Москву корреспондентов и дипломатов сообщить ему что-либо о Шапошникове. Видимо (сейчас уже этого никто не скажет), Яхонтов как бы примерял к себе судьбу маршала — выходца из старых офицеров. Яхонтов смог узнать (а это по вполне понятным причинам не делалось предметом широкой гласности), что Борис Михайлович тяжело болен туберкулезом, что именно болезнью, а не чем иным, связан его уход с поста начальника Генштаба. Яхонтов был растроган, когда в разгар тяжелейших боев 2 октября 1942 года (немцы рвались к Волге) советские газеты опубликовали приветствие ЦК ВКП(б) и Советского правительства Б. М. Шапошникову в связи с 60-летием. Со слезами на глазах слушал Яхонтов Москву, когда за несколько недель до конца войны радио передавало сообщение о похоронах Бориса Михайловича. «Армия и флот Советского Союза, — зачитывал диктор слова Сталина, — склоняют свои боевые знамена перед гробом Шапошникова и отдают честь одному из выдающихся полководцев Красной Армии». Когда урну с прахом маршала устанавливали в Кремлевской стене, 124 орудия произвели 24 прощальных залпа. А потом помощник посла Гарримана рассказал Виктору Александровичу, что на похоронах маршала Шапошникова плакал человек, о котором думали, что он не умеет плакать, — Сталин.

Вместе с другими русскими эмигрантами из интеллигентов Яхонтов был поражен тем, что в СССР отметили 70-летие С. В. Рахманинова. Этот юбилей тоже пришелся на тяжелое время — на 1943 год. Знакомые рассказывали, что Сергей Васильевич был необычайно взволнован этим. Ведь во всей Америке, сказал он родным по секрету (а секрет вскоре стал известным среди эмиграции), только один репортер и вспомнил о юбилее композитора. Ни о каких торжественных заседаниях, специальных концертах и радиопередачах, как в сражающейся России, здесь не было и речи.

Особое значение лично для Яхонтова имела оценка перспектив войны, данная в ее начале А. Ф. Керенским. В декабре 1941 года «временный» вдруг прокаркал из своей калифорнийской норы, что «большевизм уже в прошлом». Далее бывший министр-председатель понес какую-то околесицу о том, что в России уже якобы осуществляется некая «программа реконструкции», в осуществлении которой эмиграции должна принадлежать «законная роль». Совершенно неясно, отвечал Яхонтов на вопросы из зала, когда его спрашивали о выступлении экс-премьера, какие такие законы имеет в виду мистер Керенский. Гитлеровские? Далее он говорил — и говорил резко — о незнании Керенским страны, где он родился, и ее народа. Виктор Александрович напоминал, что большевизм уже много раз «хоронили». Как в свое время сосчитал Уолтер Липпман, одна «Нью-Йорк таймс» опубликовала в годы гражданской войны 91 некролог. Кремль переживет еще не один некролог, заканчивал Виктор Александрович, ведь уже прошли сроки, отпущенные России на сопротивление Гитлером, Геббельсом и... кое-кем здесь, в Америке. Ему аплодировали, понимая, о ком идет речь.

Конечно, особое внимание Яхонтов уделял Японии. Он понимал, каким колоссальным успехом советской дипломатии было заключение советско-японского акта о нейтралитете от 13 апреля 1941 года. Понимал Яхонтов и то, что верить в слово японцев нельзя и СССР вынужден держать на Дальнем Востоке крупные силы. Горько было ему читать сообщения из Китая, где говорилось, что, как пес у сапога самурая, рядом с Квантунской армией стоят белоэмигрантские формирования во главе все с тем же атаманом Семеновым. Небось и ротмистр-«полковник» Тарханов ждет, когда из Токио дадут приказ ворваться на русскую землю и устраивать там «римские аллен».

Многие вокруг него не верили, когда сообщали о зверствах японцев над американскими пленными, о том, например, что у живых офицеров самураи вырывают и съедают сырую, еще горячую печень. Но уж кто-кто, а Виктор Александрович понимал, что такое не придумаешь, что фашизм возрождает, искусственно поддерживает древние варварские традиции. И это ничуть не противоречит изысканности японской культуры. Немецкие фашисты тоже не безграмотны. Геринг вон велел дать операции по уничтожению с воздуха английского города Ковентри кодовое наименование «Лунная соната». Трудно было объяснить в

американской глубинке чудовищность этого, ох как трудно! Просто не понимали они, что это ужасно, кошунственно, что это чудовищная пошлость.

Мечта и отказ от мечты

В лекторских скитаниях по чужим городам, под чужими звездами, над чужими водами (ах, как ни сился — не похож Гудзон на Неву, в самую темную ночь не похож!) вызревала мечта: вот все кончится, вот взвоется знамя победы над поверженным Берлином — и он попросится домой. Придет в посольство и подаст заявление. Не должны отказать. Уже посол Уманский тогда, в срок первом, ясно дал понять, что он числит Яхонтова на своей стороне баррикад. Должны разрешить. В конце концов не столь уж велик вред, который он причинил когда-то Советской власти, своему Отечеству. Так и напишет в анкете — в гражданской войне не участвовал, в белой армии не был, ни в каких партиях не состоял. Какие, собственно, антисоветские действия он совершил? Выступил два-три раза с глупыми лекциями перед офицерами, дважды телеграфировал в Петроград протесты против Брестского мира. Вот и все.

Он «из компании Керенского»? Но ведь и Верховский был из той же компании. А нынешний советский посол в Англии Майский некогда был меньшевиком, даже видным — он был министром комучевского «правительства» в Самаре! Нет, не должно быть возражений. И до войны, еще в своих книгах, и в войну Яхонтов четко определил свою позицию, резко подчеркнул свой полный разрыв с антисоветской эмиграцией. Ольга, разумеется, останется — они, Ортманы, американцы. А он с Мальвиной уедет. Старикам много ли нужно, кое-какие деньги у него есть. Да и подрабатывать они смогут, давая, например, уроки английского языка. Им бы только хоть какую, хоть самую маленькую квартирку недалеко от Невы. Больше он ничего не попросит.

А людям, соседям он сможет смотреть в глаза с чистой совестью. Да, он уехал тогда, в семнадцатом, ничего не поняв, если хотите — бежал. Но оружие на братьев он не поднял. И в победу хоть маленький, но есть и его вклад. Миллионы жертв, но их могло бы быть и было бы больше, если бы не усилия таких, как Яхонтов. И если даже он спас Родине жизнь только одного солдата, сэконо-

он и то будет считать оправданным свои усилия. Пусть поздно, пусть летом сорок четвертого, а не в сорок третьем и не в сорок втором, как обещали они вначале, но все же открыли западные союзники второй фронт. Да, конечно, основные силы гитлеровская Германия бросала на Восточный фронт, но все же не все. И не только ради вежливости говорил Сталин осенью 1943 года британскому министру иностранных дел Идену: «Мы не развили бы такого наступления, если бы немцам не угрожало вторжение на Западе. Уже один страх вторжения, один призрак вторжения не позволяет Гитлеру значительно усиливать свои войска на нашем фронте». И закончил с горечью: «На Западе немцев удерживает только призрак. На нашу же долю выпало более трудное дело».

Фильм «Парад Победы» москвичи ожидали, в день премьеры с утра выстраиваясь в очереди у кинотеатров. На следующий день фильм посмотрел Яхонтов — в просмотровом зале нью-йоркской телестудии, закупившей фильм и срочно доставившей его в Штаты. Владелец телекомпании был из числа знакомых Виктора Александровича по клубу. Он и пригласил его на просмотр, решив привести с собой нескольких друзей. Фильм пришлось прокрутить дважды по просьбе этих странных русских. Нет, не мог понять телевизионный магнат, что творилось в душе старого русского офицера на этом просмотре. Одна музыка чего стоила — только военный мог оценить изысканность ее подбора. Какими прекрасными казались ему лица солдат, офицеров и генералов. А маршалы — Жуков на белом коне, Рокоссовский на вороном. А потом они стояли, переговариваясь, улыбаясь друг другу и войскам, на трибуне Мавзолея, а с ними другие прославленные маршалы, молодые лица которых стали такими знакомыми, такими родными за годы войны.

Маршалы — о миг торжества! — стояли на трибуне Мавзолея, а по Красной площади шли чудо-богатыри, шли солдаты победы. Кадровый военный, человек, много размышлений отдавший военным проблемам, Яхонтов хорошо понимал, что солдат, отстоявших Сталинград, измотавших врага под Смоленском, форсировавших Днепр и Вислу, здесь практически нет. Они — там, в земле Сталинграда и Смоленска, они зарыты на берегах Днепра и Вислы. На парадах проходят не те солдаты, в честь которых парады устраиваются. Те солдаты — мертвы. Но вечно живы знамена победоносных полков, которые сейчас проносят по Красной площади. Даже

если полегли все солдаты до одного — живы полки! И наоборот. Пусть где-то в Германии жизнью спрятавшихся в нору крыс, жизнью забившихся в щель тараканов живы уцелевшие вояки из дивизии «Адольф Гитлер» или «Мертвая голова», пусть. Мертвы те дивизии. Их имена преданы проклятию, их знамена безупречной режиссурой Сергея Герасимова брошены к подножию Мавзолея. Но не наземь, а на специальный помост, чтобы не марать священные камни у Кремля. И солдаты особой вроты — в перчатках, чтобы не марать рук!

Сзади яхонтовской компании сидела группа американцев.

Один из них сказал громко, с усмешкой: — Смотрите, как неловко держит руку. Значит, верно говорят, что у него был инсульт.

Он имел в виду Сталина. Больше американец ничего не сказал. А Яхонтов и представить не мог, как будут на этой студии потрошить ленту, вырывать из нее куски и подло, оскорбительно, провокационно монтировать их с кадрами из других фильмов, прежде всего из гитлеровской кинохроники, в антисоветских передачах. Да, это трудно было предвидеть, но уже тогда, в июне сорок пятого, Яхонтов знал, что он не пойдет в советское посольство с просьбой о возвращении. Знал он это и в незабываемый день ликования — День Победы. Он утвердился в мысли о том, что ему возвращаться пока нельзя, 12 апреля, совсем незадолго до конца войны в Европе, в тот день, когда внезапно умер от кровоизлияния в мозг Франклин Делано Рузвельт и президентом США стал Гарри Соломон Трумэн. А трещину мечта о возвращении на Родину после войны дала еще раньше.

Вскоре после Сталинграда Виктор Александрович разговорился в клубе с приехавшим из Калифорнии профессором Уоско. Оказалось, тот еще совсем молодым человеком бывал на сессиях вильямстаунского института политики (бывал в качестве ассистента одного из маститых его участников). А теперь вот и сам профессор политологии, работает на Совет по международным отношениям, который по-прежнему издает журнал «Форин афферс». Вильямстаунские заседания давно кончились, но подобные институты в Америке никогда не переведутся. Профессор Уоско, по старой памяти числа Яхонтова среди подобных себе, простодушно поведал, о чем «высококолыбели» размышляют сейчас, в сорок третьем. Оказалось, размышляют, в общих чертах, на тему о том, как Америка будет переделывать мир после войны.

— Естественно, исходной точкой рассуждения служит социальная стабильность в Штатах,— прихлебывая кофе и пуская в сторону от некурящего собеседника кольца сигарного дыма, говорил профессор Уоско.— Как предпочитают выражаться некоторые специалисты, следует прежде всего обеспечить такое состояние, чтобы было невозможно произвести перераспределение богатства и власти. Замечу в скобках — лично мое мнение, что внутри элиты это неизбежно, но только внутри. Впрочем, это особая тема, не будем отвлекаться. Посмотрим в целом — что нужно, чтобы обеспечить искомое. И знаете, что получается, генерал? Удивительная штука. Для этого в идеальном варианте следует установить американский порядок на всем земном шаре.

— В идеальном, надо полагать, для Штатов?

— Разумеется. Но идеал вряд ли достигим. Я лично не разделяю мнения тех оптимистов, которые надеются на качественное падение русской мощи вследствие военных потерь. Я и мои единомышленники исходим из того, что после войны будет две сверхдержавы — Штаты и Россия. Вывод — в остальной части мира нужно взять максимум. Кстати, генерал, разрабатывается и новая терминология для подобных пока еще умозрительных построений. Это называется планирование на большой территории. Итак, максимум, как мы с вами уже убедились, это весь мир, а минимум — это, разумеется, наше полушарие плюс Британская империя, которая дышит на ладан. Да, совсем забыл — и французские колонии, ведь Франции вряд ли удастся подняться, великой державой ей уже не быть. Это — объективный фактор,— понизил голос Уоско,— но есть и субъективный: ФДР прямо-таки не выносит де Голля...

— Все это любопытно,— осторожно сказал Яхонтов,— но, простите меня, профессор, может быть, во мне звучит голос русской крови... Мне, знаете, странно слышать это сейчас. Гитлера только отогнали за Дон, оккупирована Украина, Белоруссия...

— Дорогой мой генерал, это дело тактиков. А стратеги уже поняли — кампания в России Гитлером проиграна. Им этого достаточно для дальнейшей работы, разве не так?

— Так-то оно так... — неопределенно отозвался Яхонтов, беря себя в руки.

— Мы с вами только что видели за обедом Даллеса,— продолжал политолог.— Возможно, вы знаете, что у этого

достойного джентльмена есть брат по имени Аллен. Знаете? Отлично. (Уоско снова понизил голос.) У нас с ним есть кое-какие общие знакомые. Так вот, по словам одного близкого ему человека, после Сталинграда у Аллена переменялись так называемые граничные мысли. Я имею в виду границы между сном и явью. Та забота, с которой засыпаешь и с которой просыпаешься. Теперь у Аллена это уже не Германия, это уже Россия...

Долгим был этот разговор и подробным. Побеседовали они и на тему, составлявшую предмет особого интереса для мистера Уоско — проблему перераспределения влияния среди элиты. По мнению профессора, война способствовала ускоренному созданию новых состояний, больших, но непрочных из-за своей узкой опоры — опоры лишь на военный бизнес. Сейчас они на коне и после войны не захотят слезать с коня. Предстоит борьба за перемещение приоритетов.

Яхонтов тогда не совсем понял пророческие слова профессора Уоско, но он сразу же вспомнил своего старого знакомого Чарли Доули. Они как раз недавно виделись, и Чарли пространно рассуждал о том, что он «в рабской зависимости от бомбардировщиков». Со своей наивной верой в яхонтовский дар предвидения он настойчиво спрашивал Виктора Александровича, сколько еще может продлиться война. Разумеется, Чарли волновало не то, сколько еще будет сожжено белорусских деревень, сколько украинских красавиц будет угнано немцами на унижения и муки, сколько заложников будет расстреляно в Югославии и сколько богатых коллекционеров ограблено во Франции. Мистер Доули жаждал совета — затевать ли строительство нового завода или уже поздно. Вполуха слушал Яхонтов его разглагольствования о трехсменной организации труда и повышенной оплате сверхурочных. В этих материях он разбирался слабо. Но насторожился, когда услышал от Чарли что-то о сенате. Это, пожалуй, было в первый раз, чтобы Доули с горячей заинтересованностью рассуждал о позициях тех или иных сенаторов (значит, подумал Яхонтов, его бизнес вырос настолько, что Доули уже непосредственно касаются решения, принимаемые в конгрессе).

А Чарли с восхищением говорил о сенаторе от штата Миссури Гарри С. Трумэне, который лучше чем кто бы то ни было понимает нужды военного бизнеса. Трумэн предложил организовать сенатскую комиссию по делам военного производства и возглавил ее. (Впоследствии

Яхонтова поражало, как старательно обходят этот факт в расхожих газетных биографиях Трумэна.) А в том разговоре Виктор Александрович не сразу сообразил, о ком идет речь. Потом вспомнил — это тот самый Трумэн, который в начале советско-германской войны советовал помогать той стороне, которая будет проигрывать — чтобы максимально ослабить и ту и другую.

В апреле сорок пятого этот человек стал хозяином Белого дома. Яхонтов сразу понял, что, пока он будет у власти, ничего хорошего ждать не придется. И в самом деле, тон прессы стал меняться на глазах. А уж в клубе на Пятой авеню и вовсе не стеснялись. Там в открытую говорили, что Россия фактически уже враг номер один и главная помеха Америке во всех ее благих делах. Говорили и о том, что, к сожалению, «толпа» дружелюбно настроена к России и потому не удастся сразу выбросить красные орды (да, так — совсем по Геббельсу) «из Европы». Что поэтому одна из важнейших задач — перестройка общественного мнения.

Ну, а это и было профессией Яхонтова — борьба за общественное мнение. Как же можно бросать фронт и уходить в отставку, если силы еще есть, а бойцов будет не хватать. Виктор Александрович это предчувствовал. У многих его соратников военных лет проявится глубокий, застарелый антисоветизм или просто аполитичность. И Гарри Трумэн по указке господ из «элитарных» клубов поведет Америку по пути вражды с Россией. Надо всеми силами противодействовать этому!

Решение Яхонтова остаться было горьким, но твердым. Одно только мучило — он не решался сказать об этом Мальвине Витольдовне. Она так мечтала поселиться в доме с видом на Неву! Но мудрая и чуткая Мальвина Витольдовна сама сказала мужу о том, что они не могут позволить себе уехать. Это произошло после того, как Хиросима и Нагасаки сгорели в атомном огне и клубмены с Пятой авеню, чокаясь шампанским, возбужденно говорили о том, что теперь-то России укажут ее место и она не посмеет перечить американской воле. Ни в чем, нигде и никогда. Ибо наступил Пакс Американа — американский век. Ибо сам господь вручил Америке атомную бомбу покарать Японию, укротить британскую гордыню, а главное — выбросить русских с ринга истории и тем самым одним махом исправить все ошибки, которые из-за этих русских наворочаны в истории, начиная с 1917 года.

Борец-сверхсрочник

Корпус подлецов

Вскоре после окончания войны в Европе в июле 1945 года вышла, как потом оказалось, последняя книга Яхонтова «СССР — внешняя политика». Работать над ней было легко. За годы войны у аккуратного Виктора Александровича скопилось несколько сотен отпечатанных на машинке лекций, которые он читал. Из них он и скомпоновал книгу. На ее первой странице поместил посвящение:

«Памяти великого американского президента Франклина Делано Рузвельта, который понял важность дружбы с Союзом Советских Социалистических Республик и таким образом сделал возможным сотрудничество с ним, приведшее к победе над фашизмом».

Книга разошлась, но, как говорится, со скрипом. О дополнительном тираже и думать было нечего. Покупателями почти полностью были рабочие — «в основном из левых и из русских», как выразился один книго-торговец. Буржуазная публика, средние американцы меняли ориентиры и, едва увидев посвящение памяти покойного президента, теряли интерес к книге. ФДР стремительно выходил из моды. Настолько стремительно, что даже Яхонтов, склонный к осторожности в оценках, не мог этого предвидеть. И не предвидел он явно неуспеха книги. Он ожидал полемики (не вокруг книги — вокруг курса ФДР), яростной борьбы, он думал, что его книга и будет одним из аргументов в спорах. Он не ожидал, что правящий класс Америки так дружно сменит курс...

После того как Яхонтов окончил работу над книгой, его почти силой увез на «ранчо Эдвардса» Чарли Доули, как всегда будто с неба свалившийся. Он не желал слушать никаких отговорок.

— Старина Эдвардс теперь просто управляющий, — рассказывал он, скрывая самодовольство, — а ранчо купил я. Признаюсь только вам, генерал, — из сентиментальных соображений. Помните, именно на ранчо я встретил вас тогда, в тридцать девятом, встретил своего доброго ангела и получил лучший совет в бизнесе за всю мою жизнь...

Впрочем, напор напором, а отдохнуть и в самом деле не мешало. Хотя — не беспечным был тот отдых для Виктора Александровича, нет. Как и в тридцать девятом, тревожные мысли не давали покоя. Гуляя по лесным тропинкам у ранчо Эдвардса, вернее, Доули, Яхонтов размышлял о перемене акцентов в американской политической жизни. Быстро разгоралась «холодная война», хотя тогда Уолтер Липпман еще не ввел этого термина в ежедневный обиход. В печати замелькали наглые до безобразия реплики американских генералов вроде Паттона о русских дикарях, о том, что США воевали не с тем, с кем надо бы, поползли слухи о подобных по тону высказываниях самого президента в узком кругу. Поворот был настолько крут, что, как это поняли все внимательные наблюдатели, Трумэн осознал, что зарывается, и послал в Москву верного «фэдээровца» Гопкинса кое-что сгладить. А потом, в разгар лета, состоялась встреча «большой тройки» в Потсдаме — никто не ведал, что она будет последней. Спустя некоторое время Яхонтов узнал от информированного знакомого, что на прощальном приеме Сталин провозгласил тост за то, чтобы в следующий раз встретиться в Токио. Увы... Но историю с тостом Яхонтов узнал позднее, а пока он всматривался в сразу ставшую знаменитой фотографию: в креслах сидят три лидера. Ну, Эттли имел смущенный вид случайно затесавшегося в эту компанию человека. Сталин, усталый после тяжелой работы военных лет, казалось, чуть усмехается тому, как пыжится рядом с ним Трумэн в рузвельтовском кресле...

Первоначальной реакцией Виктора Александровича была знаменитая гоголевская фраза «не по чину берешь», но прошло совсем немного дней, и Яхонтов понял, что Трумэн искренне был уверен, что он, как имперский орел с американского герба, простирает крылья над разом потерявшими свою силу британским львом и русским медведем. То было начало атомной эры. Еще далеко не все подробности были известны, еще не встречались в газетах слова «остаточная радиация» и «лучевая

болезнь», но сразу стало ясно, что в военном деле произошел переворот. Виктор Александрович пытался вообразить себе, какими теперь могут стать войны — и ничего не мог представить. Мысль отступала перед чем-то невообразимо ужасным, перед какой-то гигантской бессмыслицей. Яхонтову, как и всем другим людям, не посвященным в тайны манхэттенского проекта, требовалось время, чтобы осмыслить политические последствия рокового изобретения. Но нельзя было не заметить и не понять, что здесь, в Америке, атомная бомба как захватывающей дух самогонкой ударила в голову политиков и военных — если не всех, то многих, тех, кто сейчас, при Трумэне, выдвигался в первую шеренгу, отесняя, отталкивая, отпихивая от государственного штурвала соратников Рузвельта.

В войну Яхонтову, да и не ему, конечно, одному, казалось, что после победы напряжение спадет и чуть ли не темп жизни станет ниже. А выходило все наоборот. Впрочем, анализировал Яхонтов свое состояние, неторопливо прохаживаясь по тенистым тропинкам, может быть, дело в том, что четкая цель войны — необходимость победить врага — сужала сектор обзора, мозг инстинктивно отбрасывал то, что противоречило движению к цели. Снова вспомнилась беседа с профессором Уоско, его рассказ — в сорок третьем! — о планировании Пакс Американа «мудрецами» из СМО. Вспомнилось и высветилось новым светом то, что тогда, в разгар войны, просто не укладывалось в голове, казалось невероятным.

Ну, например, сетования Чарли Доули, что его быстро растущая, но еще новая фирма испытывает трудности с некоторыми материалами и деталями для самолетов. Само по себе это не удивляло — спрос на такие вещи во время войны огромен, дело не в этом. Чарли между делом заметил, что король нефти и всяческих нефтепродуктов Рокфеллер выполняет ранее заключенные контракты с другими фирмами, в том числе и с немецкими. Так же поступает ИТТ и ряд других компаний. Чарли рассказал о трудностях с поставкой шариковых подшипников, без которых ни один самолет не сдвинется с места. Мировым монополистом на эти изделия был шведский концерн СКФ, имеющий дочерние предприятия в разных странах, в том числе и в США. Так вот американский филиал во время войны срывал поставки для американских ВВС, зато отправлял продукцию и техническую документацию в Швецию и в латиноамериканские государства, откуда

это передавалось люфтваффе Геринга. Более того, одним из руководителей филиала СКФ в США был некто фон Розен — родственник Геринга. Когда, рассказывал Чарли, один честный работник фирмы решил положить конец саботажу, он отправился в Управление военного производства. Но там замом шефа оказался мистер Бэт — он же глава филиала СКФ. Назначил его на этот пост Рузвельт, а покровительствовал Бэту и его профашистской фирме Дж. Ф. Даллес, ныне сенатор. Разве можно было что-нибудь понять?

Яхонтов рассказал об этом Рагнару Строму, когда тот в последний раз был в Штатах. Стром только усмехнулся.

— Не думайте, Виктор Александрович, что связи между концернами прервались из-за войны. Упаси боже! Поверьте, из нашей нейтральной Швеции это гораздо лучше видно, чем отсюда. Вы упомянули корпорацию ИТТ — «Интернэшнл телефон энд телеграф». Корпорация американская, но у нее есть заводы в Германии, они работают, снабжают вермахт техникой, но это американские предприятия, Виктор Александрович. А от конфискации их укрывает член совета директоров ИТТ — кто бы вы думали? Вальтер Шелленберг, один из руководителей СС...

— Не может быть! — воскликнул Яхонтов.

— У меня сведения достоверные, — твердо возразил Стром. — И еще у меня есть сведения, что заводы ИТТ в рейхе авиация союзников бомбить не будет. А вот эти нехорошие большевики могут и разбомбить, чтобы предотвратить поставки техники связи вермахту.

Эта тема крайне заинтересовала Яхонтова. Он узнал, что министр финансов Моргентау и особенно его заместитель Уайт всю войну тщетно пытались помешать преступному сотрудничеству большого бизнеса США и Германии. На таких же позициях стоял и ряд других крупных чиновников. Тщетно. Пришлось, видимо, известному экономисту профессору Уайту уяснить себе, что не президент высшая власть в США. Рокфеллер, Форд, Морган и другие воротилы продолжали сотрудничество с нацистами. И во время войны «Дженерал моторс» (империя Дюпонов) выпускала в третьем рейхе грузовики для вермахта. Но война есть война, и дюпоновская собственность в Германии пострадала. Прошло много лет, и уже в 1967 году фирма получила от правительства США компенсацию за эти потери. А глава ИТТ Бен по-

лучил американский орден в 1946 году. Он же снабжал высококачественной аппаратурой не только вермахт, но и армию США! Иной была судьба профессора Уайта. Маккартисты объявили его «большевистским агентом». После одного из допросов в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Гарри Декстер Уайт скончался от сердечного приступа в возрасте 56 лет. Это было в 1948 году.

Летом сорок пятого до этого было еще далеко, но уже было ясно, что если преступное сотрудничество с врагом не смог (или не захотел) пресечь Рузвельт, то наказывать за него Трумэн не будет. Ведь война кончилась, и слава богу. И кого волнует, что, может быть, бомбой, сработавшей на американском заводе для нужд вермахта, убит в Арденнах капрал Джон Карпентер, Ваня, сын Феди Плотникова. Кого это волнует? Но мало того, мало!

— Жаль, конечно, парня,— сказал как-то Фреду его босс,— но не с теми воевали, с кем надо. Из-за глупости инвалида (так теперь он называл покойного Рузвельта) дикари поят коней в Эльбе.

Босс, видимо, забыл, а может быть, и не знал, что мастер Карпентер — русский. Впрочем, может быть, и знал, но полагал, что имеет право на хамство, потому что — босс.

А Фред промолчал, потому что дело шло к пенсии и никак нельзя было рисковать работой. Только вечером, выйдя с завода, купил пинту смирновской водки и дома в одиночку выпил, плача бессильными, безутешными слезами. А что сделаешь, если можно вылететь без пенсии, тем более производство повсюду сокращается. Военный бум явно шел к концу, и это страшило Федора.

Это же страшило и другого человека из числа знакомых Яхонтова, находящегося на другом краю социального спектра — Чарли Доули.

— Что мне делать, Виктор,— шептал он, суеверно ожидая, что русский генерал-провидец даст ему еще один магический совет.— Ах, сейчас бы расширить производство! Правительство начало распродавать свои военные заводы частному бизнесу буквально по бросовым ценам. Но надо знать, будут ли через год, через два кому-нибудь нужны мои бомбардировщики. Ах, как быстро окончилась война, я только-только начал разворачиваться... Во всем виновата атомная бомба. Если

бы не она, говорили мне, война длилась бы еще полтора-два года.

— Если бы не Советская Армия, — не удержался Яхонтов, хотя и знал, что его слова не будут услышаны. И все же он слушал Чарли — Виктору Александровичу было интересно понять мотивы действий этого капиталиста, считавшего себя его другом. Кроме того, Чарли рассказывал о людях и фактах, которые можно было бы и не заметить в потоке информации. Ну, например, о том, что один из боссов «Дженерал электрик» Чарльз Вильсон предложил (еще в сорок четвертом) позаботиться о послевоенном будущем военного бизнеса. Нация нуждается в постоянной военной экономике, сказал Вильсон, и такие дельцы, как Чарли Доули, с восторгом встретили его слова. Вильсон предложил, чтобы в каждой крупной фирме был специалист по связям с военной и чтобы военные, а не какие-то там конгрессмены, которым бог знает что может взбрести на ум, командовали программой «вооружения нации». И эта программа должна быть постоянной, не зависимой от политических комбинаций в конгрессе. Таким образом, выборная власть утратила бы власть и над военными и над военным бизнесом. В сорок четвертом это звучало еще как нечто нереальное, но спустя годы Яхонтов много раз вспоминал пророка из «Дженерал электрик», в сущности сформулировавшего идею военно-промышленного комплекса.

У фабрикантов оружия были основания для страха. За три послевоенных года военные расходы США снизились с 80 до 12 миллиардов долларов. Военный бизнес жаждал нового врага. Чарли мог спрашивать Яхонтова, с кем бы можно было затеять войну, чтобы получить новые заказы на бомбардировщики. Для подлинных «китов» большого бизнеса, уже научившихся мыслить политически, сомнений не было. Но и «киты бизнеса», и политики, рокфеллеры и трумэны, понимали, что мгновенно переменить в сознании миллионов людей «имидж» Советского Союза невозможно. И они начали величайшее «промывание мозгов». На это дело были брошены опытейшие политиканы, искуснейшие журналисты, гигантские средства. Те самые три года, когда власть вынуждена была (с оглядкой на избирателя, который справедливо считал, что война окончена и нечего транжирить деньги на оружие) снижать военные расходы, были годами истерического всплеска антисоветизма в форме «холодной войны».

В сражениях за души американцев, за сохранение союзнического отношения к СССР, в сражениях за истину Яхонтов принял активнейшее участие. Он много писал для прогрессивной газеты «Русский голос». В сущности, это было своеобразным продолжением его давней просветительской работы среди иммигрантов из России. Но если тогда, свободно ориентируясь в истории, он сам многого, очень многого не понимал в современности, то теперь картина стала иной. Злободневные вопросы, проблемы сегодняшней политики по праву могли считаться его специальностью. Он видел, как сбивают с толку людей, и старался им помочь. Снова, как и в послереволюционные годы, сливались воедино понятия «русский» и «красный». Теперь бы механик-ирландец не стал искать в фамилии Тимошенко ирландские корни. Встречаясь в лифтах и у подъездов, соседи уже не говорили русским американцам, как говорили совсем недавно:

— Молодцы ваши! Дали жару фашистам. Поздравляю.

Теперь говорили с усмешкой:

— Говорят, у вас там и мыла нет...

Всего этого в тревожных размышлениях последних лет Яхонтов в какой-то степени ожидал. Нет, он не был пророком, он был просто хорошим аналитиком и многое предвидел. Но поразило его, как и многих других, оживление самого понятия «русский эмигрант», которое за давностью лет как-то и исчезать стало. И вдруг — воскресло. Вдруг стали появляться типы с русскими, украинскими, кавказскими и прибалтийскими фамилиями. Появился совершенно новый, какой-то расплывчатый и маскировочный термин «перемещенные лица». Возник сразу и русский эквивалент английскому «дисплейсд персонс» (ди-пи) — «дипишники». Ах, как много значит подмена названия. Дипишник — это же совсем не то, что «каратель», «бандеровец», «полицай», «дезертир», «изменник». Дипишник — и все. Правда, были среди дипишников и совсем другие люди — забытые, затурканные, ничего не понимающие, не знающие языка. Но они проявились позднее, они робко жались в стороне. А дипишники из предателей, учуяв конъюнктуру, вели себя без робости. Они сами быстренько научились подменять понятия. Вешал? Расстреливал? Жег? Да, было дело. Но — не красноармейцев, не военнопленных, не мирных жителей, а — коммунистов. А уже в Америке кричат

«кил комми» — убей коммуниста. И вот уже мастера бандеровской удавки, охранники в концлагерях, убийцы, насильники, мародеры — не фашистские прихвостни, не преступники, а борцы за демократию. Неважно, что они и слова-то такого сроду не знали. Но им — время на радио и на ти-ви, им — газетная площадь. Разумеется, призвало их на первые полосы «Новое русское слово», давно уже не новое и не русское, а сионистское. Для Яхонтова, для всех активистов «Русского голоса» нет никакого секрета в том, кто владеет и командует НРС. Но и они, люди достаточно искушенные, подивились, как безболезненно и бесстыдно приняли сионисты в свою компанию тех, кто еще совсем недавно расстреливал еврейских стариков и детей в местечках Белоруссии. Ничего, «Новое русское слово» не поперхнулось и не поморщилось.

Надо было давать отпор. И «Русский голос», то есть прежде всего Крынкин, Яхонтов, Югов и Казакевич, отпор давали. Сражались уверенно, но — была одна формальная слабинка в их позиции. НРС щеголяла тем, что ее новые авторы еще недавно были «в советском аду», а потому могут судить лучше тех, кто знает СССР по давним временам...

Обязательно нужно побывать на Родине! В 1946 году Яхонтов поехал в СССР.

Паломничество — 1946-й

Разоренной войной стране было не до туристов. Поэтому Виктор Александрович, несмотря на то что располагал деньгами, смог получить поездку по весьма короткому маршруту. Лайнером в Батуми, оттуда тем же теплоходом в Одессу и — поездом в Москву...

Много ли можно было увидеть из окон поезда Одесса — Москва в августе 1946 года? Много. Ужасали развалины, ужасали полуразрушенные печи, только и оставшиеся от деревень... На каждой станции Яхонтов обязательно выходил, чтобы побыть среди толпы, пристально взглядеться в людей, послушать их разговоры. Какую же страшную цену заплатила его Родина за то, что спасла мир! — вот главное, что он увидел и понял. Люди в отрепьях, босые или обутые во что-то, что Яхонтов не мог распознать, так плохо одетые люди, что среди них одетые в полинялую военную форму казались фран-

тами... Из их разговоров можно было понять, что многие живут в землянках, в сараях и нет никаких шансов на то, что им не придется там же и зимовать. Но не от того хмурыми были в большинстве своем эти люди, понял очень важное Яхонтов. Они уже свыклись с разрушениями и знали, что теперь все зависит только от них — как смогут, так и построятся, так и переедут из землянок и времянки в дома. Но не все зависело от них. Судьба как будто испытывала Россию на крепость. В первое послевоенное лето страну поразила страшная засуха. В августе, когда Виктор Александрович ехал по Украине и Южной России, стало уже ясно, что хлеба не будет...

В Москве он не был ровно десять лет. Новостройки конца 1936 — начала 1941 года уже стали старожилками, уже так срослись с городом, что даже Яхонтов иной раз колебался, вспоминая, видел он уже это или еще нет. Он не заметил в столице разрушений (разбомбленные дома были давно уже разобраны и на их месте устроены скверики), но влияние войны увидел всюду. Видно было, что город несколько лет не мог позволить себе должным образом следить за собой. Конечно, столичная толпа отличалась от той, что он видел на брянском вокзале, но и здесь было заметно, как война отбросила страну назад, как понизился жизненный уровень. Виктор Александрович заходил в магазины и смотрел, как люди «отоваривают карточки», читал объявления вроде того, что в этом месяце вместо мяса будет выдаваться селедка — из расчета 2 кг за 1 кг мяса. Узнал Яхонтов, что карточки бывают разные — литер «А», литер «Б», «рабочие», «служащие», «иждивенческие», «детские». Есть для слабых и УДП (усиленное дополнительное питание). Не потерявшие чувства юмора москвичи расшифровывали это название как Умрешь-Днем-Позже... Без карточек продавалось мороженое. Яхонтов замечал, как жадно едят его люди. Ему объяснили — сказывается сахарное голодание военных лет. И еще без всякой нормы можно было выпить. Чтобы послушать разговоры, Виктор Александрович отстоял однажды очередь к ларьку рядом с Концертным залом имени Чайковского. Очередь подвигалась медленно. Брали обычно сто или сто пятьдесят граммов водки и кружку пива. Яхонтов взял одно пиво и долго пил его, жадно впитывая разговоры вокруг. Тоска взяла его за сердце — он вспомнил фултонскую речь Черчилля, вспомнил нараставшие с каждым днем вопли о русской угрозе. Какая подлость! С тех пор как Яхонтов

попал в СССР, он от каждого — от каждого! — слышал, что у того погиб отец, брат, сын, что в Германию угнали сестру, что от голода умерла мать, что разрушен дом, что работают люто, стиснув зубы, надо все восстанавливать. Ловил Яхонтов и реплики в адрес союзников. Реплики чаще всего иронические. Но о фултонской речи Черчилля мужики с пивными кружками в руках тоже знали.

«Вот тебе и железный занавес», — думал Яхонтов, знавший и то, что господин Черчилль позаимствовал сей термин у геббельсовской пропаганды. Есть занавес, есть, только повешен он не восточной стороной. И как обманывают на Западе сами себя, воображая, что эти мужики «в оппозиции» к своему правительству.

А также уловил в этой очереди Яхонтов, что русский язык обогатился еще одним ругательством — «власовец»...

И еще раз поразило Яхонтова московское метро, вернее — дальновидность правительства. Оказывается, и в войну продолжалась стройка. Сохранялись кадры. Значит, была уверенность в победе...

В отличие от прошлых наездов сейчас у Виктора Александровича были в Москве и старые друзья. Это прежде всего граф Алексей Игнатьев с милой Наташей. И едва устроившись в гостинице, Яхонтов попросил дежурную «Интуриста» найти телефон и адрес Игнатьевых. Вспомнилось, как в двадцать четвертом году, в Париже, тщетно ожидая советской визы, он встретился с Алексеем Алексеевичем и как они были рады, что оба душой оторвались от белоэмигрантщины и пошли по пути признания Советской России... А теперь граф Игнатьев — советский генерал и уже, считай, давний житель Москвы.

Они встретились на следующий же день и проговорили почти сутки. Боже мой, сколько же они не виделись — просто не верится. Но уж кого-кого, а Игнатьева Виктор Александрович всегда ощущал рядом. Алексей Алексеевич, может быть, и не подозревал, сколь важна была для Яхонтова его поддержка тогда, в двадцать четвертом. Виктор Александрович знал, что переход Игнатьева на советскую платформу привел к тому, что с ним порвали почти все близкие и даже мать. Он осторожно осведомился о ее судьбе. Оказалось, она умерла в 1944 году, в Париже, в 94 года...

— Обо всем ты прочтешь в моей книге, — сказал Игнатьев. — Я мечтал подарить ее тебе. Ну, как тебе нра-

вится название? «Пятьдесят лет в строю». Неплохо, а?

Яхонтов понял, что Алексей Алексеевич предпочел бы не говорить на эмигрантские темы, и принялся расспрашивать его о том, что ему было не совсем ясно в советской жизни. Игнатьев обвел рукой стол, уставленный обильными и изысканными закусками:

— Ты же должен понять, Виктор, что мне созданы особые условия. Ни в этой квартире, ни в ресторане твоей гостиницы ты не увидишь страшной правды... Знаешь что? Тебе обязательно надо побывать на рынке и... и, пожалуй, где-нибудь на подмосковной станции, в Мытищах, к примеру, или в Люберцах.

— Зачем? — не понял Яхонтов.

— Съездишь — поймешь, — грустно усмехнулся Алексей Алексеевич.

Виктор Александрович воспользовался его советом и объездил несколько станций. Оказывается, всюду на запасных путях стояли сотни старых вагончиков, в которых жили тысячи и тысячи людей. Жили! Сушилось белье, играли дети, женщины стирали, готовили пищу на керосинках. Был август. А этим людям предстояло пережить в вагончиках и лютую зиму. А на рынках, видел он, шел обмен. Целые буханки хлеба, а чаще нарезанные на крупные ломти менялись на одежду, обувь, мыло. Он разговорился с женщиной, она продавала пальто для подростка — совсем новое. Оказалось, сын-школьник получил за хорошую учебу так называемый «ордер», взял дома деньги, пошел и «отоварил» ордер, но жулик-продавец всучил мальчишке пальто, которое на него не налезало, а потом нагло уверял, что это был не он. Женщина, видно, была не настырной — и вот продает пальто...

Страсть советских людей к чтению поражала Яхонтова и в его довоенные приезды. Но сейчас она поразила его еще больше. По западным меркам, размышлял он, люди, живущие на столь низком материальном уровне, политикой, как правило, не интересуются. Здесь все было не так. В этом мнении его утвердил и Курнаков, реэмигрировавший сразу после войны, но продолжающий активно писать в «Русский голос» (он давал серию материалов под рубрикой «Письма с Родины»). Непоседливый, активный, он и в Москве развернул бурную деятельность — выступал с лекциями о жизни в Америке, о борьбе за открытие второго фронта.

— Трудно было приспособиться? — спросил его Яхонтов, старательно скрывая зависть.

— К быту — трудно. К людям — легко. Понимаете, Виктор Александрович, здесь, по-моему, годы лишений, трудностей, ну и конечно, ужасы войны выработали в людях поразительную способность чувствовать фальшь. Если я говорю честно, откровенно — я свой. Свой в доску, как здесь теперь говорят. Но если я что-то недоговариваю или обхожу — чувствуют сразу, теряют ко мне интерес, и я ощущаю себя чужаком, пришельцем... Но и они, доложу вам, генерал, поразительно откровенны.

Помолчав, бывший ротмистр Дикой дивизии добавил:

— Я влюбился в свой народ. Нельзя не влюбиться в народ, который чем горше были испытания, тем дружнее и человечнее становился. Человечнее, генерал...

Яхонтов спросил, чтобы удостовериться, и Курнаков подтвердил, что в СССР действительно самые обычные люди исправно читают газеты — и прежде всего внешнеполитические разделы. По американским меркам это было совершенно невероятно.

Что касается самого Виктора Александровича, его в то время больше всего интересовали в газетах отчеты о процессе в Хабаровске. Судили военных преступников, в том числе попавшего-таки в руки правосудия атамана Семенова. Вместе с бандитом было повешено несколько его сообщников, в том числе Тарханов Е. И. Виктор Александрович испытал глубокое удовлетворение. Как будто были дописаны последние строки в одной из давних глав его жизни...

Радостной, сердечной была встреча с Сергеем Тимофеевичем Коненковым. Знаменитый скульптор вернулся на Родину после четвертьвековой жизни в США. Он приехал в декабре прошлого, сорок пятого года, но до сих пор жил в гостинице «Москва» — подобрать ему квартиру с мастерской в послевоенной Москве было не так-то просто. Номер, однако, был такой, что позволял работать.

Маргарита Ивановна Коненкова была очень рада встретить старого нью-йоркского знакомого:

— Дорогой мой генерал, давно ли вы провожали нас, а ведь почти год прошел.

— Неужели почти год?

— Я помню четко — банкет был 25 сентября.

25 сентября 1945 года в нью-йоркском ресторане «Три Краунс» друзья провожали Коненковых на Родину. Справедливости ради следует сказать, что Маргарита Ивановна была на этом банкете, пожалуй, большим героем, нежели ее знаменитый супруг. Русские американ-

цы, конечно, гордились тем, что среди них есть такой знаменитый на весь мир ваятель, как Коненков. Но такие люди, как Федор Плотников, как правило, не ходили на выставки и в искусстве разбирались мало. А Маргарита Ивановна всю войну была ответственным секретарем комитета по оказанию помощи Родине. В США было сорок местных отделений комитета, и миссис Коненкова беспрерывно разъезжала между ними помогать, проверять, агитировать. Иногда выступать приходилось по два-три раза в день. Маргариту Ивановну в годы войны знали все русские американцы — те, что не перестали быть русскими, конечно...

Первой работой Коненкова на Родине стал вырубленный из дерева портрет Ленина. Владимир Ильич был изображен выступающим на Красной площади 7 ноября 1918 года. Тогда Коненков слышал и видел Ленина...

— А над чем работаете сейчас?— спросил Яхонтов скульптора.

Коненов показал ему папку эскизов.

— Хочу,— сказал Сергей Тимофеевич,— этим поклониться нашему народу. Богатырю. Победителю. Спасителю мира.

Это были эскизы Самсона — Освобожденного человека.

...Яхонтов был популярным лектором. Но когда в Русском народном доме в Нью-Йорке он выступил с лекцией «Что я видел и слышал в СССР», в зале, как говорится, яблоку было негде упасть. Агент ФБР Джо Форлау составил подробное донесение, указав, что генерал делал упор на колоссальных потерях, которые понесла Россия в войну, и строил на этом идущее вразрез с официальной точкой зрения мнение, что русские не хотят войны.

Стахановец из ООН

Когда-то в далекое довоенное время, засидевшись в публичной библиотеке на углу Пятой авеню и Сорок второй улицы, Яхонтов любил пройтись, чтобы размять ноги и развеяться, в сторону Ист-ривер. Ни он, ни кто другой не ведал тогда, что здесь со временем взметнется штаб-квартира ООН. Да и не только тогда, но и много позже, когда на конференции в Сан-Франциско уже был подписан устав новой международной организа-

ции и было решено, что она расположится в Нью-Йорке. Где именно — каким-то образом об этом пронюхал предприимчивый делец Краун. Он купил участок на берегу Ист-ривер, владел им несколько недель и перепродал ООН, «заработав» на этом 600 тысяч долларов. Газеты вздохнули с восхищением от удачей мистера Крауна. (Спустя несколько лет он купил и перепродал с прибылью в 15 миллионов долларов небоскреб «Эмпайр стейт билдинг», а затем пробился к рулю военной-промышленной корпорации «Дженерал дайнэмикс». Такая вот американская знаменитость.) А пока Краун не провернул свое дело, штаб-квартира ООН временно располагалась в местечке Лейк-Саксесс, одном из пригородов Нью-Йорка. В те времена публику без боязни допускали в зал заседаний вместе с делегатами. Не мог не поехать туда и по-мальчишески любознательный Яхонтов. Но для него экскурсия имела важные последствия.

В здании ООН Виктор Александрович встретил одного из старых знакомых, который, как оказалось, там служит.

— Мистер Яхонтов, — сказал он, — почему бы вам не попробовать поступить к нам — в отдел переводов Секретариата. Желающих масса, но у вас огромный козырь — вы свободно владеете русским. А именно русский, обязательный для редактора отдела переводов, — камень преткновения для большинства соискателей. Кстати, поэтому среди наших сотрудников много русских...

Яхонтову дали посмотреть список ооновских переводчиков, и ему показалось, что он не в Лейк-Саксесе, а в Ленинграде. В списке значились Васильчиков, Орлов, Толстой, Самарин, Хлебников, Астров, Маргулиес, Первушин, Чиликин, Тесленко, Тхоржевский, Сосинский...

— Это еще не все ваши соотечественники, — засмеялся знакомый, заметив удивление Яхонтова. — У Шерри раньше была другая фамилия, сам он родом из Белоруссии. Так же, как и единственная женщина среди переводчиков — Кастаньедо. А вот заведующий отделом Секретариата мистер Бернар — у него жена из России. Она дочь баронессы Будберг...

Еще Яхонтову было сказано, что оклады в ООН установлены очень высокие. А в его положении это было важно. Приглашений на платные лекции делалось все меньше и меньше. Упрямый русский генерал не скрывал своих симпатий к рузвельтовскому курсу, не намеревался, судя по всему, зашагать в ногу со временем, то есть подстро-

иться под фултонскую речь Черчилля, эту декларацию «холодной войны», задудеть в ту же дуду, что и президент Трумэн. А Трумэн в марте 1947 года, в то самое время, когда Яхонтов поступал в ООН, произнес тоже своего рода историческую речь. Историческую в том смысле, что он фактически признал обреченность капитализма. «Система,— сказал он, имея в виду капиталистическую систему,— может выжить в США, только если превратится во всемирную». Только если! Значит — в условиях мира капитализму не удержаться. Всемирная — значит придется устранить социализм («врагом свободного предпринимательства являются «регулируемые экономики»,— говорил Трумэн). Если логически продолжать мысль, следовал вывод о неизбежности войны с СССР. И это президент, обязанный по должности выражаться сдержанно. Что уж говорить о других... В такой атмосфере «красный генерал» (кто-то снова ввел в оборот эту довоенную кличку) не мог рассчитывать на большие лекторские заработки.

Конечно, кое-что удалось скопить в результате лекционного бума времен войны, но и о деньгах приходилось думать. Но главным был все же не материальный интерес. Главным было желание быть в гуще политической жизни, тем более — международной. Посоветовавшись с Мальвиной Витольдовной, Яхонтов решил — и подал документы.

В возрасте 65 лет пришлось ему, как и всем остальным, сдавать экзамены. Многочисленным соискателям надо было, кроме всего прочего, переводить на русский официальные документы с английского и французского, отвечать на вопросы по истории, культуре, государственному устройству Советского Союза. Нетрудно догадаться, что для многих жителей Запада именно эта часть экзаменов представляла наибольшую трудность. А для Виктора Александровича как раз эти испытания и были самыми легкими.

Вспоминая об этом периоде своей жизни, Яхонтов впоследствии писал:

«Безусловно, что при окончательном утверждении списка учитывались не только уровень знаний, профессиональные навыки и общая культура кандидата на место, но и такой немаловажный фактор, как анкетные данные. Мое заявление получилось весьма солидным: едва ли не целую страницу в нем занял один лишь перечень переводных работ, статей и книг, которые я написал в раз-

ные годы. Скорее всего, именно это обстоятельство послужило причиной тому, что меня сразу же назначили «ривайзером» — редактором переводов.

Должен сказать, что Секретариату приходится выполнять колоссальный объем работы. Благодаря прежней многолетней практике, а также давно выработанной привычке добросовестно выполнять любое порученное тебе дело я сумел довольно быстро втянуться в напряженный ритм жизни нашего отдела. Сослуживцы даже стали называть меня в шутку «стахановцем»...

В ООН я проработал без малого шесть лет. Возможно, что служба моя там продолжалась бы еще какое-то время, если бы в пятидесятых годах в США не начался разгул маккартизма...»

Яхонтов получил вызов в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, наводившую трепет на все США. Это не удивительно, если вспомнить, что под колеса комиссии попадали, калечились, а то и гибли люди, никаких симпатий к Советскому Союзу никогда не высказывавшие.

Это было тяжелое время в Америке, которое потом Лилиан Хеллман назвала временем негодяев, и маккартизм был лишь одной из форм усиления реакции. Маккарти выскочил со своим шизофреническим заявлением о том, что в госдепартаменте с ведома госсекретаря Дина Ачесона работают 205 коммунистов, в феврале 1950 года. В июле Трумэн с трибуны конгресса призвал к перевооружению нации перед лицом «растущей коммунистической опасности» (поводом была начавшаяся в Корее гражданская война). В Корею вторглись американские войска. В декабре Трумэн объявил в США чрезвычайное положение... Военщина бесилась — совсем недавно, осенью 1949 года, СССР испытал свою атомную бомбу. Но американские генералы понимали, что, если хочешь атомной войны, надо торопиться — США пока сохраняют атомное превосходство. О войне писали, говорили, мечтали. Войной бредили. В 1949 году министр обороны Джеймс Форрестол, которому почудились русские танки на улицах Вашингтона, выбросился из окна... С началом корейской войны окончился спад в оружейном бизнесе. Военное производство стремительно набирало обороты. Чарли Доули, пережив «тяжелое время», опять пошел в гору. Мечта Чарльза Вильсона из «Дженерал электрик» превращалась в реальность — страна получила постоянную военную экономику. Кстати, сам Вильсон

был приглашен Трумэнном в правительство и стал министром обороны. Теперь он мог проводить дорогие его сердцу (и карману) идеи в жизнь. Чтобы оправдать рост военных расходов, шпионов искали повсюду. Об этом времени американский историк Д. Барбер сказал так: «Шпионские истории завораживали и пугали народ, предлагая затем удобоваримое объяснение всем несчастьям — от непреклонности русских до высоких цен на мясо». Страх перед коммунизмом, перед СССР и КНР, нагнетался сознательно, искусно, целеустремленно.

Вот в такой атмосфере в 1952 году и предстал перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности служащий ООН Яхонтов. Вел допрос известный тогда реакционер сенатор от штата Миссисипи Джеймс Истленд. Идя на дознание, Яхонтов пытался представить, что за обвинение ему предъявят. Насколько он знал, маккартисты обычно размахивали каким-нибудь «компрометирующим документом». Что покажут ему — его подпись в списке лиц, вносящих деньги в фонд Красной Армии? Маккартисты могли теперь истолковать это как «измену». Ведь сам бесноватый сенатор совсем недавно заявил: «Можно уверенно утверждать, что третья мировая война началась с русской победы у Сталинграда». Следуя этой логике, можно вынести вердикт, что в сорок третьем и в сорок четвертом Яхонтов и его «сообщники» собирали деньги для «врага». Или маккартисты получили ложный донос какого-нибудь негодяя? Он не угадал. Без тени юмора Истленд предъявил Яхонтову письмо директора Института тихоокеанских отношений мистера Картера, адресованное американскому генеральному консулу в Мукдене, с просьбой помочь мистеру Яхонтову... в сборе материалов о китайских советах. Комиссия трактовала это как улику, указывающую на симпатии Яхонтова к китайским коммунистам. В контексте корейской войны вопрос звучал более чем злободневно. Яхонтов с нарочитым смирением признал подлинность документа, но попросил обратить внимание на дату его написания. Инквизиторы по очереди посмотрели и явно смутились. Между тем Яхонтов объяснил, с чем связано письмо, рассказал о своей поездке в Китай, о книге «Китайские советы», об отъездах на нее. Комиссия могла убедиться, что издавали книги Яхонтова не коммунистические издательства. А интерес к проблемам Японии, Китая и Кореи у него давний — еще с тех пор, как он изучал эти страны, будучи офицером армии русского царя. Комиссия, каза-

лось, была удовлетворена, один Истленд не унимался. У него в руках была еще какая-то бумага, которую он Яхонтову не предъявил. Пожимая плечами, изображая изумление (а может быть, и неподдельно изумляясь), сенатор воскликнул:

— У меня это не укладывается в голове! Почему вы, бывший русский генерал, столь просоветски настроены и поддерживаете своими статьями и книгами новый режим у себя в стране?

— Я ответил так,— рассказывал Виктор Александрович.— Почтенный сенатор, на неуместный вопрос, не относящийся к данному делу, я мог бы и не отвечать. Но поскольку этим вопросом затронута честь моей Родины, то я должен напомнить, что «новый режим», о котором вы, сенатор, отзываетесь с презрением, пользуется безграничной поддержкой многомиллионного народа. А после того как Советский Союз продемонстрировал перед всем миром грандиозные успехи в созидании новой жизни и сыграл решающую роль в разгроме фашизма, его стали уважать все честные люди на земле. Горжусь свершениями моего народа и преклоняюсь перед социальным строем, обеспечившим России достойное место среди других стран... Хочу добавить, что нынешние напряженные отношения между США и СССР, наступившие после плодотворного сотрудничества в период второй мировой войны,— явление временное. Судьба упорно продолжает работать над тем, чтобы свести русских и американцев вместе, как того требуют интересы не только двух стран, но и всего человечества...

Но сенатор Истленд уже утратил интерес к служащему ООН Яхонтову. Виктор Александрович полагал, что дело полностью закрыто. Но вскоре получил повестку в суд. Разговор в суде получился какой-то странный.

— Зачем вы читали лекции об СССР?— спросили Яхонтова.

— Затем, уважаемые судьи,— ответил он,— что американский народ должен знать правду, а не сказки о Советском Союзе, затем, что взаимопонимание и сотрудничество между двумя великими странами, к чему я призывал американскую общественность на протяжении нескольких десятилетий, отвечает интересам как СССР, так и США и является самой прочной гарантией мира, в котором так нуждается все человечество.

Вяло поговорив еще немного в таком же духе, его отпустили, не предъявив никакого конкретного обвинения.

Между тем по маккартистским меркам Яхонтов должен был бы считаться «крайне опасным». За гораздо меньшие «преступления», за гораздо менее явно выражавшиеся симпатии Советскому Союзу людей подвергали суровым наказаниям. В чем же дело? Видимо, перевесило изначальное представление о нем как о белоэмигрантском генерале из аристократов. А может быть, на него просто махнули рукой как на старикашку, с которым все равно скоро расправится само время. Да и всегда ли сыщешь логику в действиях секретных служб? Кстати, и в службах тех тоже были разные люди. Тот самый Смит, который давно «вел» Яхонтова, был вовсе не дурак и не подлец...

Но вызовы в комиссию и в суд все же не прошли даром. Хотя Виктор Александрович по-прежнему ходил в ооновских «стахановцах» и был, как доказала его дальнейшая жизнь, вполне работоспособен, он получил вежливое уведомление, что его возраст перешел все допустимые пределы и ему предлагается оставить службу в Организации Объединенных Наций. Зимой 1952/53 года Яхонтов снова стал «вольным стрелком». Ему шел семьдесят второй год.

Чарли Доули умолил «отставника» немного показаться на только что приобретенной яхте. Яхонтов взял с собой целый чемодан журналов. Закладками были помечены статьи, которые надо прочитать, но при регулярной службе все было недосуг. Чарли тревожился по поводу того, не окончится ли вдруг война в Корее. Вон уже и генерала Макартура сняли, а говорят, он стоял за то, чтобы ввести войска в Китай. Вот бы посыпались заказы на бомбардировщики! Что же будет теперь? Куда повернет руль вновь избранный президент Эйзенхауэр?

Отдохнув — а отдых, Чарли прав, и в самом деле оказался нелишним, — Яхонтов вернулся в Нью-Йорк и на следующий же день с ворохом идей отправился в «Русский голос». Когда он вошел в редакцию, все с напряженными лицами слушали радио.

— Сталин умер, — коротко сказал Крынкин.

Вскоре президент Эйзенхауэр выступил с речью по этому поводу.

«Правда» очень оперативно дала развернутый ответ на речь, предупредив, что политика Советского Союза останется неизменной. В Америке далеко не все узнали об этом. Яхонтову пришлось отвечать на множество глупейших вопросов, вплоть до таких, что не возместит ли

новая русская власть убытки, которые понесли американские вкладчики после революции.

Из Европы все прибывали и прибывали дипишники. Некоторые явно тяготели к «Русскому голосу» и к Арров-парку.

В 1948 году это имение у городка Монро к северу от Нью-Йорка приобрела вскладчину большая группа русских американцев, политически тяготеющих к «Русскому голосу». Это были в основном такие люди, как Федор Плотников, — уже хорошо акклиматизировавшиеся в Америке старые иммигранты. Арров-парк находится в красивой гористой местности, там есть озеро. Постепенно вырос поселок из скромных коттеджей, построили небольшую гостиницу, клуб. Некоторые пайщики Арров-парка купили коттеджи в полную собственность, другие предпочитали снимать — на лето, на отпуск, на уик-энд. Здесь можно было целыми днями говорить по-русски. Или по-украински. Здесь пели незабытые песни Родины, танцевали так, как когда-то на Родине. Учили молодежь. На иного посмотришь — чистый американец, по-русски, кроме «здравствуйте» и «до свидания», ничего не знает, а гляди, какую кадрили выплясывает! Здесь проводят митинги, читают лекции, устраивают самодеятельные концерты.

Освобожденный от ежедневной службы, Яхонтов стал чаще бывать в Арров-парке. Все теснее общался он с читателями «Русского голоса», все четче представлял их запросы — это помогало лучше писать. Жизнь ставила много сложных вопросов перед людьми, а люди ставили их перед Яхонтовым. И он отвечал — никогда не жалея времени, чтобы обстоятельно поговорить, если его останавливал какой-нибудь «олд Грег», он же дид Грицько, который уехал с Украины аж в прошлом веке, а теперь вот понять не может, шо за хвигура така цей Даллес...

«Русский голос»

Даже в самые тяжелые годы «холодной войны» «Русский голос» твердо поддерживал рузвельтовскую линию. Газета неустанно выступала за восстановление американо-советского сотрудничества, за мир. Это была борьба. Экономической удавкой, жесткой рукой политического сыска реакция душила прогрессивные русские издания.

«Новому русскому слову» из неведомых источников по невидимым сионистским каналам подбрасывались дотации. Кроме общеполитических проблем, «Новое русское слово» и «Русский голос» заняли резко противоположные позиции по такому специфическому и крайне важному для обеих газет вопросу, как судьбы русской эмиграции. Точнее говоря — российского зарубежья, состав которого ощутимо изменился вследствие наплыва дипишников и, само собой, того очевидного факта, что выросло уже второе и третье поколение «американских русских».

Тогда, в годы «холодной войны», ее стратеги отнюдь не желали того, чтобы эмигранты быстрее ассимилировались. Напротив, реакции было выгодно, чтобы пришельцы из России и других ставших социалистическими стран ощущали себя чужаками в Америке, тяготились своей чуждостью и — стремились вернуться на родину, для чего (и в этом суть) необходимо было «отбросить» социализм. В эмигрантах даллесы и донованы видели пособников в будущей войне против СССР, в крестовом походе против социализма. Об «освобождении» от социализма говорили вслух, всерьез. Госсекретарь Дж. Ф. Даллес взывал с экрана телевизора: все, страдающие в коммунистическом рабстве, вы можете положиться на нас.

27 октября 1951 года вышел сразу ставший скандально известным номер журнала «Кольерс», где публике предлагался образ третьей мировой войны, а точнее — сокращения социализма. На первом этапе, говоря современным языком, США и СССР обмениваются серией ядерных ударов. На втором этапе американцы планировали уничтожить Москву и завоевать господство в воздухе. Затем на советскую территорию предполагалось сбросить на парашютах русских (украинских и др.) эмигрантов, чтобы оказать помощь уже находящимся внутри страны заблаговременно доставленным туда диверсантам — тоже, разумеется, из эмигрантов. Не было секретом и то, что подобных шпионов и диверсантов ЦРУ забрасывало с самолетов на территорию СССР, где они практически все немедленно арестовывались. Об этом время от времени сообщала советская печать. Журнал «Кольерс», правда, умалчивал о том, как смогут пережить атомную бомбардировку внедренные в советское общество шпионы. Вряд ли говорили о такой перспективе и тем негодяям, которых забрасывали в СССР. Но закончим с безумным планом войны, опубликованным в «Кольерсе». Разрыхлив советский тыл, войска НАТО должны были на третьем,

заключительном этапе перейти в общее наступление и завершить его полной победой.

Безумие пылало не только на журнальных страницах. Во время контрреволюционного мятежа в Венгрии ждал сигнала к атаке Фрэнк Визнер, заместитель директора ЦРУ Аллена Даллеса. Затаившись у венгерской границы, он ждал, когда сама История призовет его расправиться с социализмом — сначала в Венгрии, а потом, как ему чудилось, в Польше, Чехословакии, Восточной Германии... История не призывала, а Даллес побоялся дать Визнеру разрешение на то, чтобы вторгнуться в Венгрию силами уже подготовленных специальных полков. И — не выдержала психика крестоносца, давно помешанного на антикоммунизме. «Паладина холодной войны» увезли в психиатричку. Выйдя оттуда, он еще работал, уже на меньшей должности, но был явно не в себе. Подолгу разговаривал со своим револьвером и в конце концов застрелился. Точная дата этого события неизвестна. Так же, как и точная дата случившегося примерно в то же время самоубийства Чарльза Джилсона, начальника русского отдела британской разведки Интеллидженс сервис. Он пустил себе пулю в лоб, видимо тоже отчаявшись сокрушить СССР. На исходе пятидесятых пришло время умирать еще одному человеку из этой когорты — «Дикому Биллу» Доновану, давнему знакомому Яхонтова. Со своего смертного одра, из окон нью-йоркской квартиры, он видел мост Куинсборо, и ему чудилось, что через него движутся к небоскрегам Манхэттена русские танки...

Безумие пропитывало политическую атмосферу Америки времен «холодной войны», на политической авансцене великой страны действовали люди, постоянно попадавшие в плен к им самим же созданным призракам. Джеймсу Энглтону, шефу службы контрразведки ЦРУ, всюду мерещились мифические враги. Он любил повторять: хорошенько поищите вокруг, и вы обязательно найдете советского агента.

Обвинить могли кого угодно. Министр юстиции Браунелл обвинил в содействии шпионским усилиям русских агентов не кого-нибудь, а бывшего президента Трумэна. Тут уж пришлось вмешаться Эйзенхауэру. Но он не вмешивался, когда травили других, когда, например, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности принялась доказывать, что «коммунистической организацией» является АКЗ — Американский комитет защиты лиц иностранного происхождения.

С тревогой следили за ходом этого расследования, инспирированного ФБР, многие русские эмигранты. В деле фигурировали выкраденные фэбээровцами в АКЗ документы тридцатых годов. Инквизиторы искали крамолу. Даже самого президента называли коммунистическим агентом.

Вот в какой атмосфере Яхонтов стал штатным сотрудником «Русского голоса». Генералу шел семьдесят пятый год.

Первый раз Виктор Александрович опубликовался в этой газете в памятном двадцать девятом — в том самом году, когда он впервые совершил паломничество на Родину. По незримому «эмигрантскому телеграфу», с пометкой «молния», весть о том, что генерал Яхонтов побывал в стране большевиков, облетела все российское зарубежье. Не остался без внимания и его дебют в «Русском голосе». Хотя в те годы еще не было такой резкой поляризации в эмигрантской печати, да и гораздо больше было газет, выходивших в США и других странах на языках народов СССР, «Русский голос» и тогда отличался в глазах читателей последовательно благожелательной позицией по отношению к родине отцов. Достаточно одного: какая еще эмигрантская газета могла похвастаться тем, что в числе ее авторов был сам Ленин. А «Русский голос» мог...

Но сначала о возникновении газеты. «Русский голос» начинался дважды. Со свойственной ему дотошностью Виктор Александрович посвятил немало часов работы в публичной библиотеке изучению истории и предыстории «Русского голоса». Вот как он сам об этом рассказывал:

«Русская печать в Америке существует уже больше ста лет. Еще в 1868 году Агапий Гончаренко решил издавать журнал «Вестник Аляски», позднее переименованный в «Свободу». Восьмистраничный журнал этот выходил два раза в месяц. Половина текста печаталась на английском языке, другая — на русском. Но это не был один и тот же материал. На родном языке А. Гончаренко давал хронику жизни русских колоний на Аляске и в Сан-Франциско, знакомил русских читателей с законами, обычаями и образом жизни. (Не забудем, что лишь незадолго до того Аляска была продана царским правительством, что на тихоокеанское побережье на месте нынешней Калифорнии сошлись продвигавшиеся с юга испанские переселенцы и русские, шедшие с севера; подданные США появились там позднее. — Авт.) В английской половине журнала публиковались очерки о поли-

тическом и социальном строе России, открыто обличающие царское самодержавие. Неизвестно, каким уже образом, но на страницах «Свободы» время от времени появлялись произведения таких авторов, как, например, Николай Огарев...

Однако расцвет русского печатного дела в Америке относится к концу восьмидесятых и началу девяностых годов прошлого столетия.

Среди периодических изданий, выходивших в Америке, хочется прежде всего упомянуть газету «Знамя», которую называли органом русской революционной мысли. В ней нередко выступали Г. Плеханов, В. Засулич, П. Лавров и другие видные «бунтари» того времени. Просуществовала газета «Знамя» недолго — с 1889 по 1892 год. Но тем не менее успела приобрести довольно большую популярность.

Помимо «Знамени» примерно в те же годы в Нью-Йорке выходила газета «Русские новости», журналы «Прогресс» и «Справочный листок». Разумеется, все эти издания имели очень маленькие тиражи, ибо рассчитаны были в основном на узкий круг — на так называемую русскую революционно-интеллигентскую эмиграцию.

Примерно в это время стала возникать печать экономической эмиграции, отражавшая более полно интересы трудящихся. Так, в 1898 году возникла газета «Русский голос», в какой-то мере предшественница нынешней газеты. Уже хотя бы потому, что И. К. Окунцов был редактором обоих изданий — того первого «Русского голоса», а затем совершенно новой газеты с таким же названием, начавшей выходить в свет с февраля 1917 года.

Русские газеты, выходившие в Америке в конце прошлого века под разными названиями, зачастую приводили в отчаяние издававших виды русских журналистов — столь низким было качество этих изданий... В книге И. К. Окунцова «Русская эмиграция в Северную и Южную Америки», изданной в Буэнос-Айресе в 1962 году, приведены наименования около сотни всевозможных русских газет и журналов, издававшихся в США в разное время. Качество русских изданий в Америке значительно улучшилось уже в начале нынешнего столетия. Первой ежедневной газетой стало «Русское слово» под редакцией М. Л. Пасвольского. При этом надо отметить, что издававшееся тогда «Русское слово» было совсем не похоже на появившееся позднее «Русское слово», известное своим негатив-

ным отношением к переменам, происшедшим в России после Великой Октябрьской революции.

В 1917 году почти одновременно с февральскими событиями в России в Нью-Йорке было организовано издание новой газеты, получившей название «Русский голос». Ее первым редактором был, как отмечалось выше, И. К. Окунцов. После него газету возглавляли несколько других редакторов, к сожалению, не оставивших после себя сколько-нибудь заметного следа.

В 1933 году для руководства редакцией был приглашен доктор Давид Захарович Крынкин...

Вот так излагает историю своей газеты В. А. Яхонтов. Уточним, что первый номер «Русского голоса» вышел в свет 1 февраля 1917 года. Тотчас же после Великой Октябрьской социалистической революции газета заняла четкую позицию друга Страны Советов.

В «Русском голосе» 10 января 1923 года было опубликовано письмо В. И. Ленина «Русской колонии в Северной Америке». Оно было адресовано той части русской колонии, которая благожелательно относилась к Советской Республике — русской секции Общества друзей Советской России, русских секций профсоюзов США и Канады, Общества технической помощи Советской России и др. Владимир Ильич, узнав о «неправильном взгляде на новую экономическую политику, существующем среди части русской колонии в Северной Америке», подробно объяснил американским соотечественникам смысл и сущность нэпа, благодарил их за помощь новой России.

В это время тысячи простых людей уезжали на Родину — поодиночке, семьями, группами, целыми трудовыми коммунами. Везли с собой одежду, медикаменты, семена, инвентарь, инструменты. Ехали русские, украинцы, белорусы, поляки, немцы — и не только те, что происходили от немцев Поволжья. Среди отъезжающих были и американцы англосаксонского происхождения. Вначале отъезжающие или подумывающие об отъезде могли посоветоваться с советским представителем Л. К. Мартенсом, но его пребывание в качестве «красного посла» было недолгим — с января 1919 по январь 1921 года. Затем Людвигу Карловичу под давлением американской реакции пришлось уехать из страны...

Вчитываясь в давние материалы «Русского голоса» (подшивка в редакции велась аккуратно), Яхонтов вспомнил свое мимолетное знакомство с Мартенсом

в 1919 году и визит к нему в Москве, в начале тридцатых. Жаль, так сложилось, что не смогли они сойтись поближе. Только сейчас Виктор Александрович понял, как трудно было Мартенсу здесь, в Нью-Йорке. И как мало замечал происходящее здесь же он, тогдашний Яхонтов! А ведь ему казалось, что, занимаясь просветительством земляков, он хорошо знает их заботы. Как бы не так! Не очень-то, выходит, с ним делились. Ну что ж, все справедливо! Тогда, в девятнадцатом, он мог интересно рассказать о сражении под Фершампенуа, где отличились его предки, а вот что касается современности... Сегодня писал статью «Чем сильна армия большевиков», а завтра просился к Колчаку. Занятый мыслями о России, он и в самом деле не видел того, что творилось у него под носом.

На пожелтевших страницах «Русского голоса» застыли отзвуки бед, которые претерпели русские американцы в те годы. Бед было немало. Чего стоил один только день «Х» — 7 ноября 1919 года. Во вторую годовщину Октябрьской революции Бюро расследований (тогда оно еще не называлось федеральным) устроило серию налетов на русские клубы и другие земляческие организации, попыталось представить Федерацию союзов русских рабочих США и Канады, легально существовавшую с 1907 года, как контору по импорту революции из России. «Операция» была проведена в 13 городах, в том числе погром был учинен в Русском народном доме в Нью-Йорке. Около 250 человек — половина арестованных — была выслана из США. Советское представительство пытались привязать и к нашумевшему тогда взрыву на Уолл-стрите в 1920 году. Охранка прозрачно намекала прессе, что от взрыва нити тянутся через лиц славянского происхождения к Мартенсу... Да, нелегко тогда было Людвигу Карловичу, нелегко тем русским, кто не спешил подтвердить свою лояльность доносами или хотя бы участием в белогвардейских мероприятиях. В те годы Яхонтова мало заботили такие вещи, как принятый с перепугу в октябре 1918 года новый закон об иммигрантах. Запрещался въезд в США «помышляющих о насильственном свержении правительства США» и предусматривалась высылка таких лиц из страны. А как доказать, «помышляешь» ли ты? Да очень просто. Достаточно было доноса провокатора, просто запуганного охранкой человека... Почти все это тогда прошло мимо сознания Яхонтова. Видимо, главная причина была в том, что американские заботы он считал преходящими. Пребывание на чуж-

бине представлялось ему кратковременным. Американское гражданство он принял только в 1934 году, когда были нормализованы отношения между США и СССР.

Большой интерес Яхонтова вызвала статья о том, как в начале двадцатых «Русский голос» организовал в Нью-Йорке большой концерт в престижном зале. Выручка была послана Советскому правительству для оказания помощи беспризорным детям. «Русский голос» получил тогда благодарственное письмо от Михаила Ивановича Калинина. Это было как раз в то время, когда Яхонтовы пытались устроить благотворительный концерт в Праге с участием Е. Н. Чирикова. Это тебе урок, подумал Виктор Александрович, не к той публике взывал. Но цель-то была той же: помочь Родине в лихую годину. Только сам он тогда не оторвался от своего класса.

Постепенно заботы простых русско-американцев становились и его заботами. Интересно было следить по газетным подшивкам, как чаще и чаще делались его выступления, как утверждалось на страницах «Русского голоса» его имя. И это он привел в начале тридцатых годов в редакцию газеты преподавателя Колумбийского университета экономиста В. Д. Казакевича. Дружба между ними была глубокой и в чем-то походила на отношения отца и сына (Владимир Дмитриевич был более чем на двадцать лет моложе Виктора Александровича). В 1938 году Казакевича избрали ответственным секретарем редакции. В сорок девятом Владимир Дмитриевич уехал в СССР. Он был в расцвете сил (46 лет) и засучив рукава принялся за работу в Москве, в Институте мировой экономики и международных отношений. Уже из Москвы Казакевич присылал много статей для родной газеты. Вести «оттуда», из первых рук, от хорошо всем знакомого, всеми уважаемого человека, да еще в годы «холодной войны» были очень важны. Все правильно, но для «Русского голоса» его уход все же был ощутимой потерей.

«Русский голос»

(продолжение)

Особенно укрепились связи Виктора Александровича с «Русским голосом» в 1937 году. Ему заказали цикл статей к XX годовщине Октября. Кроме того, просили написать об участии СССР в парижской Всемирной

выставке и, конечно, о столетии со дня гибели Пушкина. Париж — столица белой эмиграции — враждебно затаился, ходили разговоры о бойкоте советского павильона. Но — перевесило любопытство, да и поостыли страсти за двадцать лет. И поражала взметнувшаяся над выставочным городком скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница». Много разговоров было в эмигрантской среде о выступлении Краснознаменного ансамбля песни и пляски под управлением Александрова. Таясь друг от друга, шли на концерт бывшие офицеры белых армий. Хмуро, настороженно глядели они на сцену, которую заполнили люди в форме «вражеской» армии. Но иным был финал: деникинцы, врангелевцы, колчаковцы аплодировали, не прячась друг от друга, кричали «браво!». Что затронуло их души? Глубинно-русское, нахлынувшее в звуках неведомых советских песен? Да, конечно. Но и другое: острое осознание того, что не они, а красноармейцы будут защищать родную землю, если начнется война. Точнее — когда начнется война... Об этом рассуждал Яхонтов, комментируя для «Русского голоса» хронику парижской выставки.

А в пушкинских мероприятиях он участвовал непосредственно. Имя великого поэта способствовало консолидации русской Америки — той ее части, конечно, что не забыла своего отечества. Необычайное внимание, с которым в Советском Союзе отнеслись к Пушкинскому юбилею, растопило лед во многих эмигрантских душах. Вкусы могут быть разными, можно «не признавать» Блока или Северянина, Есенина или Маяковского, но Пушкин это Пушкин! Яхонтов был членом юбилейного Пушкинского комитета. Много раз выступал он в разных городах с лекциями о значении Пушкина, неустанно призывал сохранять свою русскость, не терять языка, не упускать возможности читать гениальные творения в оригинале.

Расцвет «Русского голоса» приходится на годы войны. Боевой союз США и СССР благоприятствовал росту популярности газеты, а значит, упрочению ее финансового положения, что так важно для газеты, издающейся на деньги читателей. Во время войны на «Русский голос» не боялись подписываться многие русские американцы из тех, что до и особенно после окончания битвы с фашизмом воздерживались от всяких связей с изданием, не скрывавших своей лояльности к новому строю на старой Родине.

В 1942 году «Русский голос» слился с другой прогрессивной русской газетой — «Новым миром». Ее редактор Б. С. Борисов некоторое время спустя тоже перешел в «Русский голос». В начале пятидесятых маккартисты дали возможность Борисову поразмышлять о свободе печати в США за тюремной решеткой... После смерти Крынкина Борисов ненадолго возглавлял газету. А уже его преемником был Яхонтов.

Без денег газету не сделаешь, в Америке даже самые популярные, англоязычные, благонамеренные «посты» и «таймсы» продажей тиража покрывают лишь небольшую часть своих затрат. Основное дает реклама. В первые свои годы газета печатала коммерческие объявления. Видно, бизнес только присматривался к изданию. Потом провел своего рода тест. Электрическая компания, снабжающая энергией Нью-Йорк и его окрестности, предложила выгодную рекламу с извещением о том, что вынуждена повысить ставки за пользование электричеством. А нарисован был Кремль и советский солдат с винтовкой. «Русский голос» отказался.

В другой раз ему предложили рекламное объявление, в котором содержались нападки на бастующих рабочих автомобильной промышленности. Газета отклонила предложение. Постепенно приток рекламы иссяк. Остался разве что Петр Ярема, русский погребальщик, который из номера в номер гарантирует «лучшие похороны и за самую дешевую плату в Нью-Йорке». Кстати, Петр Ярема дает рекламу и в «Новое русское слово», с философским цинизмом рассчитывая, что рано или поздно и левые и правые, и белые и красные дадут заработать мастеру русского обряда...

Но на Петре Яреме не проживешь, и газета пошла по пути других прогрессивных изданий Запада. «Русский голос» финансируется своими читателями.

Вот как рассказывал об этом сам Яхонтов:

«Сбор средств для издания «Русского голоса» достигается двумя способами. Это, во-первых, пожертвования сочувствующих, друзей нашей газеты. Во-вторых, проводятся лекции, банкеты, концерты, пикники и т. д. Полученные на них деньги идут в фонд «Русского голоса».

Раз в год, обычно в последнее воскресенье ноября, проходила конференция друзей и читателей «Русского голоса». На этой конференции редактор отчитывался о работе газеты за год, секретарь давал финансовый от-

чет. После этого ставился на обсуждение вопрос о мерах по обеспечению непрерывного выхода газеты на следующий год. Предлагалось определенное задание по сбору денежных средств. Оно обычно перевыполнялось, что и обеспечивало дальнейший выпуск «Русского голоса».

Одним из широко распространенных поводов для устройства банкетов, лекций, концертов и т. д. были дни рождения наших активистов. Начиная с моего семидесятилетия, регулярно устраивались банкеты в мою честь в разных городах США, на них проводились сборы денежных средств для «Русского голоса».

Иногда происходили забавные, поистине трогательные случаи проявления готовности поддержать свою газету. Как-то в Чикаго, когда отмечалось мое семидесятилетие, семь человек внесли по два доллара за каждый год моей жизни, то есть по 140 долларов каждый. В 1970 году один наш друг из Бостона в ознаменование столетия со дня рождения В. И. Ленина внес тысячу долларов.

О чем говорит все это? О том, что друзья и читатели «Русского голоса» дорожат своей газетой. Они не допускают и мысли о прекращении ее издания. Поэтому-то помимо регулярной подписки они из года в год вносят свою лепту. И живет наша родная газета!»

Надо ли говорить, что Виктор Александрович очень внимательно, даже ревниво следил за тем, как и каким слышится «Русский голос» в Советском Союзе. Да и слышится ли? С нескрываемой гордостью писал он:

«Вспоминаю февраль 1967 года. Мы праздновали пятидесятилетие нашей газеты. Прошли торжественные собрания, митинги и банкеты во многих городах, где проживают выходцы из России, читатели и друзья «Русского голоса». В Нью-Йорке на юбилейном банкете присутствовали представители посольства СССР в США, представительства СССР при ООН. Было получено много поздравительных телеграмм.

В связи с этим юбилеем редакция газеты «Голос Родины» (Москва) пригласила «Русский голос» на свои страницы, решено было сделать подборку из наших публикаций. И вот один из октябрьских номеров «Голоса Родины» за 1967 год вышел с разворотом под заголовком «У нас в гостях — «Русский голос».

А дальше Виктор Александрович в той же статье осторожно касается отношения советских людей к себе лично:

«Помню, в те годы был в Нью-Йорке корреспондент «Литературной газеты», издающейся в Москве, Георгий Кублицкий. В своей очень интересной книге «Три нью-йоркские осени» несколько страниц он посвятил «Русскому голосу». Там есть такие слова:

«Я привел много объявлений из эмигрантских газет. И вот еще два:

«В понедельник, 3 октября, в 5 часов у главной квартиры советской делегации в ООН на углу Парк-авеню и Шестьдесят восьмой ул. в Нью-Йорке состоится демонстрация рядовых членов профсоюза за мир, разоружение и прекращение «холодной войны».

«В субботу вечером, 12 ноября, в помещении Американско-русского центра, 61, Ривингстон-стрит, Нью-Йоркским комитетом друзей «Русского голоса» устраивается празднование годовщины Великой Октябрьской революции».

Встретить подобные объявления в американских газетах труднее, чем найти иголку в стоге сена. Но, может, «Русский голос», откуда они взяты, — коммунистическая газета?

Нет, эмигрантская. Редактирует ее эмигрант В. А. Яхонтов. Он бывший генерал, ушедший за рубеж после той революции, годовщину которой теперь празднует. Сотрудники газеты — тоже эмигранты. Читатели и подписчики — эмигранты.

Приведя эту выдержку из книги советского журналиста, Яхонтов комментирует ее:

«Мне же хочется подчеркнуть, что «Русский голос» начал выходить в 1917 году, почти одновременно с Великой Октябрьской социалистической революцией, приветствовал ее и едва ли может считаться только эмигрантской газетой; что же касается «генерала», то тут, как говорится, не так все просто. Жизнь моя была неразрывно связана с Отечеством».

...Разумеется, грядущие историки, изучая США XX века, будут прежде всего листать такие газеты, как «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Крисчен сайенс монитор», «Бостон глоб», «Уолл-стрит джорнел»... Но Америка многолика. И в этих «больших» газетах (или в прессе монополий — можно называть и так и так, и в обоих случаях будет правильно) историк не найдет очень многих явлений, процессов, событий, которые были важны для таких американцев, как тот же Федор Плотников. А ведь подобных ему в Америке — миллионы,

и составляют они не худшую часть американской нации. Их интересы, заботы, приоритеты, пожалуй, лучше, точнее, честнее, объективнее, чем всем известные богатые многостраничные газеты, выражал скромный «Русский голос» (и, конечно, «родственные» ему украинские, карпато-русские, литовские, армянские и другие газеты, выходявшие и выходящие в США на языках народов СССР). И это важно, это очень важно, ибо миллионы этих людей не являются WASP — по мнению «большой прессы», только и имеющими право называться настоящими американцами (WASP — это белый, англосакс, протестант).

Если грядущий историк будет вслушиваться в пульс Америки XX века только по «большим» газетам, он может совершить ошибку и прийти к выводу, что вся Америка была в барабан «холодной войны» и рвалась к горячей, с поразительной беспечностью игнорируя столь очевидную для самой себя опасность атомного краха. Да, конечно, случалось, что и в «большой прессе» звучали трезвые голоса, но в целом...

Иная картина в «Русском голосе». В то самое время, когда трумэновская Америка, положив ноги на стол ООН с ее тогда послушным Америке большинством, нагло размахивала козырным атомным тузом, Яхонтов писал:

«Надеюсь на то, что Новый (1947) год принесет миру более здоровые условия и что позиции, на которые перейдут главные участники мировой драмы, будут соответствовать и действительным интересам отдельных народов, и интересам всего человечества».

Увы, до того, как эти надежды начали хоть в какой-то мере сбываться, было еще далеко. Но тема атомной тревоги и твердое убеждение, что выход — только на мирных путях, с тех пор стали определять внешнеполитическую позицию «Русского голоса». Поставленные самим своим происхождением, своим «русским американством» в позицию кровной заинтересованности в делах и Америки и России, авторы и читатели газеты, конечно, очень остро реагировали и на состояние отношений между двумя своими родными (именно так!) странами, и на процессы в российском зарубежье. И конечно, об этом со страниц «Русского голоса» лучше всех мог рассказать многоопытный и высокообразованный генерал Яхонтов, чье социальное положение позволяло увидеть многое из того, что было недоступно взору большинства читателей.

В 1948 году служащий Секретариата ООН Яхонтов на несколько месяцев был командирован в Париж. Здесь он с огромным удовлетворением узнавал, что, оказывается, вопреки разговорам нью-йоркских клубменов в 1940 году, не весь Париж плясал в фоли-бержерах перед оккупантами. Был и Париж борющийся, Париж Сопротивления. Особо гордился Яхонтов тем («большая пресса» Америки, имеющая множество собственных корреспондентов в Европе, этим не интересовалась), что само слово «Сопротивление», Резистанс, введено в политический обиход французскими патриотами из русских эмигрантов — Вильде и Левицким. Оба они были казнены немцами. Узнал Яхонтов о гибели в борьбе с нацизмом русских героев — княжны Вики Оболенской, дочери великого Скрябина — Ариадны, потомка Радищева — Кирилла. Услышал легенду (или легендарную быль — кто теперь скажет?), как в концлагере Равенсбрюк вместо молодой советской женщины пошла на смерть Елизавета Юрьевна Кузьмина-Караваева, она же мать Мария, удивительная женщина, автор прекрасных стихов и оригинальных философских работ... Нет, нет, несправедливо тогда говорили о Франции в клубе на Пятой авеню, несправедливо, подло, оскорбительно! Да что там клубмены — все это замалчивала «всеохватывающая, всепроникающая и всезнающая» пресса. Прессу занимало иное. Что бы ни происходило, политическая ось «большой прессы», как магнитная стрелка на «север», указывала на «антикоммунизм».

Однажды Яхонтов внезапно столкнулся с Рагнармом Стромом и обрадовался встрече — тот ему был очень симпатичен.

— Не имеет значения, Виктор Александрович, свободны вы или нет, — сказал Рагнар Кнутович, — поедем со мной, это зрелище вам нельзя пропускать.

— А что такое?

— Садитесь в машину, едем на рю Дарю...

Вскоре они подъехали к храму святого Александра Невского — центру русского Парижа. Яхонтов уже сообразил, какой сегодня «юбилей» — тридцатилетие со дня казни царя Николая II. Предусмотрительный Стром дал Виктору Александровичу огромные солнцезащитные очки — для маскировки, что было нелишне здесь. И действительно, Яхонтов увидел несколько знакомых офицеров. Бывших, конечно. О боже, до чего старыми они ему показались!

— А вот это любопытно! — пробормотал Стром и взял свою камеру наизготовку. Яхонтов посмотрел в ту сторону и увидел группу мужчин, несущих огромный венок. Бросалась в глаза надпись на ленте: «От новой эмиграции». Стало ясно, что это дипишники из власовцев. Среди них обращал на себя внимание огромного роста мужик, который постоянно, не к месту и явно неумело крестился.

— Был красный командир... стал коричневым, потом белым, сволочь, — бормотал Стром, делая кадр за кадром. — Пушечное мясо «холодной войны»...

— Тоска берет, — отозвался Яхонтов. — Если Деникин со всей своей армией таскал из огня каштаны для Деттердинга и Ротшильда, то эти...

Потом они сидели за столиком, вынесенным из кафе на тротуар, и Стром вспоминал:

— Последний раз я был в храме святого Александра в сорок четвертом. После освобождения Парижа — а я вошел в город с дивизией Леклерка еще до американцев — был торжественный молебен. А вы знаете, Виктор Александрович, что одной из бригад у Леклерка командовал полковник Николай Румянцев?

— После того, что мы сейчас видели, это вдвойне приятно слышать, — отозвался генерал.

Яхонтов много раз возвращался к парижским впечатлениям при работе над статьями для «Русского голоса». Но в самом Париже быть ему больше не довелось. Его ждали другие маршруты.

Западные газеты нередко в рекламных целях организуют экспедиции в экзотические края — ралли по Сахаре, санний переход в Арктике или еще что-нибудь. Скромный «Русский голос» обошел всех. В организованных им турах совершались гораздо более важные открытия...

Быть или не быть

В апреле 1959 года из Америки в Европу на борту голландского теплохода «Маасдам» плыла большая группа туристов — 28 человек, которую для поездки в СССР собрал с помощью газеты «Русский голос» Виктор Александрович Яхонтов. Работая полную неделю в газете, он нередко использовал выходные дни для того, чтобы съездить в какой-либо город и выступить с лек-

цией. В начале года ему довелось выступать перед земляками в Чикаго. И во время лекции Яхонтов бросил в зал, как пробный шар, предложение — а что, если собраться группой и побывать на Родине. Аплодировали восторженно, хотя, конечно, далеко не все из хлопавших в ладони всерьез собрались бы поехать. У кого с деньгами не очень, а главное — как бы чего не вышло. Эйзенхауэр, братья Даллесы, Гувер на своих местах, да и сенатор Маккарти еще не выветрился из памяти. Но что-то неуловимое переменялось в мире. Произошло что-то, способствующее уменьшению страха. А может быть — уверенности в себе? Причин много, размышлял Яхонтов, обводя взглядом своих спутников. Многие из них уже перешагнули пенсионный рубеж, не бояться потерять источник существования. Но есть и молодые. Главное, видимо, в том, что, несмотря на Гувера и Даллеса, вопреки им, Америка теперь иными глазами смотрит на Россию. Теперь она в глазах среднего американца не только «лэнд оф болшевикс», но и «лэнд оф спутникс».

Да, спутник здорово встряхнул им мозги. Яхонтов усмехнулся, вспомнив, как некий Джон Барбур написал: «Америка теперь понимает, что русских нельзя рассматривать как орду варваров, проникших в Европу из сибирских степей». Эту фразу Яхонтов использовал в лекциях, высмеивая западную фанаберию, элементарное незнание реалий русской истории.

Лондонский журнал «Экономист» писал, что СССР как бы заявил всему миру: «Мы, русские, всего лишь одно поколение назад считавшиеся отсталым народом, способны совершать более поразительные деяния, чем богатый и чванливый Запад, и все это благодаря коммунизму». Суть, конечно, не в хлестких журналистских формулировках. Снова, как и в сорок пятом, после появления атомного оружия, Яхонтов осознал, что произошел еще один переворот в военном деле. Собственно, все пришло к тому, что военное дело, развиваясь, привело к отрицанию самого себя. Если уж патовая ситуация возникла в сорок девятом, когда каждая из сторон обрела возможность подвергнуть другую атомной бомбардировке, то чего же можно ожидать от ракетного века? Разумно рассуждая — к отказу от войны. Но все ли будут рассуждать разумно? Нельзя было не понять, что в американских верхах запуск советского спутника вызвал однозначную реакцию: караул! стратегическое отставание от СССР! догнать и перегнать! Сенатор Генри Джексон

предлагал президенту объявить в стране «Неделю позора и унижения». Сенатор Линдон Джонсон требовал немедленно увеличить ассигнования на военные нужды. Как черт из коробочки, возник старый Герберт Гувер, много потерявший в результате русской революции. Бывший президент погрозил старческим пальчиком: ай-ай, нехорошо, СССР готовит «в два, а возможно, в три раза больше ученых, чем в США». Подал бодрый молодой голос сенатор Джон Кеннеди, рвущийся к власти:

«Если продолжать глумиться над интеллигенцией, мешать ученым и вознаграждать только спортивные рекорды, тогда наше будущее воистину мрачно». Как отведет от Америки «мрачное будущее» Кеннеди, если пробьется в президенты: начнет гонку ракетного оружия или осознает безумие военных программ в век спутников?

...Неожиданно показались айсберги. Капитан, не желая, чтобы «Маасдам» разделил судьбу знаменитого «Титаника», изменил курс. Яхонтов встревожился — пассажиров предупредили, что судно придет в Англию с задержкой. А это грозило опозданием с пересадкой на советское судно «Балтика».

— Послали радиogramму в агентство, ведавшее нашим пребыванием в Лондоне,— писал Яхонтов, вспоминая о тех памятных днях.— Сотрудница агентства приехала в Саутгемптон на специально заказанном автобусе, договорилась с таможней, чтобы нас пропустили без досмотра багажа. Мы тут же помчались в Лондон и оказались на борту «Балтики» за несколько минут до выхода в море. Экипаж встретил нас с истинно русским радушием, мы сразу же почувствовали себя, как дома, и были искренне рады, что обратный путь в Лондон совершим снова на «Балтике». Из Ленинграда мы почти сразу же уехали поездом в Москву, так как очень хотели попасть на Первомайский праздник...

Спутники Яхонтова, ошарашенные первомайской Москвой, такой непривычной демонстрацией — с цветами, с детьми на отцовских плечах, открывали для себя новый мир. Подсознательно большинство из них носило в памяти туманный образ бедной деревушки или заштатного городка, откуда в молодые или детские годы они уезжали за океан. Оказалось, что эта мерка к увиденному неприменима.

Виктор Александрович, естественно, воспринимал все иначе. Он сравнивал. Прошло тринадцать лет со времени его последнего посещения Родины. Тогда, в сорок

шестом, все носило на себе следы войны. Сколько людей ходило в полинялой военной форме со споротыми погонами, сколько было инвалидов, какая страшная нужда проглядывала везде за пределами интуристовского отеля! Всего этого уже не было. Полинялые гимнастерки, черные ватники — телогрейки ушли в прошлое. Исчезли нищие. Не найдешь голодного лица, ребенка в отрепьях. Напротив — детей, судя по всему, балуют, они одеты лучше, чем взрослые. На взгляд американцев, одежда москвичей казалась неуклюжей, непривычно темных, однообразных расцветок. Многие мужчины носили тяжелые долгополые плащи темно-синего цвета. Конечно, это больше замечали женщины, особенно помоложе: Виктор Александрович рассказывал о разрушениях, о том, что он видел здесь в сорок шестом.

Сам он с нетерпением ожидал встречи с высотными домами. Они его восхитили. Найден свой стиль, русский, московский. Никакого подражания американским небоскрегам. Это — принципиально иное. Поразила кольцевая линия метро. Особенно понравились две станции «Комсомольская» и «Таганская». Утилитарные сооружения, станции подземки, максимум удобств для пассажиров и вместе с тем какой праздник для глаза, какое уважение к истории, какое умелое использование истинно русских архитектурных принципов. Bravo, Москва! Понравился и памятник Юрию Долгорукому, установленный там, где некогда стоял памятник Скобелеву. А вот передвижка задумчивого опекушинского Пушкина с бульвара, где некогда гулял великий поэт, на середину шумной площади, не понравилась. Внимательно смотрел Виктор Александрович на новые жилые дома. Не блещут, но хорошо, что их так много...

Из Москвы поездом поехали в Киев. И тут-то, когда поплыли за окном щемящие сердце пейзажи, старые американцы начали узнавать родину. Вот тот лесок, что по холмам, — ну прямо как у нашей деревни. А вон те ивы, стоящие посреди весенней воды, — ну совсем как у баткиного дома. Замелькали беленые украинские хаты, а потом вспыхнуло за Днепром золото киевских храмов. Здравствуй, мать городов русских! Низкий тебе поклон. Из Киева самолетом в Минск, оттуда — в Ленинград. На несколько дней. Серое небо, серая вода, еще голы деревья, черные, без листьев. О, как прекрасна графика Ленинграда! Может ли быть что-нибудь прекраснее этого города? Нет, не может... Чтобы выкроить лишний

час для разговора с родным городом без свидетелей, приходится, Виктор Александрович, потихоньку принимать кое-какие таблеточки. Ну, ничего, на пароходе отоспимся, восстановим силы. А пока здесь — право же, грех спать, есть, грех тратить время на быт, когда можно постоять на мосту над Невой. Хоть в какую погоду! Точно сказал Хемингуэй — «праздник, который всегда с тобой». В одном лишь ошибся — это не Париж праздник, это Ленинград.

Отсыпался потом на «Балтике» до Лондона и на «Куин Элизабет» — до Нью-Йорка.

«Успех этой поездки, — писал Яхонтов, — положил начало доброй традиции. На следующую поездку в 1960 году записалось уже 54, а в 1961 году — 58 человек. С тех пор такие поездки на Родину стали регулярными. Редакция «Русского голоса» ежегодно организовывала по две-три группы туристов. Хочу отметить, что эта удачно проведенная в жизнь затея была подхвачена другими организациями, как, например, Национальным советом американо-советской дружбы. Но пионерами были мы.

Большинство туристов, побывавших на Родине, рассказывали о своих впечатлениях, писали в «Русский голос» письма или статьи. Мы их охотно печатали. Это, разумеется, помогло в организации новых поездок. Таким образом, было положено начало доброй традиции, способствующей укреплению связей американцев русского происхождения с их Родиной. Помогали такие поездки прорвать завесу лжи, клеветы буржуазной пропаганды на Советский Союз. Люди своими собственными глазами увидели истинное положение в Стране Советов...»

В том же 1959 году, когда первая группа, организованная «Русским голосом», торила неизведанный путь, Давид Захарович Крынкин вместе со своей женой Антониной Абрамовной тоже приехал в СССР — по приглашению общественных организаций. Он был уже тяжело болен. Но еще до того, как окончательно слечь, он успел поездить, посмотреть, порадоваться за родную страну. На больничной койке, на пороге смерти Давид Захарович диктовал жене статью «Москва миролюбивая». 20 декабря 1959 года ее прочли подписчики «Русского голоса».

«Я увидел Москву бурлящую, целеустремленную, знающую о том, какие главные цели выдвинуты закономерным ходом истории перед всем прогрессивным человече-

ством,— писал Крынкин.— Эти цели — творческий труд и мир между народами.

Москва строится, она строится для мирных целей, на радость и счастье всех тех, кто проникнут сознанием необходимости мира. Всюду и везде говорят о необходимости прекращения «холодной войны» между всеми народами и в особенности между Соединенными Штатами Америки и Советским Союзом, на основе мирного сосуществования между государствами различного социально-политического строя...»

Давид Захарович Крынкин похоронен в Москве, на Новодевичьем кладбище. 17 января 1960 года в Нью-Йорке, в Американско-русском центре состоялся митинг, посвященный его памяти. На него собрались сотни людей. Прогрессивная эмиграция отдавала дань уважения пламенному борцу за мир и дружбу между народами.

По дороге с траурного митинга Яхонтов размышлял о том, что, если говорить по большому счету, у Крынкина было больше государственной мудрости, чем у недавно умершего госсекретаря Дж. Ф. Даллеса. Долгие годы Крынкин боролся за американско-советское сближение. И дело не в происхождении, не в том, что Крынкин — волгарь (он родился в Саратове в 1889 году). Вон внук Льва Толстого пошел служить в ЦРУ. Так же как и один из князей Оболенских. А вот его родственник, Николай Николаевич, сражался против Гитлера во французской армии. Так что дело не в происхождении. Вся Америка — страна иммигрантов. Правота Крынкина стала особенно ясной после начала атомной эры. Тем более сейчас, с этими межконтинентальными баллистическими ракетами. Принципиальный отказ от войн, от интервенций, сближение США и СССР, их совместная гарантия обеспечить всем народам право самим устанавливать порядки у себя в стране — вот суть государственной мудрости в нашу эпоху.

А Даллес, ровесник Крынкина (он был на год его старше), — о чем он думал, умирая? Не о том ли, что не удалось то, к чему он стремился всю жизнь — сокрушить Советскую Россию. После Октября тридцатилетний Даллес, подобно Герберту Уэллсу, увидел Россию во мгле. Он решил, что теперь это ничья земля, продолжение Дикого Запада. Нас, русских, он, видимо, считал просто бледнолицыми индейцами, с которыми, как и с краснокожими, церемониться не нужно. С компаньонами Даллес

основал компанию, которой предоставлялось право (да, так, право — компания была зарегистрирована) «владеть» всею русской землей и осваивать пространство «бывшей» России по своему усмотрению. Звучит как анекдот, но это было. Ну ладно, кто не заблуждался. Тот же Уэллс понял, что в результате революции, как ему первоначально мнилось, не возникнет воронка вакуума, азиатчины, куда будет засасывать окрестные страны. А Даллес не понял. Возможно, он всю жизнь и считал, что ненавистные Советы осуществляют власть на землях его компании. Ну что ж, это старая западная болезнь. В свое время европейские короли могли жаловать Ост-индской компании такие-то и такие-то земли, на которых, кстати, жили народы и функционировали государства. Так же и Даллес со своей «Вест-русской» компанией. Только вот «туземцы» его не пустили. Как же он их ненавидел!..

Даллесу не удалось самому стать миллиардером. Но он стал весьма и весьма квалифицированным — и очень хорошо оплачиваемым — слугой миллиардерского клана Рокфеллеров. Формально считается, что в тридцатые — сороковые годы Даллес в своей адвокатской конторе «Салливен энд Кромвелл» на Уолл-стрите занимался бизнесом. Вздор все это, думал Яхонтов, политикой он занимался всю жизнь. Даллес стоял на страже рокфеллеровских интересов, а Рокфеллеры делали бизнес с нацистами. Даллес помогал им в этом, помогал всем дельцам, сотрудничавшим с рейхом. После начала войны он спасал от конфискации предприятия германских концернов в США. Во имя чего так действовал Даллес? Во имя будущего, в котором ему грезились объединение всех капиталистических стран для разгрома ненавистой Советской России. Даллес был связан со своим «собратом» германским — крупным нацистским юристом Алоизом Герхардом Вестриком. Как Даллес в США, так Вестрик в третьем рейхе трудился на ниве укрепления связей немецкого и американского бизнеса, во время войны спасал от конфискации американские предприятия. Яхонтов хорошо помнил скандальный визит Вестрика в Нью-Йорк летом 1940 года. В Европе уже шла война. А в самой шикарной гостинице Нью-Йорка, в «Уолдорф Астории» Вестрик собрал видных представителей германского и американского бизнеса. Пили шампанское за падение Парижа, за только что свершившийся разгром Франции.

Вскоре из гостиницы, пусть и «самой шикарной в мире», как гласит реклама, нацистский посланец предпочел перебраться в укромный дом в пригороде, где, не привлекая излишнего внимания, кое-кто кое с кем встречался. Водил дружбу с Вестриком и Билл Donovan. Чего тут удивительного? Удивляться, скорее, надо тому, что правительство почувствовало неприличие ситуации. Власти организовали в газетах нужный шум, и германский посол предложил неудобному гостю отправиться восвояси. Но еще до этого шума «Нью-Йорк таймс» опубликовала пространное интервью с Вестриком, в котором нацист изложил любопытнейшую программу. Он обрисовал путь к «вечному миру», для чего, по его мнению, мировая экономика должна подчиниться триумvirату: Уолл-стрит, германский рейхсбанк и банк Японии. Вот с кем водил дружбу Даллес, слуга Рокфеллеров...

Виктор Александрович еще вспомнит все это в семидесятых годах, когда по инициативе Рокфеллера была создана Трехсторонняя комиссия (три «центра силы» — США, Западная Европа и Япония). В комиссии активно подвизался новый слуга рокфеллеровского клана — ярый антисоветчик и патологический русофоб Збигнев Бжезинский, будущий влиятельный помощник президента по национальной безопасности. И сам будущий президент Джимми Картер. Идея сей комиссии была все той же.

Подумал Яхонтов и о том, что, в сущности, Вестрик дурачил своих собеседников. Тайная, высшая цель у него и у его фюрера была иная — мировое господство. Ну, а Даллес говорил, что некоторые нации, можно сказать, рождены для власти, другие достигают ее или пытаются сделать это, но только о Соединенных Штатах будет справедливым заявить, что власть возложена на них. Тоже — мечта о мировом господстве. И основное препятствие на этом пути — СССР. Позиция Даллеса тревожила многих. Журнал «Лук» писал (Яхонтов использовал эту цитату в своих лекциях и хорошо ее помнил): «Со времени Гитлера ни одного иностранца не презирали и не ненавидели в Англии в такой степени, как государственного секретаря Джона Фостера Даллеса». Это, господа, не в СССР — в Англии, это не «Русский голос» писал, а «Лук».

На следующий день, случайно оказавшись рядом (друзья подвозили его на машине), Виктор Александрович зашел в свой клуб на Пятой авеню, где почти уже не бывал. Его окликнули старые знакомцы — удалившиеся от дел

богатые бизнесмены братья-близнецы, которых все звали, сливая два имени в одно, Джим-и-Джесс. Яхонтов подсел к ним.

— Давно вас не видно, генерал,— любезно сказал Джим.— Вы чем-то расстроены?

Неожиданно для себя Яхонтов рассказал им о смерти друга, о траурном митинге памяти Крынкина, хотя, конечно, здесь это было в общем-то неуместно. Но братья слушали его внимательно. А потом Джесс, раскурив сигару, заговорил, тщательно подбирая слова:

— Поймите меня правильно, генерал. Я не маккартист, я человек широких взглядов, скорее даже либерал. Но согласитесь, вся эта ваша деятельность последних лет, после того как вы ушли из ООН, выглядит как-то... странно. Знаете, кое-кто поговаривает...

— Кое у кого создается впечатление,— пришел ему на выручку брат,— что все эти ваши увлечения... Против русских я лично ничего не имею... Но в наше время это выглядит, некоторые поговаривают, что ваша газета и ваш Арров-парк это ну не то чтобы пятая колонна красных, ну, скажем, не вполне патриотичные, не вполне американские... Что-то роют, копают...

Яхонтов печально взглянул на собеседников, позвонел льдинками в стакане со своим неизменным апельсиновым соком:

— Разговор, я вижу, серьезный. Я тоже буду откровенным. Все наоборот, господа. Я убежден, что люди, о которых вы говорите (и которых, кстати, не знаете)— подлинные патриоты Америки. Да, они роют и копают — пути к миру, к нормальным, к хорошим отношениям с Россией. При атомных и водородных бомбах, при баллистических ракетах война немыслима. Гибель или дружба с Россией — вот альтернатива. У нас много пишут о величии Америки, о ее уникальности. Я согласен. Наша страна — великая страна. А ее уникальность я вижу в том, что мы — страна иммигрантов. Через таких, как я, Америка будто пуповиной связана с Россией, через других — с Японией, с Норвегией, с Мексикой. Что плохого, если русские американцы примутся налаживать американо-советскую дружбу, шведские — со Швецией, ну и так далее. Вы можете сказать, что наши высокие официальные лица вплоть до президента бывают в подобных ассоциациях: американо-шведской, американо-итальянской, американо-португальской... Ну, а если речь идет о народах не Запада, а Востока? Что же, бывает,

что власти почтут присутствием американско-польскую или украинскую организацию. Но будьте уверены — это организации, враждебные правительствам Польши или СССР. А вот если бы — это моя мечта — президент патронировал организации русских или украинцев, но не диссидентские, а лояльные к родине отцов — это было бы великолепно. Это было бы на пользу и Америке, и России, и всему миру. Если это будет в нашей многонациональной стране, Америка воистину станет сердцем мира!

— Вы идеалист, генерал, — улыбнулся Джим.

— На этот раз я согласен со своим братом, — как бы превращая все в шутку, отозвался Джесс.

— Нет, — возразил Яхонтов. — Я реалист. В этом я вижу единственно реальный шанс выжить. И мне, и моим правнукам — а они уже американцы в третьем поколении.

Запад — Восток и Восток — Запад

Выше приводились слова Яхонтова о том, что после 1959 года групповые поездки в СССР, организуемые «Русским голосом», стали традицией. Сказано верно, но слишком скупое. Не просто было решиться ехать в СССР летом 1960 года. Ведь 1 мая того года над Свердловском был сбит американский самолет-шпион «У-2» и взят в плен его пилот Пауэрс. В результате была сорвана намечавшаяся в Париже встреча на высшем уровне. Но была и польза от инцидента с самолетом. Аллен Даллес окончательно убедился, что забрасывать шпионов в СССР самолетами ЦРУ стало не только неэффективным — невозможным. Кое-кто из американских «верхов» осознал, что мериться силами с Россией опасно. Но не все. Иначе два с половиной года спустя не разразился бы карибский кризис, когда мир впервые в полном смысле слова стоял на пороге термоядерной войны. У президента Кеннеди хватило трезвости в последний момент остановиться. И твердости — не послушаться тех, кто подталкивал его к роковому решению (такие, как всем в Америке было хорошо известно, окружали президента со всех сторон). На следующий год Кеннеди, согласно официальной версии, был убит Освальдом, который — внимание, господа, внимание! — жил какое-то время в СССР, а по возвращении оттуда являлся с русскими эмигрантами. И поди потом доказывай, что колония русских ярко выражена

ной белогвардейской направленности с претензией на аристократизм, с которой общался Освальд в Далласе, совсем не то, что те русские эмигранты, которые сгруппировались в Арров-парке или в клубе имени Н. Г. Чернышевского. Поди докажи! В мозг среднего американца вбивалось: убийца президента был в СССР, дружил с русскими эмигрантами. Да и женат был на русской.

Одновременно началась вьетнамская авантюра. О Вьетнаме открыто говорили — там идет битва между доброй Америкой и злой Россией. Все эти бури, мягко выражаясь, не дули в паруса борцов за дружбу между США и СССР.

Но «Русский голос» гнул свою линию, и каждый год организуемые им тургруппы ездили «открывать» Советскую страну. Почти ежегодно ездил с ними и Виктор Александрович. Начиная с 1959 года он посетил СССР пятнадцать раз! На интуристовских дорогах Советского Союза он встречал и других американцев. Иные покупали индивидуальные туры, как он сам когда-то, иные приезжали группами. Были и русские группы, но не связанные с «Русским голосом». Обычно они организовывались на основе какого-нибудь православного прихода. Люди из таких групп в откровенных разговорах давали понять, что газета им представляется «опасно левой».

И хотя он встречал в Москве и Ленинграде не только туристов, но и бизнесменов, артистов, ученых из США, он не впадал в излишний оптимизм и понимал, что подлинно широкие контакты так и не налаживаются. Да кто из американских лидеров в этом заинтересован. Яхонтов трезво оценивал сменявших один другого президентов.

Кеннеди был приятней Джонсона манерами, но по большому счету они мало различались. Оба верно служили военно-промышленному комплексу, раздували гонку вооружений, разжигали войну в многострадальном Вьетнаме. Еще не велись телевизионные репортажи с поля боя, еще газеты не писали о зверствах зеленых беретов, еще правительство скрывало от нации масштаб событий во Вьетнаме, когда Яхонтов из первых рук узнал о кошмарных буднях этой войны. Его навестил неменяющийся, нестареющий, всюду поспевающий Рагнар Стром.

— Опять судьба и паспорт нейтрала дали мне возможность побывать на войне с фашистской стороны, — усмехнулся он. — О, нет, я не преувеличиваю — с фашистской. (Он вынул пачку фотографий.) Посмотрите вот это. Я снимал в армейском бараке. Видите — солдат пи-

шет. Поясню — он пишет письмо своей подружке в Штаты. Этот, видите, ест. А вон тот, слева, пытается вьетнамскую девушку. Он накладывает ей фосфор на веки. Это ужасная боль. Как она кричала! Те двое выругались, но один продолжал писать, а другой — жрать. Скажите, Виктор Александрович, эти палачи — выродки? Мне они показались нормальными американскими парнями.

— Америка велика, — хмуро сказал Яхонтов. Что он мог ответить? Он поймал себя на том, что ему стало стыдно за Америку. Ведь он американец, и если бы ему сейчас пришлось встретиться, скажем, в Москве с вьетнамцем, тот был бы вправе спросить с него, с Яхонтова, за Америку. Разве не так? Виктор Александрович еще не знал, что скоро в стране поднимется буря, что Вьетнам во многом прояснит, кто есть кто в США.

Да, вскоре многое поменялось. И не только по отношению к Вьетнаму. И вот уже в речах президента — Ричарда М. Никсона — замелькало слово «разрядка», и «холодную войну» официально похоронили. Но, убежденно считал Яхонтов, позитивные перемены происходят лишь потому, что СССР становится все сильнее, богаче, авторитетнее. Он не верил, что хозяин Белого дома по доброй воле выговорил слово «детант», что, как умирительно писали газеты, у нас теперь «другой Никсон» — не такой, каким он вице-президентствовал при Эйзенхауэре, не ярый антикоммунист. Яхонтов помнил, как Никсон травил людей в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, помнил и «трюк», с помощью которого нынешний президент когда-то пробился в сенат — он обвинил баллотировавшуюся по тому же избирательному округу представительницу демократической партии в том, что она «продала Москве» атомные секреты Америки! То был Никсон времен атомной монополии США и послевоенных тягот в СССР. А теперь — Никсон времен советских космонавтов, «жилищной революции» в СССР и — антивоенного, антирасистского, молодежного движения в США. Вот так-то, «трюкач Дикки»! Нет, не умилялся Яхонтов благостному облику «другого Никсона», как его лепили в газетах и на ти-ви. И не был потрясен Уотергейтом. Виктор Александрович достаточно долго дышал политической атмосферой Америки, чтобы не понимать: не эпидемия честности вспыхнула в Вашингтоне, а очередная борьба за власть, за право разрезать национальный пирог в пользу тех или иных монополий...

Его уже не так, как раньше, занимали подробности американской политической жизни — сказывался опыт. За мельканием лиц он научился различать процессы. Возраст в сочетании с хорошей памятью помогал находить любым событием аналогии в прошлом, что, как пену, снимало мнимую новизну и сенсационность. Но, конечно, возраст сказывался и в том, что силы убывали. Да, Виктор Александрович, приходится и тебе экономить силы — кто бы мог подумать. И вот как бы невзначай задаешь себе вопрос, что сегодня на ночь почитать — очередной опус Киссинджера или, может быть, плюнуть на него и взять томик Тургенева... И самое главное, почему он так постарел, — это одиночество. В 1966 году скончалась Мальвина Витольдовна. Через несколько лет после их золотой свадьбы. Он обратился в советское посольство и попросил разрешения захоронить прах жены на Родине. Вскоре Яхонтову сообщили, что ему предлагается совершить захоронение на кладбище Александро-Невской лавры в Ленинграде. Виктор Александрович понял, что это жест большого уважения к нему. В следующую поездку в СССР он опустил урну с прахом Мальвины Витольдовны в русскую землю. Яхонтову в тот год исполнилось восемьдесят пять...

Старел не один Яхонтов. Старел и читатель «Русского голоса». Средний возраст подписчиков рос, их число — уменьшалось. Шел неизбежный процесс ассимиляции, дети, а тем более внуки русских иммигрантов «теряли язык». Если они и придерживались прогрессивных убеждений (а таких много), они начинали читать левые газеты, — но на английском. В результате сократилось число подписчиков, стало меньше средств, пришлось уменьшить тираж и формат газеты. Но «Русский голос» не замолк. Газета, дающая объективную информацию о Советском Союзе, призывающая к разрядке и миру — нужна. Яхонтову неоднократно приходилось видеть, как старшие читают младшим его статьи вслух, переводя на английский. А иным и переводить не надо — они понимают по-русски со слуха, а вот читать — не научились. Но — хотят знать правду о Родине отцов.

А Плотников-Карпендер умер, тихо угас, доживая свой век в Арров-парке. После смерти Федора продали его домик, вещи раздали (он сам так просил сделать — по русскому обычаю). Все финансовые документы он держал в образцовом порядке — чисто по-американски. Купили могилу, оплатили похороны и поминки. После

всего осталось 7762 доллара. Покойный завещал: остаток разделить поровну, одну половину передать в фонд «Русского голоса», другую — переслать в Москву, в Советский фонд мира.

Федин коттедж купил Гарри (Герасим) Савчук, из дипишников. Теперь они на равных с ветеранами бывают в Арров-парке, в редакции «Русского голоса». Разумеется, это дипишники не из палачей, а из военнопленных, запуганных американскими офицерами в лагерях и побоявшихся вернуться, из тех девчат, что были угнаны в фашистскую неволю и прошли такие муки и унижения, о которых слишком страшно говорить... Эти люди имеют свой счет к фашизму и войне. Много узнал от них Яхонтов, жизнь каждого из них — сюжет для повести, для телесериала. Но им не предлагают писать в популярные журналы, не приглашают в телестудии...

Между тем в Америке снова зазвучали слова «русские эмигранты». Виктор Александрович сначала о них прочитал, потом увидел по телевидению и наконец столкнулся лицом к лицу. Первая такая встреча произошла неожиданно и, надо признаться, повергла уже почти девяностолетнего Яхонтова чуть ли не в шоковое состояние. Да, несмотря на свою необычайную выдержку, поразительное умение владеть собой, он, Яхонтов, на какой-то миг растерялся. Потом, конечно, взял себя в руки... А дело было так. В редакцию пришел человек средних лет, скорее даже пожилой, спросил редактора. Его проводили к Яхонтову. Гость представился. Фамилию Виктор Александрович не расслышал (слух у него начал слабеть), но имя-отчество разобрал отчетливо: Григорий Самойлович. Яхонтов, предупредив, что с ним надо говорить громче, спросил, чем может быть полезен.

Посетитель, небрежно махнув рукой в сторону двери, сказал до непристойности развязно:

— Я вижу, голос у вас русский, но есть и евреи. Почему бы вам не взять еще одного?

Вот тут-то Яхонтов не сразу понял, что перед ним один из так называемых «вновь приехавших», и, вместо того чтобы сразу оборвать недопустимый в «Русском голосе» разговор, пробормотал что-то вроде того, что не вполне, мол, понял, с кем имеет честь...

А Григорий Самойлович, не спросив разрешения, закурил и в небрежной, раздражающей манере стал рассказывать о себе. Полгода как оттуда (взмах рукой, видимо, означающий — из СССР). Устроил себе вызов

от родственников в Израиле. Х-ха, откуда у меня там родственники. Заранее подсуетился, слава богу — не дурак, в Израиль ни ногой, из Вены сразу махнул в Рим, там перекантовался, и вот я здесь. Ищу работу. Был у Седых (Яхонтов, разумеется, знал, что это псевдоним Якова Цвибака, редактора «Нового русского слова»), пока вакансий нет, посоветовали обратиться к вам. Вот и пришел.

Наконец Яхонтов взял себя в руки и уже спокойно, сухо спросил

— Кто вы по профессии?

— Как кто? Журналист! — деланно изумился гость. — Иначе зачем бы я пришел в газету?

— В газетах работает и технический персонал, — Виктор Александрович окончательно восстановил равновесие.

Видимо, холодный тон редактора встревожил посетителя. Он беспокойно заерзал на стуле, сказал уже поспешно, без подергиваний:

— Нет, нет, я журналист. Профессиональный, кончил факультет журналистики МГУ. Работал в районке, потом в центральной печати. Вот у меня с собой листок по учету кадров. Извините, еще советский...

— Не трудитесь, — Яхонтов остановил его движением руки. — Один вопрос: вы знакомы с нашей газетой?

— Да, — невинно ответил Григорий Самойлович. — В «Новом русском слове» есть подшивка, я просмотрел.

Виктор Александрович помедлил, подумал — не произнести ли гневную тираду, решил — и недостойн его гнева этот тип, да и любопытно было кое о чем еще его спросить. Поэтому сказал спокойно, даже убавив холодности:

— Простите, тогда мне не совсем понятны ваши мотивы. Мы поддерживаем миролюбивые акции Советского Союза, выступаем за мир, за разрядку, за американо-советское сближение. Мы широко используем материалы ТАСС, АПН... Вы же, судя по вашему... э-э-э ...решению эмигрировать, придерживаетесь антисоветских взглядов. Боюсь, что у нас вы будете, как говорится, не совсем в своей тарелке.

Но, видно, Григорий Самойлович был из тех, о которых говорят — им хоть в глаза наплюй.

— Да боже ж мой! — воскликнул он. — Какая вам разница, какие у меня взгляды. Вы лучше посмотрите, какое у меня перо. Дайте мне пробное задание. Увидите —

справлюсь. Я гибкий журналист. Что скажете — то и напишу. Скажете Варшавский пакт похвалить — пожалуйста. Скажете восславить НАТО — ради бога. Вторая древнейшая!

Яхонтов улыбнулся, сказал мягко:

— Видимо, вы еще недостаточно хорошо уяснили себе дух нашей газеты. Здесь свои традиции, свои принципы, боюсь, вам трудно будет в них вписаться. Да и оплачиваемой должности сейчас нет, а в порядке, так сказать, добровольном и безвозмездном вы, я полагаю...

— Да, да,— кивнул соискатель,— мне нужны деньги, нужна работа.

Яхонтов подумал, что гость может встать и уйти, поэтому поспешил задать вопрос, который вертелся у него на языке почти всю беседу:

— Если можно, расскажите, почему вы эмигрировали. Григорий Самойлович удивился:

— Но здесь же лучше жить!

— Смотря кому,— осторожно сказал Яхонтов. Ему хотелось по возможности глубже заглянуть в душу этого субъекта. Тот пожал плечами:

— Даже наша, я хотел сказать — советская пропаганда признает, что жизненный уровень американцев выше. Здесь больше возможностей. Есть выбор, по-научному говоря, здесь плюралистическое, а не тоталитарное общество...

— Это все вообще,— настаивал Яхонтов.— А мне было бы любопытно узнать ваши личные мотивы. Я сам когда-то уехал с Родины и по личному опыту знаю, что у медали эмиграции две стороны. Одна — что вас гнало оттуда, вторая — что влекло сюда. У каждого человека свое, личное.

— А у вас как было?— ответил вопросом на вопрос Григорий Самойлович. Это было совершенно неприлично, однако Яхонтов сдержался, но сказал подчеркнуто сухо:

— Это долгая история. Я написал об этом целую книгу. Прочтите, если вам интересно.

Новый американец усмехнулся:

— Зачем городить какие-то сложности, когда все просто. Войдите в любой здешний магазин — и все что душе угодно. Джинсы штабелями лежат. А там (он повторил характерный жест, как бы указывая в сторону Советского Союза) я доставал для дочери фирменные джинсы через знакомого знакомых соседа одного моего сослуживца. Вот так!левой рукой чесал из-за спины пра-

вое ухо. А здесь пошел и взял. Да и ходить не надо. Можно, оказывается, заказать по каталогу. Доставят на дом.

— Это верно, — едва скрывая иронию, отозвался Яхонтов. — Были б деньги.

Григорий Самойлович осекся. Он понял, что оказался в смешном положении. Чуть было не вспылil, но поостерегся. Не плюй в колодец, Гриша, сказал он сам себе, тут со всеми нужно держать ухо востро. Любезно улыбнулся:

— Что ж, гуд бай. Не буду задерживать. Извините, а других газет в Нью-Йорке нет? — И добавил, вставая: — Русских газет.

— Нет.

Потоптавшись, «вновь приехавший» опять сел. Заговорил доверительно, чуть ли не заискивающе:

— Говорят, тут где-то поблизости есть филиал Форда? (Яхонтов кивнул). Мне там обещали место — в технический персонал, конечно. Попросту говоря — убирать какие-то помещения. Потом продвинул, когда язык подучу. Вы не знаете, здесь на заводах многотиражки есть? Может, со временем хоть туда удастся перейти.

— Многотиражки есть, рабочие их называют хозяйскими газетами и обычно не читают. А что касается Форда... — усмехнулся Яхонтов. — Если вы прочтете мою книжку, вы узнаете, что был у меня здесь пятьдесят лет назад ярый враг по имени Борис Бразоль. Из русских белоэмигрантов. Форд ему, можно сказать, отдал газету — «Дирборн индепенденс». Бразоль печатал там антисемитские статьи. Но это старый Форд. Позиция нынешнего мне, право, неизвестна.

И с трудом поднялся, показывая, что разговор окончен. Григорий Самойлович, кажется, его и не слушал.

— Придется, видимо, велферовцем стать, — хмыкнул он, закрывая за собой дверь.

Русское слово «велферовец» возникло от английского «велфер» — пособие неимущим. В Америке велферовец находится на противоположном от Фордов краю широчайшего финансового спектра.

В тот день вечером Виктор Александрович долго сидел дома в своем любимом кресле, не включая лампы, размышлял о встрече с «вновь приехавшим». Он испытывал недоумение. За долгие десятилетия на чужбине Яхонтов выстрадал формулу «Эмиграция — это прежде всего трагедия». Ах, сколько персональных трагедий он

знал, боже мой! Какие изломанные судьбы, какая ломка людей, какое перенапряжение психики, сколько самоубийств, преступлений, сколько бездн... А здесь — джинсы по каталогу. И ведь не малограмотный и не обиженный судьбой. Московский университет, центральная печать. Кстати, видно, из-за таких-то и немало, чего там говорить, серятины в советской печати. Хотите — за Варшавский пакт, хотите — за НАТО. А сам за кого? Да ни за кого, за собственный карман. Так что, рассуждал Яхонтов, такие Григории Самойловичи — новая экономическая эмиграция? Как покойный Федя Плотников? Нет ведь! Что-то другое. Разве бы Федя уехал из своей Калужской губернии, если бы не отчаянная нищета. Если б мало-мальски можно было жить, просто выжить, он бы не бросил Родину. Ага, вот оно, ключевое слово, Родина! А у этого родины нет. Ну что ж, подобные людишки встречались во всех слоях эмиграции. Еще в двадцатые годы ходил по рукам такой стишок:

Что родина? По мне — корыто,
Где поило вкусное, где щедро через край
Для поросят монх и для меня наливо.
Вот родина моя! Вот светлый край!

Забылось, кто его написал, да и был ли известен автор? Но хорошо помнится, как дружно возмущались этим свинским манифестом и левые и правые... Да, были искатели полных корыт, были. Но среди других. А эти, взыскующие джинсов, — сплошь такие? Виктор Александрович уже прочел много статей, написанных о таких, как Григорий Самойлович, или ими самими. И в англоязычной печати, и, конечно, в НРС. Какое духовное убожество! Ни страстей, ни сложностей, ни поисков, пусть на ложных путях — джинсы. Но на этих пустышках делают большой идеологический бизнес. Опять пошла волна — порочить Россию, из которой вечно бегут.

Зато никогда никакого шума, когда в Россию возвращаются. Яхонтов мысленно перебрал всех своих друзей и знакомых, вернувшихся на Родину. Первые, конечно, это граф Алексей Игнатьев с милой Наташей. Давно уже лежат они вместе на Новодевичьем, над Москвой-рекой. А в Псково-Печерской лавре похоронен митрополит Вениамин, соратник по митингам времен войны. Ах, как они выступали! Какой жар сердец вкладывали в свои речи. Иван Афанасьевич, как в миру звали митрополита, вернулся в Россию еще в 1946 году, что за проводы были!

Кажется, весь русский Нью-Йорк собрался, да не только Нью-Йорк — приехали из Нью-Джерси, Пенсильвании, Массачусетса, Вирджинии, из всех восточных штатов. Да не только восточных... Потом уехал Курнаков, бывший ротмистр Дикой дивизии, которая когда-то слепо, не рассуждая, как хорошо выдрессированный зверь, выполняла любые приказы царя. В шестидесятом уехал Со-синский, работник ООН, в войну — участник французского Сопротивления. Живет-здоровствует в Москве. Там же теперь и Казакевич, с которым связано так много. Вот кого хочется увидеть больше всех — Казакевича. Слушай, Виктор Александрович, а не пора бы и тебе? Или еще повоюем?

Прощай, Америка

Девяностолетие Яхонтов торжественно отмечал дважды — в Нью-Йорке и в Москве, куда он приехал в канун юбилея. К 1971 году он был уже совсем своим человеком в Советском комитете по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Здесь его знали, глубоко уважали и любили. Сюда встретиться с ним приходили его знакомые — и старые и новые. Дни пребывания в Москве были недолгими, забот и хлопот в связи с группой всегда хватало. Не хватало времени. И сил. В особняке Советского комитета у Чистых прудов и чествовали Виктора Александровича в его славный юбилей. Много было сказано речей, теплых слов, подарено подарков.

— Дорогие друзья! — сказал в ответной речи растроганный Яхонтов. — Да, дорогие друзья! Дорогие многолетние друзья! Ничего не может быть дороже сознания выполненного долга. Ничего не может быть дороже, как признание друзьями, а особенно соотечественниками, что человек выполнил свой долг, как умел, как старался. Честно говоря, всю жизнь я старался быть верным сыном своей Родины. И если мне на самом деле это удалось, я что-нибудь сделал — я счастлив, что прожил не зря. Верно, что нет ничего дороже Родины, родного народа. Этим я жил, этим живу. Люблю Родину, хочу добра родному народу, верю в силу, в мощь, талант, честность моего народа и желаю ему дальнейшего процветания... Спасибо вам, дорогие родные, близкие моему сердцу люди, живущие на моей Родине, работающие для блага моего народа. Спасибо вам, дорогие, спасибо!

Аплодировали ему горячо, искренне. Яхонтов уже стал человеком-легендой. Не было в Советском комитете ни одного гостя из Америки, кто бы с восторгом не рассказывал о легендарном генерале. Русские американцы и канадцы старшего поколения вспоминали его блистательные лекции, особенно военной поры. Те, кто помоложе, говорили, что статьи Яхонтова в «Русском голосе» помогают им без искажений видеть панораму мировой политики. Все, как один, восхищались, казалось, безграничной трудоспособностью, необычайной добросовестностью Виктора Александровича. Часто американские гости говорили «наш генерал». Они, чувствовалось, гордились таким необыкновенным человеком. И очень его любили. В свою очередь, Яхонтов любил своих старых и верных друзей из русских американцев, слушателей своих лекций, читателей своей газеты. Чествование Яхонтова было устроено и в Нью-Йорке. В числе других поздравляли его и советские дипломаты — заместитель постоянного представителя Украинской ССР при ООН М. З. Гетманец и постоянный представитель Белорусской ССР при ООН В. С. Смирнов.

— Самое ценное в человеке, — сказал Яхонтов в своем выступлении, — это то, что, несмотря на все трудности, он пронес через всю свою жизнь любовь к Родине, чувство неразрывного единства с народом.

Девяностолетие человека, живущего не на уединенном горном пастбище, а в гуще политической жизни, конечно, редкость. Много неожиданных поздравлений получил Яхонтов к своему юбилею. Может быть, самым неожиданным было поздравление Чарли Доули, который, став крупным магнатом оружейного бизнеса, не давал о себе знать уже много лет. А сейчас появился. И где — в клубе, где давно состоял Виктор Александрович, а Чарли только что удостоился чести быть принятым. Так что, может быть, Чарли не столько хотел поздравить «своего доброго гения», сколько похвастаться тем, что и он теперь причислен к «элите»...

Юбилей прошел. А Яхонтов, теперь уже на десятой десятке, продолжал редактировать «Русский голос»! Без ложной скромности он понимал, что замену ему найти будет нелегко. Он тревожился за судьбу газеты, одну за другой жизнь ставила перед ним, как журналистом, проблемы, которые требовалось решать, и как-то само собой получалось, что день за днем, месяц за месяцем он откладывал подачу заявления. Он знал — когда

закрутится бумажная карусель, он уже не будет властен над сроками. Как же оставить родной «Русский голос», если дозарезу необходимо сказать важное, объяснить сложное людям, которые ждут его слова в газете, надеются на него, верят в своего генерала. А трудностей хватает. Вон новый президент Джеральд Форд заявил, что изгоняет из своего обихода слово «детант» — разрядка. Неужели снова поворот к худшему? Трудно оставить газету, оставить свое дело, если знаешь, что оно нужно людям. Да и дом свой оставить трудно, если живешь ты в нем уже бог знает сколько лет и если тебе за девяносто.

Но все равно он ни на миг не допускал и мысли, что закончит свои дни на чужбине. Он ставил пластинку Вертинского «Чужие города» и вспоминал, сколько чужих городов ему пришлось повидать. Не упомнить. Не сосчитать. А вот Вертинского он слышал дважды — в Париже и, кажется, в Шанхае. Но точно, что дважды. А как странно было услышать во время войны сообщение московского радио о возвращении Александра Николаевича из эмиграции. Потом, в советском посольстве, он видел фильм «Заговор обреченных» — Вертинский блестяще сыграл кардинала. Кажется, за этот фильм он получил Сталинскую премию. Потом читал его мемуары под названием «Четверть века без Родины». Всего лишь четверть! А если больше половины?

Здесь шумят чужие города,
И чужая плещется вода,
И чужая светится звезда...

Нет, нет, он не хочет умереть под чужими звездами. Наконец, заявление подано. Ответ, положительный, как он и ожидал, пришел очень быстро.хлопоты, сборы. Миг прощания с Америкой стремительно приближался.

А когда столь долго подготавливавшийся час действительно наступил, оказалось вдруг, что это необычайно грустно и горько, и комом в горле стали слова «Прощай, Америка». Потому что уже точно — не «до свидания», не «пока», а — «прощай». Потому что уже не в тур, а домой. Навсегда. Потому, наконец, что уже девяносто четыре.

Да, по-иному взглянул он на берег, когда советский лайнер «Александр Пушкин» мягко начал отходить от причала. Нет, не так это просто, как думалось, навсегда покидать Америку. Ведь прожил здесь больше полувека,

целую жизнь, и все время считал себя на чужбине, а какая она ему чужбина — Америка? Он здесь жил, работал, боролся, как мог, за ее свободу. Здесь умерла Мальвина. Здесь остается Олечка, внук Виктор — совсем уж американец, а уж правнуки и подавно. Значит, и он, Яхонтов, тоже вложил свой кирпичик в американский дом, пустил свой корень в американскую землю. Прощай же, Америка, пусть вторая — но ставшая родной земля.

Берег отходил, уже люди стали неразличимы, слились в толпу «американцев», и Виктора Александровича вдруг охватило странное, доселе не испытанное им чувство. Он вдруг как бы увидел разом всю эту великую страну, как говорят американцы, от Массачусетса до Калифорнии, от Миннесоты до Луизианы. Да, много поездил он по Америке, не раз бывал не только в таких интеллектуальных центрах, как Бостон, который гордо именует себя Афинами Америки, или в таких промышленных столицах, как Мотор-сити (Детройт) или Город ветров (Чикаго), но и в глубинке пшеничного и полынного пояса.

В час прощания, как в момент истины, не стыдно сказать — я любил тебя, Америка. Ну, а раз слово любви сказано, то можно позволить себе и откровенность.

Объехав практически все штаты, он все же отдавал предпочтение Северу. Вернее — не любил Юг. Магнолия с самого начала вызывала в нем антипатию. (Магнолия — в специфическом смысле, как расистский символ, а не как эмблема штата Миссисипи). Вспомнилось, как в самом начале его американской эпопеи ему предлагали поселиться на Юге, но он отказался, сославшись на то, что в Нью-Йорке ему легче будет вращаться в американскую жизнь. Что ж, он поступил правильно — и не только тем, конечно, что отказался от Юга. Нью-Йорк — настоящая школа жизни, суровая и жестокая. Слишком жестокая, если обозреть последние годы, даже, пожалуй, не годы, а все послевоенные десятилетия.

Виктор Александрович вспомнил, как тройца шутовски одетых молодых парней напала в метро на него и на Мальвину Витольдовну, как он мысленно молил бога, в которого не верил, чтобы только не тронули жену, а вслух, подняв руки, говорил, сколько у него денег в каком кармане. И как потом их обоих все-таки сбили с ног на пол и, смеясь, вышли на ближайшей остановке. И из всего вагона, уткнувшегося в газеты, только один старый негр, посеревший от страха, помог им подняться. Яхонтовым было тогда уже к восьмидесяти. Но это лишь мелькну-

ло, он отогнал это, не хотелось вспоминать плохое...

О, Нью-Йорк, Большое красное яблоко, как любовно называют тебя американцы. Ты был совсем другим и в то же время точно таким же, когда он сюда приехал. Правда, тогда нигде еще не было таких небоскребов, даже «Эмпайра» еще не было, над Нью-Йорком, поражая приезжих, царил Вульворт... Но и сейчас ни один город мира так не поражает небоскребами, как он, избравший своим девизом слово «Эксцельсиор» — высший. Еще Нью-Йорк называют Метрополис — имперский город. Имперский штат. Ах, сколько раз приходилось Яхонтову объяснять приезжим, почему «Эмпайр» так называется. Потому что официальное прозвище штата Нью-Йорк — Эмпайр стейт, Имперский штат. Это и вправду так, если имперское мерить долларом. Но доллар, господа, мера иного. Напрасно ваши политологи толкуют о втором Риме — абсурд. Генеалогия этого города — иная. Новый Карфаген, апофеоз торгашества, империя лавок и не случайно вы выше своего «Эмпайра» вознесли Близнецов — Всемирный торговый центр. Но человек сложен, и страна сложна. Собранные Великой Торговлей, ньюйоркцы все же создали Великий Город, И равных ему нет.

Жестокий, безжалостный, страшный, Нью-Йорк прекрасен. Подводя итоги своему американскому бытию, Виктор Александрович ни на миг не усомнился, что он правильно сделал, выбрав для жительства Нью-Йорк. Когда он нашел свой путь, занялся научной работой, книгами, он бы мог переехать в какой-нибудь тихий университетский городок. Давно, еще в годы Великого Кризиса. Ну, бог с ним... Он вернул мысль к Нью-Йорку. Его еще называют Ворота Америки. И дело не только в том, что через порт (а теперь — аэропорт) прибывают сюда «вновь приехавшие». Здесь виднее, чем где-либо, один из американских парадоксов, который так занимал лично его, Яхонтова. Неслиянность наций в Нью-Йорке и одновременно — единство. Здесь самый отчаянный американец из соседней пиццерии может тридцать лет считать себя все еще итальянцем, не понимая, что это давно уже не так. И Яхонтов подумал — а не из таких ли он сам?

Он думал об этом, уже лежа в каюте, мучаясь бессонницей, думал, засыпая (после двойной дозы снотворного), и на пороге сна четко ответил: нет. Он не из таких. Он — вернулся. Он — возвращается.

Последняя награда

Свой

Виктор Александрович Яхонтов вернулся на Родину 22 сентября 1975 года. В Ленинград. Отсюда, из Петрограда, он уехал 14 ноября 1917 года. Внутри этого громадного срока, равного средней продолжительности человеческой жизни, он двадцать раз приезжал в родную страну. Но — иностранцем. Лояльным, дружественным, другом, но все же — иностранцем. У него в кармане был американский паспорт, он расплачивался долларами. Американский орел простирает над ним свои крылья, как некогда — романовский, двуглавый. И вот он утратил свою власть над ним.

Яхонтов пробыл в Ленинграде три дня. Он поехал в Лавру и долго стоял у могилы жены. Теперь он был уверен: что бы ни случилось, они будут похоронены рядом. Их уже не разделяли океаны и границы. А друзья, советские друзья, он знал, выполнят его волю. Наверное, это будет совсем скоро. Он приехал на Родину умереть.

И еще Виктор Александрович «навестил» своих родичей: побывал в Зимнем дворце, где в Галерее героев 1812 года висят портреты двух его предков по материнской линии — генералов Милорадовича и Депрерадовича. Из «Астории», где ему был забронирован номер, от Исаакиевской, он упрямо прошел пешком до Дворцовой, правда присев отдохнуть у памятника Пржевальскому. Каким близким казался когда-то этот путь — от Исаакия до Зимнего и как долог он теперь, в девяносто четыре.

Но он специально сделал крюк, чтобы выйти на Дворцовую под аркой Главного штаба. Опираясь на палку, Яхонтов постоял у подъезда, где когда-то он ловко, так «по-водевильному», с прятаньем за портьерой, избежал встречи с матросами, пришедшими «трясти контру».

Только не водевилем то было, а подлинной драмой. Десять дней, которые потрясли мир. И его судьбу в том числе.

Поднимаясь по неповторимой бело-золотой парадной лестнице Зимнего дворца, Яхонтов остро ощущал, что в потоке посетителей он, без сомнения, единственный, кто приходил сюда еще не в музей, а в учреждение, по делам — сначала к царю, потом к «временному». Да, пожалуй, точно — единственный. Даже вон тому старику вряд ли больше семидесяти пяти, а раз так — значит, в главный год века он был юнцом и, судя по внешности, по тяжелым рабочим рукам, явно не мог иметь никакого отношения к царскому двору. Иначе как реликтом теперь меня и не назовешь, с усмешкой подумал Виктор Александрович.

Предки-генералы сурово взирали на него с портретов. Они в свое время проявили себя достойно, отличились в боях за отечество при Нови и Сен-Готарде, при Турбате и Фершампенуа, под Вязьмой и Красным. А он, их потомок? Что ж, он участвовал в боях, пусть и немногих. Он нес нелегкую военно-дипломатическую службу. Совсем недолго входил в военное руководство государства. Все это — до тридцатилетнего возраста. По меркам того времени, когда на военной службе состояли его славные предки, это было бы не так уж мало. Но сейчас другая эпоха, и генералы не удаляются сорокалетними доживать свой век в дворянских гнездах. Но, конечно, не в цифрах суть. Когда началась главная битва его эпохи, его поколения, он отказался в ней участвовать, ибо не сразу сообразил, кто за что сражается. Но солдат своих он не предал и зла им не причинил. Едва получив генеральские погоны, он добровольно снял их. И всю жизнь именовался генералом. Генералом без армии? О нет. У него была другая служба, и служил он на ней сверх всяких сроков. Так что он может прямо и честно смотреть в лицо предкам здесь, на Родине, в Галерее героев.

...Хотя Яхонтов и перестал быть иностранцем, по-прежнему заботился о нем Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Его сотрудники встречали Виктора Александровича в Ленинграде. С их помощью он 25 сентября приехал в Москву и удивился, что на перроне его ждало много людей. Впрочем, теперь ему предстояло удивляться ежедневно и ежечасно, хотя, казалось бы, что может удивить человека таких лет и прожившего такую жизнь. Во-первых, не-

ожиданно быстро и удачно разрешились бытовые вопросы. Надо сказать, что у Яхонтова были довольно-таки смутные представления о том, где и на что он будет жить. Он полагал, что накоплений ему хватит и со временем что-то решится с жильем. Но в Москве он сразу же узнал, что ему назначена персональная пенсия и выделена квартира.

«Итак, последнее прибежище», — подумал Виктор Александрович, когда его повезли посмотреть квартиру. Она оказалась рядом с Комсомольской площадью. Новый 16-этажный дом в Грохольском переулке. Кругом ломаются ветхие строения, возносятся многоэтажные корпуса. Кругом — оживление, суeta переездов, новоселий. Всюду стук, визг электродрелей — люди устраиваются, вешают люстры, занавески, ковры, расставляют мебель. Устраиваются прочно. А ночью слышны свистки локомотивов, лязг тормозов, перестук колес. Ах, сколько же сотен тысяч, а может быть, и миллионов километров проехал он за свою жизнь. Сколько пейзажей и городов перевидал из вагонных окон, сколько передумал ночами. Так что даже и хорошо, что рядом вокзалы, что явственно доносятся характерные звуки железной дороги. А он свое отъездил.

Он привез с собой очень мало багажа. Работники Советского комитета помогли ему с устройством, и вскоре квартира была оборудована. На полку он поставил свои книги и книги друзей, подаренные ему, на письменном столе расположил фотографии близких, а над столом — как в Хабаровске, в Токио, в Праге, в Нью-Йорке — солдатскую грамоту в рамке. Ту самую грамоту, 1909 года, он повесил в московской квартире осенью 1975-го.

Все, все хорошо, но... Грызла Яхонтова одна мысль, пришедшая к нему еще там, в Нью-Йорке, уже когда он занялся оформлением документов. Толчком послужила случайно пришедшаяся к слову русская поговорка: «где уродился, там и пригодился». Он боялся, что обычные люди, не искушенные в истории и тем паче в много-страдальной истории российской эмиграции, вот хотя бы его новые соседи, обживающие дом, узнав, кто он, не признают его за своего, и он останется отчужденным от них. Рядом — но чужаком, хотя и с советским паспортом в кармане. Захотят ли они разбираться в перипетиях его жизни, не скажут ли нетерпеливо: «Ну, все ясно — сбежал, а когда мы боролись и голодали, строили и воевали, восстанавливали и налаживали, отсиживался

за океаном, теперь же на все готовенькое и явился. Тот еще фрукт из «временных», дружков Керенского. Смотри-ка, до таких лет дожил на сытных американских харчах...»

Да, была такая мысль, беспокоила днем, жгла ночью. Но недолго. Ему не дали толком разложить вещи, как пришли из «Голоса Родины» — брать первое интервью по приезде, пришли с радиостанции «Родина», люди все были знакомые по предыдущим приездам. Эти визиты не удивили. Другое дело — визит Эдуарда Церковера — корреспондента «Недели». Яхонтов знал это еженедельное приложение к «Известиям» и искренне удивился. Может быть, корреспондент зря все это затеял? Но Церковер, четко делая свое дело, исполнял редакционное задание. Его статья была действительно опубликована в «Неделе». Ее прочли миллионы. Собственно говоря, именно Церковер представил Виктора Александровича советскому народу.

И обрушился шквал. Письма и телеграммы посыпались в Грохольский переулок. Только успевай получать. Телеграммы приносили в квартиру. Письмами набивался ящик в подъезде дома. Без лишних церемоний соседка отобрала у Яхонтова ключ от ящика, сама спускалась на лифте и приносила ему почту. Письма потрясали.

«Восхищен Вашей безграничной любовью к Советской Родине. О Вас рассказал сыну, курсанту мореходного училища. Пусть набирается мужества. И. Матвиенко, село Христиновка Черкасской обл.»

«У нас очень красиво. Рядом — Саяно-Шушенская ГЭС, мемориальный музей В. И. Ленина. Наш домик стоит на берегу Енисея — в нем самая чистая и вкусная вода. Напротив шумит сосновый бор, там много ягод и грибов. Владимиру Ильичу Ленину очень нравились здешние места. Приезжайте. Супруги Ирतिकевы. Красноярский край, Шушенский район, село Никитино».

«Вы прожили интересную жизнь, насыщенную самыми сложными событиями и перипетиями. Пишите книгу! Она научит молодое поколение любить Родину. Готова помочь Вам в стенографии. Валентина Трушина. Москва».

Звонок в дверь. Еще телеграмма? Нет, это соседка принесла пирожки: «Только что спекла, Виктор Александрович, угощайтесь. Кстати, чай у вас есть?»

Сосед-врач пришел со стетоскопом и аппаратом для измерения давления...

В Нью-Йорке можно на улице смерить давление, сунув руку в автомат. Это гораздо дешевле, чем если бы эту несложную процедуру совершил живой врач. И вообще — посмотрев на результат измерения, вы, может быть, и не пойдете к врачу. В Москве нет еще таких автоматов. Но нет уже людей, лишенных медицинской помощи. Но даже и не в этом главное. Яхонтов видел, что для врача-соседа измерение давления было, в сущности, предлогом. В Нью-Йорке случалось, что одинокие старики умирали в своих квартирах, и проходили недели, а то и месяцы, прежде чем обнаруживали их останки. Обычно это делали не соседи, а кто-то пришедший требовать денег — квартплату или еще что-нибудь. Соседи на вопросы полиции обычно отвечали: «Ничего не видел, ничего не слышал, встречались, здоровались, да, верно, давно что-то не сталкивался, но меня это не касается». В богатой, благоустроенной Америке страшная разобщенность людей стала национальной трагедией. Люди, которые наперебой приглашали Яхонтова в свои квартиры, были, как правило, беднее его соседей по Нью-Йорку. Никто ни разу не попрекнул его поговоркой «где уродился, там и пригодился».

Более того, парадоксально, но получалось так, что он еще может пригодиться. И рано он сказал себе, сойдя на берег в Ленинграде, что приехал на русскую землю умирать. Умирать, конечно, придется, но пока... Пока нужно кое-что сделать. Непрерывно теребил «Голос Родины». И теребил обоснованно — потому что в редакцию шли письма из США (да и не только из США) — как там устроился в Москве и что поделявает генерал Яхонтов. Из Нью-Йорка родной «Русский голос» просил писать хоть в каждый номер. Журнал «США. Политика. Экономика. Идеология» заказал большую статью «Русский в Америке». Сроки были весьма жесткие. Но он успел, написал. А для журнала «Отчизна» Виктор Александрович написал серию статей под общим заголовком «Служу тебе, Отечество...».

Вскоре после возвращения Яхонтов узнал, что старый Советский комитет по культурным связям с соотечественниками за рубежом распускается и на его базе создается новая, уже не государственная, а общественная организация. Ее называли Советское общество по культурным связям с соотечественниками за рубежом (общество «Родина»). Последнее, более короткое название употреблялось чаще.

Заново формировалась редколлегия знакомых Яхонтову изданий. Он сам был избран членом объединенной редколлегии газеты «Голос Родины» и журнала «Отчизна». Теперь его фамилия печаталась в списке других членов редколлегии в каждом номере. А это для него означало — ответственность. Тем более кто-кто, а Яхонтов хорошо знал, что «Голос Родины» и «Отчизну» читают не только друзья, но и враги. Читают с пристрастием. Знал он от американских друзей и то, что вокруг его переезда злобствующие антисоветчики уже накручивают небылицы. Поэтому надо больше писать, говорил он сам себе, спокойно, а главное — честно, объективно.... «Я приехал на Родину работать», — сказал Виктор Александрович в одной из статей, и это было правдой...

Стал своим молодой офицер капитан Александр Штыкá. Он работал над кандидатской диссертацией по истории русского офицерства, над вопросом, крайне важным для понимания событий революционной эпохи — о массовом переходе офицерского корпуса старой России в Красную Армию. Для молодого капитана старый генерал был сущей находкой. И наоборот. От Александра узнавал Виктор Александрович о судьбах многих своих давних сослуживцев!

Очень обстоятельными были беседы с А. Г. Кавта-радзе. Историк дотошно расспрашивал Яхонтова о порядках в царской армии. История русского офицерства, русской военной мысли чрезвычайно интересовала, как оказалось, многих специалистов.

Словом, времени опять не хватало. Опять приходилось, преодолевая недуги, работать: писать, консультировать, рассказывать, отвечать на письма. Сотрудницы общества «Родина» помогали ему по хозяйству. Ведь как ни бодрился Виктор Александрович, а возраст сказывался. Особенно боялись за него зимой, когда по плохо убравшимся тротуарам было трудно ходить и не таким старым людям. Да и к московским магазинам привычки у него не было...

Но он работал, действовал, жил. Писал, вспоминал, консультировал, рассказывал. В узком кругу друзей отмечал в ресторане три даты — день рождения, день возвращения и рождество (разумеется, по старому стилю). Съездил в дом творчества в Прибалтику. Удивило его слово «путевка» и сам этот столь привычный нам документ. В Штатах все иначе... Ездил на экскурсии. Побывал, в частности, в чеховском Мелихове, где раньше

не случилось быть... Это может показаться удивительным для человека его возраста, но он сохранил острый интерес к событиям и людям, заводил новых знакомых и охотно с ними общался. Может быть, поток новых лиц и утомлял его, наверное, это было так, но он не жаловался. Как всегда, жил активно, он был нужен многим, и то, что не сбылись его грустные предположения об одиноком мысленном «подведении итогов» — было хорошо.

Приглашение в Кремль

11 июня 1976 года Виктору Александровичу Яхонтову исполнилось 95 лет. В этот день вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении его орденом Дружбы народов. Как было сказано в Указе, он награждался «за активную многолетнюю патриотическую деятельность и в связи с девяностопятилетием». 2 августа Яхонтов был приглашен в Кремль для получения высокой награды. Виктор Александрович в тот день был молчалив, сосредоточен. Друзья из общества «Родина», сопровождавшие его, не докучали вопросами.

Когда церемония награждения закончилась, Яхонтов долго стоял в Кремле у памятника Ленину. Никто не решился его потревожить. Никто не знает, о чем он передумал за те минуты. Может быть, перед его мысленным взором прошла вся его жизнь? Скорее всего так...

Наверное, в сердце его была и горечь оттого, что не сразу он понял правду, принесенную миру величайшим сыном России. И это непонимание стало основной причиной того, что долгие десятилетия провел он на чужбине. Но — не стал чужаком. Иначе его не пригласили бы сегодня в Кремль. А раз пригласили, раз вручили ему советский орден, значит, Советская Родина подводит баланс его жизни со знаком плюс...

Орден Дружбы народов. Какое точное название! Разве не ради дружбы народов он проработал несколько десятилетий в Америке? Разве не эта идея лежала в основе его книг, статей, лекций? Разве не в дружбе народов видел он единственную гарантию того, что человечество уцелеет в ядерно-ракетный век?

Вскоре он написал в одной из статей:

«Я безгранично счастлив. Счастлив, что наконец вернулся в свою родную, горячо любимую страну. Счастлив, что живу среди близких и дорогих мне людей, среди

друзей. Счастлив, что Советское правительство удостоило меня такой высокой награды. Выходит, не зря прожил я жизнь».

В семьдесят шестом году была опубликована основная часть написанного Яхонтовым на Родине. В ноябре — статья в журнале «США...» В июньском, а затем с августовского по декабрьский номер «Отчизны» — воспоминания, вернее, отрывки из воспоминаний. Как у многих старых людей, у Виктора Александровича живо вставали в воображении картины детства и юности. Вспоминались кадетские шалости, поездка к родственникам в деревню на тверской земле. Вспоминался даже говор тех крестьян, с которыми мальчиком он общался тогда в теткинском имении. А может быть, это потому, что он ловил такой же говор старушек, сидящих у подъезда, когда медленно проходил мимо них, выйдя из машины. И платки эти старухи повязывали так же, как в деревне в конце XIX века...

Видимо, Яхонтов не рассчитал силы, когда работал над мемуарами для «Отчизны». Судя по началу, можно было ожидать подробного изложения зарубежного периода его жизни. Но этого он сделать уже не смог. Каждая страница давалась все труднее и труднее...

Летом 1977 года навестить отца приехала Ольга Викторовна. Они провели несколько дней в Москве, а потом вместе уехали в Ленинград. Это была последняя поездка Яхонтова в родной город. Обществу «Родина» удалось устроить его в столь знакомой «Астории». Вместе с дочерью съездил он на могилу Мальвины Витольдовны. Но вот Олечка взошла по трапу на борт лайнера и уплыла домой, в Америку. При прощании оба остро осознали, что больше не увидятся...

И как всегда, от грустных мыслей спасала работа. Сколько позволяли силы, Яхонтов писал в «Русский голос». Он понимал, что с его уходом газета ослабела. Тревожило и то, что на смену разрядке шла новая волна международной напряженности. Яхонтов был достаточно искушен в американской политической кухне, чтобы не схватывать мгновенно новые тенденции. К тому же он давно заприметил ставшего теперь помощником президента по национальной безопасности господина Збигнева Бжезинского с его оголтелым антисоветизмом и низкого пошиба русофобией. Пресса донесла известие о том, как заинтересовался «Збиг» этническим оружием, над которым вовсю уже работали фашиствующие уче-

ные ЮАР, Израиля, а возможно, и других буржуазных стран. Бжезинский кричал на одном из заседаний, что ему позарез нужно оружие, которое убивало бы только русских, русских по национальности... И все же в повестку дня стало официальное признание паритета. Кто бы мог помыслить об этом в 1919 году? В 1946-м? Да и зачем забираться так далеко. Еще в 1968 году после президентских выборов Ричард Никсон напыщенно декларировал: «Не думаю, чтобы Соединенные Штаты могли позволить себе признать концепцию паритета с Советским Союзом». И вот — приходится признавать. Но внутри США — Яхонтов в этом не сомневался — такой поворот событий повлечет за собой возвышение правых, может быть, нечто вроде второго издания маккартизма. Но это уже злоба от бессилия. Главное — паритет признан! Он, Яхонтов, все-таки дожил до этого!

И пусть как заклинание повторяет президент Картер, что капиталистическая система не только самое правильное и справедливое устройство, но она «лучше всего способствует человеческой природе», это наиболее эффективный способ организации общества во имя общего блага. Но если это так, зачем тогда вся антикоммунистическая возня, зачем чудовищные траты на эту возню? Не получается, господин президент, арахисовый фермер из арахисового штата, а точнее говоря — прилежный выученик Трехсторонней комиссии. Сколько их было — готовых тем или иным способом сокрушить социализм, одолеть Россию. Все тщетно, господа. Тщетно морализирование Картера. Был уже такой, Вильсон, тоже моралист. Яхонтов приехал в Америку как раз при Вильсоне. А что, если попробовать написать статью, сопоставить этих двух «высокоморальных» президентов?

Он работал, напрягая слабеющие силы... Но всему на свете есть предел. 10 октября 1978 года на девяносто восьмом году жизни Яхонтов скончался. Гроб с его телом был установлен в конференц-зале общества «Родина». Проститься с покойным пришло много людей — начиная со старых знакомых еще по той, зарубежной, жизни и кончая молодыми соседями по дому.

Согласно завещанию Виктора Александровича его тело кремировали. Урну с прахом перевезли в Ленинград и захоронили на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, в одной могиле с Мальвиной Витольдовной. 4 мая 1979 года на могиле был установлен памятник — черная гранитная плита.

По преданию, Петр Первый выбрал это место для монастыря и собора потому, что именно здесь 15 июля 1241 года Александр Невский разбил шведов. Для каждого русского патриота Александро-Невская лавра — место особое. Оно названо именем одного из величайших героев отечественной истории. Здесь похоронены Александр Невский, Суворов, Ломоносов, Карамзин, Жуковский, Крылов, Гончаров, Достоевский...

И еще вспомним, читатель: имя Александра Невского носил тот полк, где служил когда-то Яхонтов, где стал он подлинным отцом-командиром для своих солдат. И они поднесли своему ротному при прощании адрес, который он пронес как реликвию через все свои скитания. Так высокой символикой наполнилось и место последнего успокоения Виктора Александровича Яхонтова.

На его могиле, на гранитной плите, кроме имени, отчества, фамилии и дат жизни, выбито три слова: ученый, писатель, патриот.

Жаль, что из-за юридической точности нельзя было выбить на плите еще одно слово — генерал. Формально он был генералом всего семь дней, но он останется в нашей памяти генералом. Вопросы, обращенные к нему из зала, начинались обычно со слова «генерал». Красным генералом называла его реакционная пресса. Наш генерал — говорили о нем в рабочих клубах.

Единственный вариант судьбы

Судьба Яхонтова уникальна. Невероятно само его долгожительство — в гуще политических событий, в стрессовой атмосфере мировых столиц. Поражает сложность его биографии. Трудно дать такому человеку краткое определение. Формулировка статьи о нем в Большой советской энциклопедии — русский политический деятель — безусловно верна, но слишком обща. Яхонтов один в своем роде. Впрочем, разве нельзя сказать так о любом человеке? И допустимо ли говорить об исключительности чьего-то жизненного пути в ту эпоху и в той среде?

В послереволюционной русской эмиграции, частицей которой был Яхонтов, были люди с судьбами не менее фантастическими. Вспомним хотя бы князя Мещерского, жившего во Франции. Он откликнулся на призыв Гитлера принять участие в «освобождении России от большевиков» и добровольно пошел служить фашистским окку-

пантам. Попав на свою бывшую родину и увидев, как встречает «освободителей» русский народ и что творят с этим народом захватчики, Мещерский полностью переменил взгляды. Находясь в отпуске во Франции, он дезертировал из вермахта, перешел на подпольное положение, стал участником французского Сопротивления. Чем не сюжет для приключенческого телесериала!

Жизнь Яхонтова, как уже теперь знает читатель, изобиловала событиями, порой драматическими, но не в них, думается, главное. Главное — это неустанные поиски его духа, его мысли, главное — это то, что Виктор Александрович нашел свой путь к правде эпохи, причем — и это особо важно, в этом суть! — он был поставлен в такие обстоятельства, что путь свой он торил по целине. В своих, пользуясь словами Алексея Толстого, «хождениях по мукам» Яхонтов в силу жизненных обстоятельств оказался без лидера и без «чувства локтя». Он искал самостоятельно, без чьей-либо подсказки, вернее, в ходе взаимоисключающих подсказок. Эволюция, происходившая в нем, большинству окружающих была не видна, они судили по результатам, по действиям. И, вполне естественно, плохо понимали, что происходит с генералом.

Он сам рассказывал об этом так:

— В Америке меня часто спрашивали: почему я, связанный происхождением и всем прошлым со старой Россией, стал за Россию новую, советскую, почему я «переменил фронт». Отвечал я так: фронта не менял, а шел от одного этапа понимания действительности к другому и в результате оказался на той позиции, которую сейчас занимаю

Еще из гомеровской «Одиссеи» пришел к нам образ того, как трудно дается верный путь — надо проплыть так, чтобы не стать жертвой ни Сциллы, ни Харибды. Этих «сцилл» и «харибд» в жизни героя этой книги было гораздо больше, чем у хитроумного Одиссея. Много открывалось перед ним путей, пойдя по которым, «угомонившись», можно было быстро достигнуть покоя, достатка, комфорта, уюта... Устоять перед этими соблазнами мог только очень честный человек.

Но и честные люди, случалось в наш век, сбивались с пути. Какой же звезде вверил Яхонтов свою судьбу, какой звезде он следовал в своих странствиях? Это была звезда Родины, звезда верности ей, иначе говоря — патриотизм. Да, звезда Отечества вела Яхонтова, и, следуя за ней, он нашел верный путь.

Причем он не поддался тому «оптическому», вернее, политическому обману, которым обманулись многие из его среды, посчитав, что звезда России погасла в 1917 году. Яхонтов сумел понять, что звезда России не угасла, напротив, она вспыхнула сверхновой на небосклоне и что это произошло в результате процессов, происшедших в ее недрах. Он понял, что в свое время не уловил этих процессов — а они зрели на его глазах, — но что вина в этом не чья-то, а только его, Яхонтова. Он поставил себе задачу разобраться в происшедшем — и разобрался. В его положении это было нелегко и не просто. Маяковский сказал когда-то:

Пролетарии приходят к коммунизму низом —
низом шахт, серпов и вил, —
я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм,
потому что нет мне без него любви.

Яхонтов пришел к нашей правде через патриотизм, но не слепой, ностальгический (впрочем, бывает ли такой), а через патриотизм осознанный, продуманный, логически, научно выверенный, через патриотизм, неотрывный от гуманизма. Вспомним еще раз очень яркий и очень емкий символ — солдатскую грамоту, которую он пронес через всю свою жизнь. Этим путем пришел Яхонтов к осознанию того, что его Родина выбрала единственно возможный для себя вариант судьбы. Неопровержимая сила нашей правды определила и то, что Виктор Александрович Яхонтов прошел свою жизнь фантастически сложным, но единственно возможным для него путем.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая. Роковые решения	3
Точка отсчета	3
Зарево на горизонте	6
Политграмма по Рябцеву и Верховскому	10
В правительстве Керенского	14
Министерский час	18
Бегство	24
Бегство (продолжение)	28
По инерции	31
Отставка	38
Часть вторая. В лабиринте	41
«Намерен задержаться в Америке и Европе»	41
Шпага Лафайета	46
Сибирская авантюра	52
Сибирская авантюра (продолжение)	56
Несколько слов о сенсациях	61
Жить без отчества	63
Несколько слов о пользе ликбеза	68
Парадоксы — 1919-й	70
Без руля и без ветрил	77
Предраассветная тьма	82
Часть третья. Смена вех	88
Парижское сидение	88
Угол Сорок второй и Пятой	94
Вильямстаун	99
Паломник	108
Как стать «красным генералом»	114
Несколько слов о правилах игры	122
Вокруг света	126
Добро и зло мира сего	136
Когда начинаются войны	143
Часть четвертая. По нашу сторону баррикад	144
Слово сказано	144
Пожар все ближе	153
Пожар у порога	157
Летающие головы	166
В набат!	173
«Умом Россию не понять»	178
«Умом Россию не понять» (продолжение)	182
Русская совесть и американский успех	188
Несколько слов о перемене метода	195
Мечта и отказ от мечты	198
Часть пятая. Борец-сверхсрочник	204
Корпус подлецов	204
Паломничество — 1946-й	211
Стахановец из ООН	216
«Русский голос»	223
«Русский голос» (продолжение)	230
Быть или не быть	237
Запад — Восток и Восток — Запад	246
Прощай, Америка	255
Часть шестая. Последняя награда	260
Свой	260
Приглашение в Кремль	266
Единственный вариант судьбы	269

АЛЕКСАНДР АФАНАСЬЕВ
ЮРИЙ БАРАНОВ

Одиссея генерала Яхонтова